

СЕРГЕЙ КИРЕЕВ

Чтоб человек не вымер на земле...

Роман в стихах

ИЗДАТЕЛЬСТВО **АКАДЕМИЗДАТ**
НОВОСИБИРСК
2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
К43

Киреев С. В.

К43 Чтоб человек не вымер на земле... Роман в стихах / Киреев Сергей – Новосибирск : Академиздат, 2020. – 348 с.

ISBN 978-5-6045107-8-0

Сергей Киреев (р. 1956) — литератор, автор сборников песен и стихов «Возле Чистых Прудов» и «Люди идут по дороге», а также романа в стихах «Леонид Заманский: человек без страха».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Киреев Сергей Владимирович, автор, 2020
ISBN 978-5-6045107-8-0 © Издательство «Академиздат», 2020

Предисловие

Здравствуй, читатель, перед тобой роман о ментах. Когда-то в русском языке слово «мент» имело лёгкий негативный оттенок, – несколько десятилетий назад милиционер мог даже немного обидеться на собеседника, услышав про себя, что он мент. Но со временем это слово стало просто термином, обозначающим существующее положение дел – если ты работаешь в милиции, то ты мент, ничего больше, т. е. мент – это не хорошо и не плохо, просто так у тебя вышло в жизни, – вот что стоит за этим термином. Я, однако, утверждаю, что мент – это скорее хорошо, чем плохо, особенно если речь идёт о трёх милицеских службах – следствии, уголовном розыске и службе участковых инспекторов.

С 1977-го по 1981-й год я учился на следователя в Московской Высшей школе МВД СССР, а затем шесть лет работал следователем в Москве – строго говоря, тоже был ментом. Конечно же, к нам, ментам, отношение в сегодняшнем обществе неоднозначное, как и у нас, ментов, к сегодняшнему обществу – много чего накопилось за прошедшие десятилетия. У меня же, как у профессионального деформанта, отношение к тем ментам, которые работают следователями, сыщиками и участковыми, вполне однозначное – в большинстве своём это самые умные, весёлые и бесстрашные люди.

По крайней мере, так было в 80-е годы прошлого века у меня на глазах, и с некоторых пор я почувствовал, что как литератор я немного задолжал своим товарищам – среди трёх изданных мною книг ментам посвящено лишь несколько страниц. А у меня до сих пор перед глазами то время, когда мы расследовали грабежи, разбои, мошенничество, хулиганство и т. д., и т. д. – эта работа могла вогнать тебя как в самую тяжёлую задумчивость на тему «куда бежать, что делать, чтобы был результат?», так и в состояние гомерического хохота

при виде тех или иных участников уголовного процесса, и так по несколько раз на дню.

Я очень высоко ценю своих товарищей тех лет.

Этот роман я посвящаю им.

Тогда была совсем другая жизнь с огромным количеством проблем, которые сегодня не каждый поймёт – это, в общем и целом, тотальный дефицит милицейских сил и средств в борьбе с организованной и неорганизованной преступностью. Нелегко было, но мы справлялись. Особенно хорошо выходило, когда шла настоящая коллективная работа, когда один за всех и все за одного. Об этом и роман – о коллективном достижении цели, о людях, способных добиваться успеха в самых тяжёлых условиях, не впадая при этом в уныние от специфики происходящего, а, напротив, сохраняя весёлый настрой души.

О ней, о загадочной милицейской душе, и написан этот роман. Вряд ли её кто-нибудь когда-то разгадает, но лучшему пониманию этого феномена мой роман поспособствует.

Итак, читатель, если ты хочешь приблизиться к разгадке загадочной милицейской души (чего, мол, в ней такого загадочного?), читай этот роман.

Сергей Куреев

Пояснения к тексту

Для читателя, не имеющего отношения к следственной и оперативной работе (таких будет подавляющее большинство), необходимы некоторые пояснения к используемым в этой книге терминам и понятиям.

СЛЕДОВАТЕЛЬ – в советское время сотрудник милиции, прокуратуры или органов госбезопасности, расследующий то или иное уголовное дело, в зависимости от подследственности; следователь – процессуально независимое лицо, участник уголовного процесса, все его действия регламентированы, в первую очередь, уголовно-процессуальным кодексом. Следователь, соответственно, проводит необходимые следственные действия – допросы, очные ставки, опознания, следственные эксперименты, обыски, выемки и т. д., назначает экспертизы, выносит решения о предъявлении обвинения, отправляет уголовные дела в суд для принятия судебного решения.

Я бы назвал следователя менеджером проекта; проектом является выяснение истины по уголовному делу. Следователь, в конечном итоге, лично отвечает за итоговый результат.

ОПЕР, СЫЩИК, ИНСПЕКТОР УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА (это всё синонимы) – сотрудник, в чьи обязанности входит проведение оперативно-розыскных мероприятий. Если совсем по-простому, то опер, в отличие от следователя, может заниматься наружным наблюдением, участвовать в задержании преступников, находиться в засаде (иногда по несколько суток подряд), он может при необходимости стрелять, преследовать подозреваемого, заниматься личным сыском, может гримироваться, чтобы его не узнали, когда он собирает информацию под видом кого угодно, – в общем, из материалов сотрудников уголовного розыска и рождаются уголовные дела, которые потом расследуются и доводятся до суда следователем.

Сыщик и следователь – две разные профессии. В советское время они часто работали бок о бок, особенно по «висякам» – когда преступление налицо, а привлечь некого, т.к. никто не пойман.

Мне, как следователю, всегда нравилось работать в контакте с сыщиками, потому что коллективный успех – это то, что я люблю в работе больше всего. Эта книга, как я уже сказал в предисловии, как раз про коллективный успех, и контакт в ней по сюжету романа между службой уголовного розыска и следствием – максимально тесный.

АГЕНТ – этот человек не является сотрудником органов, он добывает для опера информацию, со следователем он не контактирует, он вообще ни с кем не контактирует из милицейских сотрудников, кроме завербовавшего его опера, он всегда находится под угрозой разоблачения и соответствующих агрессивных действий со стороны представителей той среды, в которой он добывает информацию. Работа агента – сложная, опасная и почти никому не видимая. Никаким уголовно-процессуальным кодексом она не регламентируется, жизнь агента зависит от его ума, хитрости и чутья.

ПРОВЕРКА ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ – как раз она и происходит в 15-й главе этой книги. В 99-ти случаях из ста в документальных и художественных фильмах эту проверку ошибочно называют следственным экспериментом, с которым, на самом деле, она не имеет ничего общего. Если, опять же, совсем по-простому, то в ходе этого мероприятия обвиняемый или подозреваемый показывает следователю в присутствии понятых, что и как он делал на этом месте (грабил, воровал, вымогал и т. д.), протокол проверки показаний на месте приобщается к уголовному делу, формализуя тем самым одно из дополнительных доказательств – подтверждение слов фигуранта уголовного дела самим этим фигурантом. Нередко обвиняемые сами инициируют такую проверку в поисках шанса на побег, так как сбежать из следственного изолятора (СИЗО)

или ИВС (изолятора временного содержания) почти невозможно. Такая попытка как раз и описана в 15-й главе этой книги.

КПЗ – камера предварительного заключения. В 80-е годы прошлого века КПЗ уже назывались ИВС – изоляторами временного содержания. В Москве, как правило, на один район был один ИВС – в одном из пяти, например, или шести отделений милиции был такой изолятор, там содержались задержанные по подозрению в совершении преступления – как правило, до трёх суток, крайне редко – до десяти. Термин «КПЗ» в те годы употреблялся по старинке; на самом деле, КПЗ и ИВС – это одно и то же. Из КПЗ (ИВС) было три пути: в СИЗО (в следственный изолятор – в Бутырскую тюрьму или в «Матросскую Тишину»), под подписку о невыезде (когда остаёшься на свободе до суда, но никуда уехать из города не можешь), или, если подозрение в отношении тебя не подтвердилось – на свободу без всяких оговорок.

«ПАЛКА» – на милицейском жаргоне тех лет это раскрытое преступление. Преступление считается раскрытым, когда человеку, его совершившему, предъявлено обвинение. Чем больше «палок», тем лучше раскрываемость.

Следователю в плане статистики «палки» не важны, ему вообще всё равно, много их или мало, а вот опер находится под постоянным давлением, когда «висяков» в районе много, а «палок» мало (это я всё про старые советские годы, когда я сам работал), начальство всех мастей требует от опера, чтобы, наоборот, «палок» было много, а «висяков» мало.

«ВИСЯК» – см. выше – нераскрытое преступление, когда привлекать некого.

ДЕЛКА СО СЛЕДСТВИЕМ – тогда, в советские годы, такого понятия фактически не было, – опер или следователь что-то устно обещал подозреваемому или обвиняемому в обмен на необходимую информацию по делу, но не всегда мог это выполнить – иногда начальство могло потребовать «кинуть»

фигуранта уголовного дела, мол, чего с ними, преступниками, церемониться, использовали его как источник информации, а данное ему обещание выполнять не обязательно.

Драматизм таких ситуаций состоял в том, что следователь вступал в неформальную сделку с обвиняемым на свой страх и риск, без гарантии её выполнения. Одни считали: ну и ладно, если сделка сорвалась, ничего страшного, пусть подследственный посидит, сколько ему суд даст, а не сколько ему обещали; для других же это было настоящей драмой: пообещал, а выполнить не смог, а ставки в этих играх – годы и годы тюремного заключения для того, кому дано обещание. И те, и другие сотрудники, формально работая в одной системе (МВД СССР, например), по своему мозговому и душевному устройству были жителями разных планет: одни считали, что «плохих» можно «кидать», а другие считали, что нельзя. Что для одних было белым, для других было чёрным, и наоборот. Многое в итоге зависело от того, кто кому имел право отдавать приказы. То есть коллизии у нас бывали наисложнейшие, об одной из таких и рассказывается в 14-й главе.

Ладно, читатель, я не очень понимаю, понятно ли я тебе объяснил некоторые текстовые особенности моего романа, или же мои пояснения остались для тебя китайской грамотой, но в процессе чтения ты, думаю, легко поймёшь, что к чему.

Пролог

Ну что, мой друг читатель, вот и снова
Мы встретились с тобою тет-а-тет,
Уже ты меня знаешь, как родного,
Как будто мы знакомы тыщу лет.

И, если ты читаешь мою книгу,
Мы на одной по-прежнему волне.
Дай Бог нам всем плясать на ней и прыгать,
А не валяться где-нибудь на дне.

Волна волной, конечно, но при этом
Я, как обычно, лезу на рожон
И точно знаю: ты моим сюжетом
Довольно сильно будешь удивлён.

Не голубое небо над горою
Я воспою, не алую зарю,
Советские менты – мои герои,
И я об этом прямо говорю.

Заскок, однако, выверт, понимаю,
Но я его себе поставил в плюс,
И что ещё не выжил из ума я,
А большей частью в нём и остаюсь.

В моих мозгах застряла и зависла
Простая мысль. Читатель, будь готов
Признать, что никакого нету смысла
В искусстве, если нету в нём ментов.

Мои стихи – не заросли акаций,
Они, скорей, колючки на кустах.
Да, факт есть факт. Не надо удивляться,
Я сочинил балладу о ментах,

А, может, даже целую поэму,
Ещё не знаю, как оно пойдёт.
Как только я сажусь на эту тему,
Душа сама танцует и поёт!

Я тоже бывший мент. Я в бодром темпе
Вагон и ворох самых громких дел
Сумел раскрыть. Потом ушёл на дембель,
Точнее, в бизнес, где и преуспел.

А вот друзья мои тогда остались
В конторе, где уже им свет не мил
С годами стал. Мы все порастерялись,
И я их всех надолго позабыл.

В России главных бед не так уж много,
Я знаю, в чём их суть и естество –
Не в дураках, и даже не в дорогах,
А в том, что мы не помним ничего.

Признаться, даже я о тех ребятах
Нечасто в эти годы вспоминал,
С кем я однажды на уши когда-то
Поставил весь районный криминал.

Моя затея в целом бестолкова,
Да живы ли они, мои друзья?
Но, словно ценный клад со дна морского,
Я вытащу их из небытия.

Меня сто раз с мечтой моей заветной
Поднимут на смех: «Круто, не вопрос,
Что ты у нас поэт авторитетный,
Так что ж ты вдурь попёр, как паровоз?»

Меня ломать начнут через колено,
Я получу по первое число:
«Жандармов прославлять – какого хрена?
Мол, как ты мог? Ментура – это зло!»

Простой, как милицейская фуражка,
И очень чёткий будет мой ответ:
«Поэт в России меньше, чем букашка,
А мент в России больше, чем поэт».

Тут даже спорить нечего впустую,
Тут важно, чтоб включилась голова.
Нам логика отчётливо диктует,
Что без ментов поэзия мертва.

Откуда мысли эти? Был тут эпизод,
Я опишу его, и время оживёт,
Когда перо моё к бумаге прикоснётся.
Итак, друзья мои, погнажи, в добрый час!
И пусть не слишком будет весел мой рассказ,
Предполагаю, что скучать вам не придётся.

Первая мава

К друзьям, что ли, в гости куда-то,
Сто грамм опрокинув «на бис»,
Я шёл по ночному Арбату,
Орехи какие-то грыз.

Листва кувыркалась, кружила,
Гитары звенели, и мне
Достаточно весело было
Шагать по родной стороне.

Я был относительно молод,
Не глуп, не ленив и не вял,
И верил в удачу, и холод
Мозги мне ещё не сковал.

Я рылом тихонько ворочал,
Не так уж он сложен и крут,
По городу путь среди ночи,
Когда тебя помнят и ждут.

Меня-то как раз ожидали,
Осталось дойти до угла,
У скульптора Славки в подвале
Гулянка в разгаре была!

И мысли, как божьи коровки,
Порхали в башке у меня,
Мы вместе росли на Покровке,
Мы были там все, как родня.

Он выпал из нашей обоймы,
Нашёл свой единственный путь,
И вот у него в мастерской мы
По рюмке решили махнуть.

В сто раз веселее дорога,
И сам ты красив и хорош,
Когда, поднапрягшись немного,
Ты вспомнил, куда ты идёшь.

В то время ментóвская тема
Была от меня далека,
Я сам был участник богемы,
А, значит, безумен слегка.

С каким-то тупым постоянством
Привыкнув затылок чесать,
О людях искусства роман свой
Сперва я хотел написать –

Как хлопотно это – шедевры
С живых персонажей ваять,
Какие иметь надо нервы,
Чтоб вечно юлить и вилять,

Чтоб в общей рабочей рутине
Заказчик тебя не порвал,
Чтоб в статуе и на картине
Он светлый свой лик узнавал.

Банкиров лепить, депутатов
Поди ты ещё полепи,
При них, если платят, всегда ты
Как пёс на железной цепи.

Ещё я скажу про банкиров –
Для Славки оно не впервой,
Что даже похлеще вампиров
Они выступают порой.

Мол, сделай, слепи, покумекай,
Уж если ты бабки берёшь,
Чтоб я на античного грека,
На Цезаря был бы похож! –

Чтоб эту глубинную правду
Увидел и понял народ!
...В ту ночь на Арбате, как автор,
Я сделал крутой разворот.

Не то, чтоб до Славки раздумал
В конечном итоге дойти,
А то, что мента – вот так юмор! –
Сумел повстречать на пути.

Не в плане какого-то культа
Легавый главней, чем поэт,
«Он даже главнее, чем скульптор», –
Скажу я спустя много лет.

Я шлёпал дорогой прямою,
И парень с поникшей башкой
Внезапно возник предо мною –
Корявый, нескладный такой.

На старой скамейке убитой,
Душой отдыхая от дел,
Он, всеми на свете забытый,
С гитарой в обнимку сидел

И голосом тихим, усталым,
Что впору на месте заснуть,
Не пел, а, скорее, шептал он,
Мусолил какую-то муть.

От мути от этой у многих
То искры в глазах, то круги,
Да сохнут ещё руки-ноги,
И тремор терзает мозги.

Мне было вдвойне интересней
В чужой погрузиться вокал,
Поскольку я сам эту песню
Когда-то давно написал.

Да, с песней такое бывает –
Впадёшь в мимолётную блажь,
И вот уж её исполняет
Неведомый мне персонаж.

Певцы, гусяры, скоморохи,
О них я, как мог, в меру сил,
О горькой и славной эпохе
Куплеты свои сочинил.

«Пропадай, голова, мне свой лоб разбивать надоело,
Я по крови скользить, на костях спотыкаться устал.
Пусть, как волк из капкана, душа моя рвётся из тела,
Ей пора на покой, на последний и вечный привал.

Пропадай, голова, только вот по ночам часто слышу
Голоса из могил, из лесов, из болот, из огня:
«У опричнины пир, а про нас, а про нас кто напишет?
А про нас кто споёт?» – люди спрашивают у меня.

Что ж, споём, я готов, подпевайте мне, если не страшно,
Кого хватит на целый куплет, сгинут прочь без следа,
В подземелье сгноят нас и скажут, что сдохли от кашля,
И про нас не узнает никто ничего никогда.

Жизни нет никакой впереди, если песня не спета.
Мы под тяжестью лет, как под глыбами снега и льда,
Пропадём без имён и без лиц. Были люди – и нету.
И про нас не узнает никто ничего никогда.

Мы сидим по углам, языки прикусив от испуга,
Наша память тихонечко тает, как в небе звезда.
Жизнь становится смертью, когда мы не помним друг друга,
И про нас не узнает никто ничего никогда.

Веселей, гусяры, я спою вместе с вами, не струшу,
Эх, ей-Богу, ребята, без песен наш дом не жилец!
Помню, помню друзей, всех, кто жил, кто сберёт свою душу.
Если мы позабыли друг друга, то всем нам конец...»

Вторая глава

Вот так вот он скрипел сухой гортанью
И струны рвал. Я слушал, как во сне,
Тревожное глухое бормотанье,
Неясное кому-то, но не мне.

В лиловом полумраке под луною
Его застывший облик без примет
Казался мне равниной ледяною,
Где жизни сроду не было и нет.

Но где-то этот голос одинокий
Уже я раньше слышал, и не раз.
Откуда он их знает, эти строки,
Пропетые сейчас, как на заказ?

«Давай глотнём», – я рядом с ним уселся
И флягу ему молча передал.
И он в меня внимательно взгляделся:
«А, это ты, привет, не ожидал».

«Чего «привет»? – скажи уж, чтоб я понял».
Он продолжал, как мумия, сидеть.
Ему листва летела на ладони,
И фляга, опустевшая на треть,

Мне пробудила память в организме, –
Я с ним делил когда-то кабинет.
Мы вместе с ним служили в прошлой жизни.
С тех пор прошло почти двенадцать лет.

Не то чтоб мы с одной тарелки ели,
Но если вместе пили, то до дна –
В одном и том же следственном отделе
Пахали от зари и дотемна.

Ну, в общем, это друг мой закадычный,
Витюха Маслов, был у нас такой,
Ликёр любил отведать земляничный
И закусить капустою морской.

Не слишком сочетается, я знаю,
Но у Витюхи тут ответ простой,
Что если жизнь – хреновина сплошная,
И жребий твой – болото и застой,

То надо с этим жребием бороться –
Не на коленках ползать и дрожать,
А к свету, как из старого колодца,
Из серости и скуки вылезать.

Витюха был бунтарь в известном смысле,
В его речах всегда сквозил подтекст,
Что мы немного рожам не вышли,
И скоро нам печаль всю плешь проест,

Что вот же он, удел наш неминуемый,
Нам никуда не скрыться от него!
Всё разное – прекрасно и живуче,
А всё, что одинаково – мертво!

«Ребята, – он однажды подытожил, –
Вот в том и дефективность наших рож,
Что слишком друг на друга мы похожи,
Тут даже слов других не подберёшь».

Чего их подбирать? И так всё ясно –
Мы тащим, как положено, свой крест.
И это ничего, что Витя Маслов
Немного был нацелен на протест.

А как еще советскому майору
В те годы можно было бунтовать?
Ну разве что наливки и ликёры
По собственным рецептам создавать –

Не в уголочке жалобно кукуя
Ввиду судьбы безрадостной своей,
А жизнь вокруг себя создать такую,
Чтоб было как-то всё покрасивей.

Ваниль, корицу в палочках и цедру
Он в ковшик с самогонкою совал
И вместе их с корой и хвоей кедра
На медленном огне разогревал –

Экстракты типа, там, ингредиенты –
Он в этом шарил так, что о-го-го!
И будь хоть академиком, хоть кем ты,
Едва ли ты дотянешь до него!

Тут мысль одна в башке моей засела, –
Скажи мне, мой читатель дорогой,
Тебе известно слово «лимончелло»?¹
Вот я в таких делах ни в зуб ногой,

Ни в морду лаптем, значит, хуже лоха,
А Витька этих слов потенциал

¹ Это сейчас все знают про «Лимончелло», что есть такой ликёр, а советским людям такие слова были неведомы, почти никому.

Ещё тогда, в советскую эпоху,
До всяких перестроек понимал.

Короче, братцы, эта лимончелла
Рекой на наших праздниках лилась.
Витюха Маслов тоже её делал,
Чтоб нашу укреплять взаимосвязь.

У этой крепкой штуки было сходство
С портвейном, но она была вкусней
И придавала пьянке благородство,
И как-то нам спокойно было с ней.

В портвейне дремлет привкус безнадёги,
А лимончеллу пили мы до дна,
И утром пролонгация изжоги
Практически была исключена.

Витюха говорил, сверкая взором,
Пыхтел, как спринтер, выигравший забег:
«С бокалом ароматного ликёра
Совсем другой я в жизни человек!»

Я, как бурлак, что выпрягся из лямки,
На белый свет глазею свысока.
Я прямо как барон в старинном замке,
Где острый шпиль пронзает облака,

Где у меня карт-бланш, прерогатива
Вращаться среди графинь и баронесс,
Способных грациозно и красиво
На клавишине сбавать полонез!

Такая, извините, моя карма,
Что всё вокруг меня со всех сторон
Должно быть по возможности шикарно,
Иначе никакой я не барон,

И даже не маркиз, а замухрышка, –
Тут, даже если ты формально жив,
То всё равно каюк тебе и крышка.
У замухрышек нету перспектив!»

Чтоб лишних избежать инсинуаций,
Он родословной собственной своей
Подробно начал интересоваться:
А как насчёт там княжеских кровей?

В архивах – тех, куда его пускали,
Витюха погружался в пыль веков,
Мы вместе там в корнях его искали,
В родных и близких признаки графёв.

Да, это был тогда серьёзный вызов –
Из тех, кто есть, хотя б кого-нибудь,
Баронов там каких-нибудь, маркизов
К Витюхе ненароком подтянуть.

Мы это дело с треском провалили.
Там всё про всех известно в аккурат.
Мы ни черта в архивах не нарыли.
Но Витька всё равно аристократ.

Он шёл путём извилистым, тернистым
В своих попытках время обскакать,
При этом был таким аккуратистом,
Каких ещё на свете поискать.

Он ногти стриг в неделю раз по двадцать,
Ботинки чистил, брился каждый день,
И шляпу, чтоб таинственной казаться,
Он надевал немного набекрень.

А ты вот, мой читатель, носишь шляпу,
Имеешь ты в душе такой каприз?
Нет? Так и ходишь молча тихой сапой?
Вот потому-то ты и не маркиз.

У нас начальство всё охреневало
От Витькиной настойки «вырви-глаз»,
При этом никогда не забывало,
Что он в работе лучшим был из нас.

В нём страсть одна горела и не гасла:
На бабах, заселивших наш район,
Обжёгшись пару раз, Витюха Маслов
Не в бабу, а в работу был влюблён!

Такой вот экскурс или, как его, эскиз
Я посвятил Витюхе, – шутка, блажь, каприз, –
Вникай, читатель дорогой, и помни, кстати:
Советский мент – он есть начало всех начал!
К чему я это? Чтоб ты лучше понимал,
Кого я встретил среди ночи на Арбате.

Третья глава

Итак, мы сидели на лавке
И пили из фляги коньяк.
Достать среди ночи добавки
Вообще было нам не в напряг.

Достали. И, хоть я особо
В ночи под луной не пою,
Мы вместе исполнили оба
Ту самую песню мою.

С чего я тогда сочинил их,
Куплеты про древнюю Русь,
Про кости в забытых могилах,
Сказать я уже не берусь.

И ветер елозил по крышам,
И в серых мундирах менты,
Как будто гигантские мыши,
Сновали среди темноты –

Не те, о которых пишу я,
Чтоб их не забыли в веках,
А те, кто тихонько крышует
Торговлю в окрестных ларьках.

И, если к подобным мутантам
Ты в лапы случайно попал,
Поди докажи, что не пьян ты,
А просто немного устал.

Вот, кстати, и к нам подкатили
Сержантик, а с ним старшина,
В лицо фонарём посветили,
«Ну вот, – я подумал, – хана!»

Не мне, а напитку в сосуде,
Уж тут не соскочишь никак.
Я знал, что пощады не будет.
Менты уважают коньяк.

И, как фараон в саркофаге,
Сержант был задумчив и тих.
Процесс конфискации фляги
Неплохо поставлен у них,

И штраф будет точно немалый.
«На месте бы всех удавил!» –
Сержант скособочил хлебало
И губы в усмешке скривил.

А вот старшина, как ни странно,
Топтать нас и тюкать не стал,
На Витьку попристальной глянул
И честь ему молча отдал.

И в смутной какой-то печали
Он с миром решил разойтись –
С сержантом на пару отчалил,
Махнув на прощанье: «Держись!»

«Однако же ты популярен,
Хоть всё у тебя кувырком, –
Сказал я, – а кто этот парень
В фуражке, с нормальным лицом?»

И что это, собственно, было,
И как получилось, что он
Совсем не похож на дебила?
Я, правду сказать, поражён,

Поскольку бывает другое:
Вот так вот из тьмы налетят
И жилистой твёрдой рукою
Щипать нас и плющить хотят.

Обычно им надо кормиться,
Такой у них импульс в мозгу,
Вот им по ночам и не спится,
Чтоб вытрясти нашу деньгу.

А тут они чуть покружили,
И всё. Их уже больше нет».
«Мы вместе когда-то служили, –
Сказал мне Витюха в ответ, –

И он, уж поверь, тоже знает,
Он был, как и я, на нуле,
Почём он порою бывает,
Фунт лиха на грешной земле,

Когда тебя вдаль чистым полем
Твой главный начальник послал,
И ты за секунду уволен,
И всё, что имел, потерял.

Вот так оно всё криво, косо
Пошло у меня в тот момент,
Как я объявил своим боссам,
Что я не шестёрка, а мент.

«И с вами я в доле не буду,
И всем вам на свалку пора!» –
Однажды я этим паскудам
Сказал на планёрке с утра.

А к вечеру понял уже я
Предел допустимых границ –
Уволили к чёрту в три шеи,
Как перхоть смахнули с петлиц,

Как пыль отряхнули с ботинка:
«Ни пуха тебе, старина!
Какой бы ни шёл ты тропинкой,
Тернистою будет она!»

Я сам себе друг и спасатель,
Я выбрал свою колею –
Сшибаю рубли на Арбате,
Шансон под гитару пою».

Я Витьку внимательно слушал
И всё понимал без прикрас,
Что Время, как толстая туша,
Задавит любого из нас.

Скучай, не скучай по ребятам,
Уже я отбился от них,
Но Витьку нашёл – вот он, рядом,
А, значит, найду остальных.

Как будто попавший в лавину,
В глухой безнадежный завал,
Впотьмах я, почти уже сгинув,
К спасению путь увидел,

Как будто просвет заприметил
В глубоком и рыхлом снегу,
И годы счастливые эти
Забыть до сих пор не могу.

Как пламя беснуется в домне,
Горит моё сердце, точь-в-точь.
...Я так ничего б и не вспомнил,
Не встретить я его в эту ночь.

Эх, Витька, Витька, ни работы, ни семьи,
Он сдал их все, плацдармы старые свои,
Где жизнь устроила ему большую бойню.
Мой друг Витюха не хватает с неба звёзд.
Он в новой жизни не пришей кобыле хвост.
И все забыли, кем он был, но я-то помню!

Четвёртая глава

Итак, вернёмся в восемьдесят пятый,
В тот год, когда советская страна
Была большой больничною палатой,
Где ни лекарств, ни хлеба. Ни хрена.

Хоть расшибись, кончался корм в корыте
У крупного скота. А у ментов
Бронежилеты были в дефиците,
И не было ни раций, ни стволов.

Нет, где-то там они, конечно, были,
Но не у нас. Район был как район.
И все мы безоружными ходили,
Порядок соблюдая и закон.

И отморозок самый бестолковый
Отлично знал особенность свою,
Что следователь, опер, участковый
Ему не ровня в драке и в бою.

Мы были, словно белые вороны,
Среди врагов – дави нас на корню! –
И при себе для самообороны
Держали абсолютную ...ню.

Мой друг Витёк, владея виртуозно
Отвёрткой, шилом, гаечным ключом,
Смотрелся иногда довольно грозно,
Когда бывал погоней увлечён.

Он в спецмероприятиях порою,
Поскольку был неслыханно здоров,
Участвовал, всегда готовый к бою,
Поддерживая наших оперов.

Бывало, и не спал по три недели,
И свой ликёр почти уже не пил,
При этом, как и все у нас в отделе,
Застойную эпоху не любил.

Ещё не состоялась пересменка,
Насчёт там у кого в руках штурвал,
И Константин Устинович Черненко
Страну собою олицетворял.

И ладно, молодец, а что такого,
Оно как будто даже ничего,
Что тихое спросонья чьё-то слово
По струнке ставит всех до одного.

К Черненко у меня вопросов нету,
Сказал – и хорошо, и отдыхай,
Нет, из башки ползут одни ответы,
Как каша из кастрюли через край –

Что хоть какой создай себе настрой мы,
То всё равно, читатель мой, заметь,
Имеем ровно то, чего достойны,
И будем тыщу лет ещё иметь.

Мы шли вперёд, как велено, как надо,
А в девяносто первом прорвало,
Я сам на Пресне строил баррикады.
С тех пор воды немало утекло.

Я потому сейчас про это вспомнил,
Что, если б Витька раньше всем назло
Частично головы своей не по́днял,
Ещё не ясно, как бы всё пошло́.

Но это так я, к слову, мы не будем
Вперёд, куда не надо, забегать,
Я просто иногда хорошим людям
Пытаюсь как-то в жизни помогать –

Напомнить, например, что все мы живы
Лишь только потому, что есть менты,
И что ещё в труде мы все красивы,
Но без свободы нету красоты.

«И что с того?» – меня читатель спросит.
А то с того, что всё не просто так,
Тебя любой сквозняк под корень скосит,
Будь ты не мент, а попросту ..к.

Нет, я не хочу сказать ни в коем разе,
Что, если ты гражданский, значит, всё.
Их нет в моей башке, таких фантазий,
Что ...ков ничто уж не спасёт.

Тут всё сложнее. Вы помните Эйнштейна?
Ньютона, Теслу, Джоуля, Кюри?
Я вспоминаю их благоговейно,
Большие люди, что ни говори.

Но я скажу, что, будь они ментами,
И жили б не тогда, в былые дни,
Катаясь, как вареники в сметане,
То сколько б ещё сделали они!

Майор Эйнштейн, полковник Ломоносов,
Ну, или подполковник Фарадей,
Они намного больше, без вопросов,
Могли бы напридумывать идей!

Тут нет секрета. Мне его не жалко
В научных обнародовать кругах:
Простая милицейская смекалка
Нейроны активирует в мозгах.

И, если бы Ньютон носил погоны
И мог при этом разум не терять,
То посмотреть на все его законы –
Их было бы не три, а целых пять,

А то и десять, тут как карты лягут,
Тут главное, скажу я, не тупить,
В науке без милиции ни шагу –
Я точно это знаю – не ступить.

Да, есть издержки. Всё идёт от сердца.
Какой-нибудь ретивый замполит
Чморил бы, сука, прапорщика Герца
За бороду и общий внешний вид.

Готовностью к труду и обороне
Великий ум хотя и не блистал,
Но был бы всё же малость закалённей
И умирать так рано бы не стал.

И я скажу российской молодёжи:
Профессий в этом мире пруд пруди,
Бывает, что и платят там, но всё же,
Чтоб стать собой, в милицию иди –

Не для того, чтоб мозг трухой и пылью
Покрылся у тебя и мхом зарос,
А для того, чтоб сказку сделать былью,
Как в песне. Мы поможем, не вопрос.

Вам нравятся слова, скажите, братцы:
Фуражка, портупея, сапоги?
Читатель мой, не надо их пугаться,
Давай-ка ты мне лучше помоги!

Я верю: ты ребёнка воспитаешь,
Но, если он не смыслит ни черта,
Когда ты эту книгу дочитаешь,
Отправь его учиться на мента!

Ну ладно. Время знай себе летело,
На то оно и время, чтоб лететь.
В нас новости впивались, словно стрелы,
Любой охреневал, кого ни встретить.

Ещё была цела в Берлине стенка –
Три с половиной метра в вышину,
Но Горбачев сменил уже Черненко,
И СССР тихонько шёл ко дну.

Он там и оказался, СССР-то,
Нам оставалось пять недолгих лет
До крови, слёз, агонии и смерти,
А от страны простыл потом и след.

Она ещё слегка потрепыхалась,
Как пугч прошёл, и стихли гул и рёв.
Я знаю, почему она распалась
И где не доработал Горбачёв.

Он столько сил в родную землю вбухал,
Но тщетно всё. А в ус бы вот не дул,
Носил бы шляпу так, как наш Витюха,
То хрен бы его Ельцин сковырнул.

Народ, он хочет, кроме конструктива
В делах вождей, ещё и красоты.
Да, в Горбачёве было всё красиво.
Всё, кроме шляпы. Стало быть, кранты,

Конец ему – не в смысле смерть, могила,
Он долго будет жить, другим бы так,
А в смысле, что ушла былая сила,
Нет, братцы, шляпа – это не пустяк.

Вот был Лужков, держал столицу крепко,
Орёл такой – и выправка, и статья,
А кепку он носил – всем кепкам кепка!
Он даже президентом мог бы стать.

Но нет, не стал. Хоть кепка – это круто,
Мы согласиться всё-таки должны –
Тут забывать нельзя ни на минуту –
Без шляпы нету лидера страны.

Советские вожди их надевали –
Ходячий ужас, горе и беда,
Вот потому мы все и выпивали,
Чтоб этого не видеть никогда!

И так у нас вокруг всё было тускло,
А тут ещё партийное ядро –
Товарищи Косыгин, Брежнев, Суслов,
Подгорный, Пельше, всё Политбюро,

Кто вес имел нешуточный, нехилый,
Носили их тогда, в былые дни,
Что впору крикнуть: «Господи, помилуй,
Спаси их, вразуми и сохрани!»

Попробуй крикни – в дурке новосёлом
Легко и быстро станешь, в пять секунд,
Где внутривенно галоперидолом
Любых излечат психов и паскуд.

Они носили шляпы «пирожками»,
Какая-то сплошная чертовня,
И смотрятся такими чудаками,
Ну, правда, из сегодняшнего дня.

Я вспомнил эти шляпы на минутку,
И на какой носили их манер,
И это было страшно. Было жутко.
Вот потому и рухнул СССР.

Но это было всё гораздо позже,
А в восемьдесят пятом и шестом
Мы все, хоть и кривили наши рожи,
Примерно тем же шлёпали путём.

В родном любимом следственном отделе,
Хоть ливень за окном, хоть снежный шквал,
Хоть пенье соловья, хоть звон капли,
Всё так же я дневал и ночевал.

Нас всех пасли спецы из комитета,
Прослушка круглосуточной была.
Зачем? Да кто их знает, нет ответа,
У них свои, особые дела.

Проверок вереницы, что из главка, –
Бездельники – свои, из МВД,
В делах у нас копались – чистый Кафка!
Как вилами водили по воде.

И особисты, как на поле брани,
Несли на нас – на приступ, на таран:
«Эй, ты! Ты был недавно в ресторане,
А где ты денег взял на ресторан?»

Такая вот бывала нахлобучка:
«Чего ты протоколы-то, чудак,
То чёрной пишешь шариковой ручкой,
А то вдруг синей – типа, это как?!

Вопрос, как ни крути, отнюдь не праздный,
Тут мы с тобой обязаны сойтись:
Всё, что формально – единообразно
Должно быть в этой жизни, согласись!»

И я им накопал зелёным цветом,
Что да, мол, лоханулся, признаю,
И красным подписался. В голове-то
Я гнул без спроса линию свою.

Ребята мне тогда сказали: «Браво!»
Проверка прогундосила: «Дебил!
На вольнодумцев есть у нас управа,
Напомнить можем, если кто забыл!»

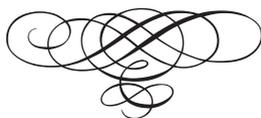
При Сталине бы шлёпнули, конечно,
Такой сотрудник долго не живёт,
А тут лишь от обиды безутешной
Поставили дежурить в Новый Год.

Узнав об этом, мастер апелляций,
Витюха подбоченился, как граф:
«Маразм не может вечно продолжаться!»
Вот тут он однозначно был не прав.

Вы лучше у других ментов спросите, –
Маразм имеет чёткий внешний вид,
Пока его источник и носитель
В активной фазе, сволочь, состоит.

И в бесконечном этом карнавале,
Забыв про сон, еду и опохмел,
Мы висяки такие раскрывали,
Что Шерлок Холмс, и тот бы очумел.

Советский следователь, кто он есть такой?
Он тот, кто стены сносит запросто башкой,
Когда они ему идти мешают к цели.
При этом мозг вполне способен у него
Нормально действовать. Оно и ничего:
Разбег, удар – и только щепки полетели!

Пятая глава

В теории так и бывает:
Увидел, подумал, раскрыл, –
Контора тебе помогает,
Ни средств не жалеет, ни сил.

И следствие с розыском вместе
В единой упряжке бегут,
И вор терпелив при аресте,
И взятки в суде не дают.

И старенький мудрый наставник,
Похлопав тебя по плечу,
Поллитру приходится плавно:
Не зря я вас всё же учу!

Ну, в смысле, что мент выпивает
В минуты триумфа, а так
Лишь службу одну уважает,
Хоть, в общем, махнуть не дурак.

И самбо он знает приёмы,
И ствол у него с кобурой.
Немного у нас по-другому
Дела обстояли порой.

Расхлёбывать горькую кашу
С Петровки большой генерал
Однажды всю братию нашу
На общую сходку собрал.

Ну что? Мы пришли, для порядка
Немного на жизнь пороптав –
А толку-то? Есть разнарядка
На весь офицерский состав.

Он нас пригласил к разговору
И факты поставил на вид:
«Кривая преступности в гору
Уже не идёт, а летит.

Мы скоро Чикаго догоним,
Такие творятся дела,
Серийная банда в районе
Работать у нас начала!

У них все дела под копирку,
Как ёлки в дремучем лесу, –
Берут лишь одну ювелирку,
И то почему-то не всю!

Мы их отличаем от прочих,
У них все шаги неспроста,
Мы видим их фирменный почерк:
Внезапность, напор, быстрота!

И скоро уже, может статья,
Главнее мента будет вор.
Они ничего не боятся,
Они нас не видят в упор!»

Мы слушали в актовом зале
Его бесконечный доклад.
Спасибо, а то мы не знали,
Как наши дела обстоят.

Уже, как-никак, третий месяц
Начальство от нас ни на шаг,
Оно нас мордует и месит
И с нами стоит на ушах.

Его-то ведь тоже долбают,
А как не долбать, если он
Уже на глазах погибает,
Родной наш, любимый район.

Каких-то залётных ковбоев
Нелёгкая нам принесла,
От крупных квартирных разбоев
Башка уже кругом пошла.

И с нашим большим генералом
Припадок, вон, вышел уже.
«Молчать!» – как блаженный, орал он
В безумном слепом кураже.

«Неделю вам! Две! И не больше!» –
Он трясся, пока не устал.
«Прости его, господи Боже», –
Витюха под нос прошептал.

Озвучив наш общий диагноз,
Что нас в изумление ввёл,
Шестёрки его битый час нас
Возюкали мордой об стол.

Хрипящих и лающих звуков
Истратив последний запас,
И нас, и себя убаюкав,
Он всё же уехал от нас, –

Добра пожелал и победы,
Задора в душе и огня,
Кулак показав напоследок,
Мол, вот вы все где у меня!

Забавный мужик. Интересный.
И где-то, наверно, он прав,
Ведь толку-то ноль, если честно,
От наших засад и облав.

И некуда деться от факта,
Поди ты ему возрази,
Что следствие наше – как трактор,
Который буксует в грязи.

Мы бьёмся, но нет результата,
Одни только есть висяки,
И хочется крикнуть: «Ребята!
Какие ж мы все ... ки!

Мы что, с мастерами диверсий
Сражаемся в мирной Москве,
Что нет ни зацепок, ни версий
У нас никаких в голове?»

И даже, вон, жизнью помятый,
Скуля на луну перед сном,
Служебный кобель виновато
В вольере виляет хвостом,

Простите, мол, братцы, бывает,
Опять оно всё не в дугу,
Что след от меня ускользает,
Что взять я его не могу!

Чтоб в сердце тоска рассосалась,
За рюмкой вести разговор –
Всего-то лишь нам и осталось,
Мол, враг наш силён и хитёр!

С тех пор, как он вышел на сцену,
Как будто мы ночью и днём
Глухую гранитную стену
Упрямо и тупо грызём!

Начальник наш, старый служака,
Полковник по прозвищу Клещ,
Сказал нам: «Расклад тут, однако,
Не просто суров и зловещ,

А, я бы сказал, безнадёжен,
Покуда мы все не поймём:
Уже мы так больше не можем
Идти, как быки, напролом».

Он лично в столовке, за чаем
Доходчиво нам втолковал:
«Мы редко таких, но встречаем,
Руками бы их разорвал!

Хотя тут и умники все мы,
Но как-то у них там внутри
Пока я не вижу системы,
А есть она, чёрт побери!

Чего уж, конечно же, круто:
Без всякой дурацкой возни
В квартире не больше минуты
Проводят обычно они.

Потом исчезают с концами,
И всё, и следов никаких,
Наверное, мы бы и сами
Могли поучиться у них.

Не в смысле там хапнуть чужое
И где-то в берлоге залечь,
А в смысле своё дорогое
Рабочее время беречь.

Они расторопно и ловко
Запудрили головы нам,
Пристрелка у них, подготовка
К большим и серьёзным боям!»

Мы службы отведали вдоволь –
Сплошной бесконечный аврал.
Поверьте, ребята, такого
Я лично давно не видал.

Психуя уже поневоле,
Я крикнуть хотел много раз:
«Джеймс Бонды вы, Штирлицы, что ли,
Что нету управы на вас!?»

Мы были под прессом, и даже
Из главка один сукин сын
У нас в управлении зажил,
Пузатый такой, как кувшин.

Задача – ни много ни мало,
Курируя наши шаги,
Проверить причины провала:
А вдруг мы и сами враги?

Он всю нашу братию, шкура,
Таскал на ковёр каждый час,
И спесь, словно моль с абажура,
Слетала с любого из нас.

Он ждал оглашения факта,
Что вор уже едет в тюрьму.
...Хоть Клещ нас отмазывал как-то,
Старался, спасибо ему...

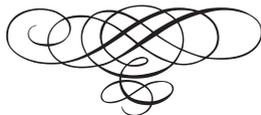
Короче, терпеть, если надо –
Удел наш на все времена.
И сыщики наши в засадах
Ночами сидели без сна,

А утром шагали понуро
В контору, шепча: «Ну, дела!»,
И на уши вся агентура
Поставлена ими была –

Не зря, кстати. Капля, крупица,
Пылинка размером с микрон,
И те нам могли пригодиться,
Чтоб кончился он, этот сон,

Кошмар наяву, при котором
Любимый, родной наш район
Незримым талантливым вором
В три месяца был покорён.

Картина общая понятна и ясна:
Лихие, тяжкие настали времена,
Не на какую-то напали шелупонь мы.
Они подняли свою планку высоко,
Они навешали нам столько висяков,
Что я такого как-то даже и не помню.

Шестая глава

Я, кроме Витьки, дружен был с Толяном,
С ровесником моим и земляком,
Я перед ними круглым был бараном,
Хотя и не последним дураком.

Толян за стенкой, в розыске трудился,
Носил из кожи длинное пальто,
При том, что изначально уродился
В рубашке – был везучий, как никто.

В отличие от нашего Витюхи,
Который баб за что-то невзлюбил,
Толян, хотя, возможно, это слухи,
Всегда вполне приветлив с ними был.

Не в смысле там «привет!» и «до свиданья!»,
А дальше разошлись по сторонам,
А в смысле, если есть у вас желанье,
Давайте прогуляемся, мадам,

Минут пятнадцать или даже двадцать,
А то и вовсе можно полчаса
Ходить, архитектурой восторгаться,
Смотри-ка, мол, какие чудеса!

Короче, хоть и был он весь в работе,
Но женским полом, шумный и шальной,
Он вовсе не манкировал, напротив,
Он приглашал на чай его домой.

А там уже совсем другое дело,
Какие, на хрен, шпиды, купола,
Там гвоздь программы – Витькин «лимончелло»!
Там очень даже бойко шли дела.

Болтушки, балаболки, эти бабы
Ввиду большой и пламенной любви
Готовили ему люля-кебабы,
Поди ты их ещё останови.

Мол, ешь, любимый, силы набирайся,
Она тебе совсем не повредит,
Вся жизнь твоя – как гоночная трасса,
Ты должен быть здоров на ней и сыт.

Но как пошли квартирные разбои,
И кражи, кражи той же группой лиц,
Нам никакого не было покоя
От рассказней, легенд и небылиц,

Что тополиным пухом разлетались
По всем дворам, углам и закуткам,
И у Толяна мысли кувыркались,
Что жилы рвёшь, а воз и ныне там!

И жизнь пошла какая-то чудная
В преддверии возможных передряг,
И пассия его очередная
Всё вопрошала: «Как же это так?»

Ты мне скажи, мой друг, хотя бы вкратце:
А правда, что преступность возросла?
А нам с тобою есть чего бояться,
Нас точно не убьют из-за угла?»

Толян сперва отбрёхивался вяло:
«Хоть век наш и безумен и жесток,
Но всё же ты напрасно задрожала,
Моя душа, мой нежный лепесток!

Лови меня сто раз на честном слове,
Милиция тебя не подведёт,
Она любую сволочь переловит,
Любому гаду выпишет расчёт!»

Что ж, он храбрился, только так и надо
От паники подруг оберегать,
При этом он по рейдам и засадам
С концами, глухо начал пропадать.

Он говорил себе: «Покуда в силе
Мои враги, то мне покоя нет,
Они мой образ жизни изменили,
Какие бабы? Я теперь аскет!

Отбренькали, ослабли струны сердца,
Душа не пляшет больше, не поёт,
И я, выходит, если присмотреться,
Не Дон Жуан теперь, а Дон Кихот?

И то с хренцой какой-то непонятной!
Он ветряные мельницы копьём
В упор атаковал, и на попятный,
Назад не шёл, а только напролом!

Он в бой летел, вперёд на поле брани,
Мол, вот он, враг, сражайся, кто не трус!
А я как будто в облаке, в тумане
С химерами какими-то борюсь!

Ну где вы, гады, мне-то с кем сражаться?» –
Толян куда-то в небо вопрошал...
...Короче, бабы стали обижаться,
Что он теперь их реже приглашал.

Ну, хорошо хоть, в этой новой жизни
Он изредка собою всё же был
И что в своём упёртом аскетизме
До абсолюта он не доходил.

С Толяном вместе Петька, классный парень,
Силач, спортсмен по прозвищу Удав,
Носился по району в связке, в паре,
На время с личной жизнью завязав,

Как все мы, впрочем. Если результата
Уже четвёртый месяц не видать,
И нету перспектив, то и расплата
Уж точно не заставит себя ждать.

Вот личной жизнью мы как раз и платим
Точь-точь за всё за это, как Толян,
И бродим, словно психи по палатам,
Как ветер по невспаханым полям –

По воровским покинутым малинам, –
А вдруг они опять сюда придут?
А, может, замаячит свет вдали нам,
И снова наши души запоют?

Ну, то есть, раз! И два! и всех накроём,
Героями такими сразу став!
...В тот день уж если кто и был героем,
То это, несомненно, наш Удав.

Все сыщики танцуют, как от печек,
От агентуры. Вот и свет мелькнул –
Ему один секретный человечек
Чего-то интересное шепнул, –

Что завтра в полдень, если верить слухам,
Они пойдут на дело где-то здесь,
Внутри квартала. Даже на мокруху
Готовы будут. Лучше к ним не лезь,

Будь ты усталый, сонный, безоружный.
Рефлексы все должны быть при тебе,
Чтоб им без лишних сбоев, если нужно,
Сработать при захвате и стрельбе.

В мозгах у банды план замысловатый,
Они хотят по-крупному сыграть,
Одно лишь непонятно, что за хату
Они на приступ завтра будут брать.

Вообще-то это было не впервые,
Когда нам осторожный шёл сигнал,
Что вор свои ресурсы боевые
В один большой кулак уже собрал –

Людей, стволы, машину приготовил,
Чтоб всё там как по маслу «на ура!»
Прошло у них без лишних предисловий,
Чтоб всем скорей убраться со двора.

И бедолаги-сыщики вприпрыжку
Неслись туда, на место – и чего?
А каждый раз тянули мы пустышку
И выли от бессилья своего,

И по домам, как загнанные клячи,
Плелись потом: «Ведь был же вроде шанс!»
Удав сказал: «На этот раз иначе
Сойдётся наш итоговый баланс,

Кто в плюсе, кто в нулях. Толян, чего ты
Грустишь там? Ать-два, левой, понеслась!
Мы завтра утром выйдем на охоту
И мы её прихлопнем, эту мразь!

Мы в шашки их с тобою обыграем,
Чтоб покарать потом и посадить,
Хотя и точный адрес мы не знаем,
Где завтра будет всё происходить.

Мы рядом с ними будем по-любому,
Мы их возьмём за шкурку в оборот,
Да тут всего два-три богатых дома,
Где непростая публика живёт».

...Потом, наутро, было всё по плану,
Когда ребята вышли на захват.
Им головы кружил душистый, пряный
Сиреней и черёмух аромат.

У них была для радости причина,
Что на двоих им дали два ствола,
А вот оперативная машина
Уже неделю в сервисе была.

Вот так, друзья, в эпоху дефицита
Всего и вся, товаров и услуг,
Мы были презираемы открыто
Отрядами лентяев и хапуг.

Когда служебный транспорт твой в ремонте,
Ты нос врагу не сможешь утереть.
Допустим, вор возник на горизонте,
Поди ты до него ещё доедь!

Экзотика, конечно, существует –
Велосипед там, санки, самокат,
Но это только силы вхолостую
В пылу погони тратить невпопад.

Едва ли есть резон в таком формате.
Да хоть какой ты умник и талант,
Преследовать врага на самокате –
Довольно спорный, братцы, вариант.

А вот Толян блестящий новый велик
В кустах поставил – просто постоять –
Заранее. И кто чего там мелет,
Что дурь всё это – бог с ним, наплевать.

Рояль в кустах бывает и уместен,
Точней, красивый велик на ходу.
Толян с Удавом сразу как-то, вместе,
В счастливую поверили звезду,

Что будет, чёрт возьми, она светить им,
Не вечно же мерзавцам и козлам
Ходить вот так – непойманным, небитым,
А не сидеть в застенках по углам.

Итак, они в одежке серой, куцей
Идут как будто в винный магазин,
Где персонажи странные толкутся,
Что политуру пьют и керосин –

Они в любое время наготове –
Глощают всё, чего погорячей.
...Полусухой закон при Горбачёве
Из полупьяниц сделал алкашей.²

Толян и Удаву надо было
Задать для маскировки нужный крен.
В авоське двадцать штук пустых бутылок
Несли они как будто на обмен.

Мол, оба мы простые выпивохи,
И трубы, мол, в груди с утра горят,
И мы без суеты и суматохи
Готовы похмеляться всем подряд.

За этим и идём, изжогу кроя,
Народ, кто добрый, соточку плесни!
«Смотри, Толян, вон там, с вещами, трое,
Выходят из подъезда! Есть! Они!»

«Да вижу! Всё, давай, Удав, погнали!
Кто дёрнется, клади их наповал!
Чего, кого там – мелочи, детали,
Кто быстрый, тот и выжил, чёрт побрал!»

Уже и в чудеса поверить впору
Удаву и Толян. Всё сошлось!
«Стоять на месте, суки! Руки в гору!
Эй, ты, ушастый, в кепке, пушку брось!»

² 16.05.1985, вскоре после того, как Михаил Горбачёв стал генеральным секретарём ЦК КПСС, вышел Указ «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом, искоренении самогонварения». Огромное количество винных магазинов закрылось, самогонварение, на взгляд автора данного романа, приобрело невиданные масштабы, а пить стали не меньше, а больше, – опять же, с моей субъективной точки зрения.

И в старую разбитую телегу –
В стоявшие на стрёме «Жигули» –
Нырнули рыбкой, прыгнули с разбега
Те двое, что добычу волокли.

Форсированный двигатель, однако,
У них стоял в тех самых «Жигулях» –
Рванули так – чуть дворник не заплакал:
Эх, вот же – и масштаб он, и размах!

Но третьего Удав не собирался
Бездарно упускать, за просто так.
Прыжок! Захват! Он рухнул, но поднялся.
Он принял бой, соперник наш и враг!

Там словно чёрт из каждого повывлез,
Там были и удары, и броски,
Они с Удавом жёстко зарубились.
Они друг друга рвали на куски!

Он вышел из высокого партера,
Когда Удав к земле его прижал,
Он сильный был и гибкий, как пантера,
Но всё же он в итоге побежал.

Удав – простой и ясный тип солдата –
Боксёр, борец, но я скажу одно:
Самбисты, хоть и сильные ребята,
Им спринтерами быть не суждено.

Ну вот и всё. Ушастый оторвался.
Погоня длилась ровно пять минут.
Удав валился с ног, но не сдавался.
Забор какой-то, свалка, грязь и муть.

И ветер тучи пыли над землёю,
Как стадо чудищ, гнал куда-то вдаль,
И пепел, что летел над головою,
Закручивался в чёрную спираль,

Как будто наяву кошмар приснился
Кому-то повреждённому в уме.
И всё, пропал ушастый, растворился
В густой и жуткой этой кутерьме!

И костерок у края котлована
Едва горел, и люди на бревне
Из серого гранёного стакана
Поочерёдно пили, как во сне.

Там лица вроде есть, а вроде нету.
Удав в тяжёлый ступор сразу впал:
«Ну прямо как пришельцы с того света,
Я никогда такого не видал».

Они, казалось, мыслями витали,
Пять-шесть персон, в мирах совсем иных.
«Ребята, вы тут парня не видали?
Он мой дружок», – Удав спросил у них.

И чувствуя, как кровь клокочет в жилах,
И щеголяя бицепсом стальным,
Удав поочерёдно тормозил их
И понимал: они сейчас не с ним.

Сидят себе расхристанно и криво,
Похожи на поломанный камыш,
И смотрят тяжко, мрачно и тоскливо:
«Мы не поймём, о чём ты говоришь.

Когда-то мы уснули с перепоею,
А дальше – тихий ужас, колдовство,
Мы видим только тьму перед собою
И больше мы не видим ничего.

Садись и с нами выпей, если хочешь.
Всё в мире – дребедень и ерунда.
Мы никого не видели, короче.
И больше не увидим никогда.

А то, что мы с тоски не удавились,
На этот чёртов глядя котлован,
Откуда никогда никто не вылез,
То, может, это всё один обман,

Что ты нас видишь. Может, это сон лишь,
И все вокруг давно уже мертвы –
И ты, и мы, и те, кого ты помнишь,
Вот ты и выкинь их из головы!»

И умудрённый седовласый ветеран
Лицо от копоти и сажи вытирал
И заливал в себя сивуху из стакана.
«Эй, ты, сюда!» – Удав Ушастому орал.
Ответа не было, лишь ветер горло драл,
И костерок горел у края котлована...

Седьмая глава

А как там Толян? А вот так он –
Он тоже знаток этих дел,
Он спец по внезапным атакам,
Он руки сложа не сидел.

Как только Удав за ушастым
Со свистом вдогонку рванул,
Толян бесшабашным гимнастом
С разбега в кусты сиганул.

Нет-нет, он не спятил, ребята,
Не надо так думать о нём,
Там велик надёжно припрятан
Заранее был под кустом!

Ну что? ход конём – это круто!
Поди опровергни меня,
Что велик по ходу маршрута
Немного похож на коня!

Любого барана упрямей
И, кстати, нисколько не пьян,
На велике за «Жигулями»
Вдогонку помчался Толян.

Как будто бы кто-то ужалил
Его ни с того ни с сего,
Он только и жал на педали,
Не помня себя самого!

И в зеркало заднего вида,
Беспечен, и весел, и смел,
Водила, продажная гнида,
В носу ковыряя, смотрел

И цыкал губой на Толяна:
«Пора бы и честь уже знать!
За мной только сдуру и спьяну
На велике можно гонять!

Я вижу настрой твой и норов,
Мне спорить с тобой запаadlo!
У великов нету моторов,
Ну, разве что руль и седло,

Звонок ещё, цепь, и тебе ли
Специфику эту не знать:
На скорость движения к цели
Не могут они повлиять!

И, если бесспорные факты
Твой ум не приемлет никак,
Выходит, что полный м...к ты,
И велик твой полный м...к!»

Вот так вот, глумясь над Толяном,
Со смеха срываясь на крик,
Он сам оказался болваном,
Свернув по ошибке в тупик.

И в чёрном плаще, словно коршун,
Толян, как на крыльях, летел,
Сто метров осталось, не больше,
Чтоб взять их уже на прицел!

Он мчался, дороги не видя,
И, стыд позабыв и испуг,
Красавица в модном прикиде
Возникла откуда-то вдруг.

Да, все мы гуляем в охотку,
Пока молодые, и вот
Нас прошлое наше за глотку
Без спроса однажды берёт!

Шарфом помахав для начала
И встав у него на пути,
Она, надрываясь кричала:
«Толян, дорогой, прокати!

Давненько же мы не видались,
Ты раньше внимательным был,
И все мои карты смешались,
Когда ты меня позабыл!

Опомнись, да я это, Люся!
И я в тебя твёрдой рукой
Возьму вот сейчас и вцеплюся,
Чтоб за город ехать с тобой!

Давай, дорогой, ну чего ты?
Там лес, тишина, благодать,
Мне сфоткать зайчишку охота
И ландыш красивый сорвать!

А можно чего и попроще
Придумать заранее, впрок –
В сосновой какой-нибудь роще
Укромный найти уголок!

Всё классно, когда ты имеешь
Надёжный причал для двоих,
Ты точно, Толян, обалдеешь
От жарких объятий моих!

Затейница я, фантазёрка,
Мне жизнь без любви не мила!» –
...Такая вот скороговорка
Исполнена ею была.

И голос её уже сорван,
Она ещё руки притом,
Лишняя Толяна манёвра,
Успела раскинуть крестом!

А он, как помешанный, мчался,
И ветер свистел, как дебил,
И шарф у неё трепыхался,
И дождь по асфальту долбил.

И крупные капли летели,
Кружили, как россыпи пуль,
Когда на последнем пределе
Толян выворачивал руль!

И редким проходим от смеха
Живот закрутило узлом,
Когда он на скорости въехал
В бетонный бордюр колесом!

Представь, мой читатель, картину:
Рева от обиды навзрыд,
Одна, под дождём, с хворостиной
Какая-то баба стоит!

Как врежешься – сразу убьёшься,
Пусть даже ты ловок и смел,
И вряд ли уж тут увернёшься
От молний – от огненных стрел!

И, самым жестоким манером,
Но всё ещё бодрый на вид,
В пространстве холодном и сером
Толян, кувыркаясь, летит!

И ливень, и градины с вишню,
Там всё воедино сплелось,
И вот он уже неподвижно
Лежит, словно раненый лось!

И, как мне потом очевидцы
Сквозь слёзы смогли доложить,
Какие-то злобные птицы
Успели над ним покружить.

И, наспех глотнув самогона,
Чтоб в теле прибавилось сил,
Какой-то придурок с балкона
Огрызком в него запустил!

«Не то, чтобы я находился
В таком уж глубоком хмелю, –
Он после, потом объяснился, –
А просто я шум не люблю».

И друг наш дышал еле-еле,
И смерть свою пряжу плела,
Но люди его пожалели,
И «Скорая» быстро пришла.

Ему аскорбинку в больничке
Давали три дня, и его
Мутило сперва с непривычки,
А дальше уже ничего.

Не только Толян, вся палата
Должна была дрянь эту жрать,
Ведь надо ж начальству куда-то
Запасы складские девать.

«Менты – это сильные лоси! –
В итоге сказали ему, –
Гляди, у тебя всё срослося,
Наверно, смешно самому!

А как тут, скажи, не смеяться,
Там дождь клокотал: буль-буль-буль!
И ты всё же метров пятнадцать
Летел сквозь него через руль!

И брякнулся прямо на клумбу,
Башкой успевая крутить,
Большую гранитную тумбу
Успев по пути своротить!

В итоге довольно легко ты
Отделаться смог. Молодец.
Так вот и иди на работу,
Поймай уже всех наконец!»

Ну что ж, он на службу вернулся,
Удав ему рюмку налил:
«Я тоже, как ты, лоханулся,
Мишень из-под рук упустил!

Тут прямо уже поневоле
На месте сгоришь от стыда!
Такая судьба наша, что ли?
И как нам теперь, и куда?»

Мы с Витькой зашли к ним – утешить,
Хоть как-то ребят подбодрить.
Толян был заросший, как леший,
Постричь бы его и побрить!

Побрили, опять стал красивый,
Пиджак застегнул на груди –
Не мерин какой-нибудь сивый,
Хоть снова по бабам иди!

Мы дружно над ним хохотали,
По-доброму, надо сказать,
Стаканы уже грохотали,
Что мы поспешили достать.

Подтянутый, трезвый, толковый,
На сходку стихийную к нам
Володька пришёл, участковый,
На шум этот, грохот и гам.

«Хорош, – он сказал нам, – базарить!
Покуда у нас, дурачин,
Хоть как-то мозги наши варят,
Печалиться нету причин!»

Едва ли я парня душевней
По жизни встречал на пути.
Солёных грибов из деревни
Сумел он для нас привезти.

«Отличная закуска, ребята, –
Сказал он, – а есть, чем запить?»
«Володь, ты чего? Для тебя-то –
Ну как оно может не быть?»

И Вовка открыл свои банки,
Закуска что надо, он прав,
Какие-то сушки, баранки
Достал из заначки Удав.

Я чувство опоры и локтя,
Как яркую вспышку во мгле,
Душой ощутил. Бутылёк-то
Стоял, вон, уже на столе!

Сергуня, товарищ Толяна,
Которому скоро в запас,
Налил, чего надо, в стаканы:
«За встречу, ребята! За вас!»

Толян обозначил проблему:
«Мы в чёрной своей полосе
Застрали. И что же, вообще мы
Теперь невезучие все?»

Да, было мне грустно и тяжело,
Меня там, на месте, без сил,
Едва не хватила кондрашка,
Когда я педали крутил!

Я стойко держал перегрузку
В той гонке, и вот вам – привет! –
Какая-то Люська-Маруська
Возникла, и всё – наших нет!

Расклад исключительно дивный
Представился мне: может быть,
Какой-нибудь гад негативный
Решил мне свинью подложить?

Я имя-то даже не помню,
Какая такая она,
Мадам, что махала платком мне,
Любовью и страстью полна!»

«На баб наезжать – нету толка, –
Володька сказал, – ты не прав,
Они существуют не только
Для наших утех и забав!

Она там была, как кобыла,
Прыгучая, полная сил,
Вот это тебя и сгубило,
Что ты её имя забыл!

Для баб уважение свято –
Сю-сю, мур-мур-мур там, хотя б,
Мы сами во всём виноваты,
Когда мы страдаем от баб!

За этим следить надо строго,
И даже вдруг если опять
Их стало избыточно много,
Нельзя их имён забывать!

Иначе беда тебе с ними,
Пожар, катастрофа, потоп!
Толян, ты забыл её имя,
Вот ты, извини, и огрѐб!»

Мы снова по полной налили:
Удав, ты-то как? расскажи,
Не слишком тебя уморили
Крутые твои виражи?

Ну, вкратце озвучь нам хотя бы,
Чего там в башке у тебя?
«А я потерял свою бабу,
Теперь моё дело — труба!

Она ведь в последнее время
Была мне почти что жена.
В пределах разумного в теме
Насчёт нашей службы она,

Ну вот мне мозги и выносит,
Что это пожизненный крест,
Который бы можно и бросить,
Когда он совсем надоест.

Она меня любит всем сердцем,
Но где-то в её голове
Предъява сидит заусенцем,
Как острая ветка в траве.

Её основная идея –
Что, в сущности, каждый из нас
Под видом поимки злодеев
В гулянках и пьянках погряз!

Мол, ваше ментовское братство –
Всего только ширма одна,
У вас там масштабное ...во,
И больше там нет ни хрена!

«Я лучше найду инженера,
Чтоб он мне на ухо шептал,
Что я, как на небе Венера,
Звезда для него, идеал!

И пусть там зарплата похуже,
Бог даст, проживём, не беда!
Он будет классическим мужем,
А мент – это путь в никуда!»

«Да чёрт побери, как так можно, –
Удав к ней взывал, – да постой!
Пока я там бой безнадёжный
С бандитской веду сволотой,

Ты хоть бы задумалась, что ли,
Чего я примерно вкусил,
Ведь я ж не по собственной воле
С Толяном под пьяниц косил!

Ты песню хотя бы послушай
Заместо глубокого сна,
Чего там и как с нашей службой –
Опасна она и трудна!

И я-то внутри не железный,
Хоть как-то меня, видит Бог,
Понять ты должна!» Бесплезно.
Ей всё, как об стенку горох!

«У нас и ума, и таланта, –
Закончил доклад свой Удав, –
Полно, сколько хошь, но Толян-то
Сто раз, получается, прав!

Ну, в смысле заявленной темы,
Что нету везения нам,
Когда в настоящей игре мы,
А есть лишь один стыд и срам!»

Витюха вообще-то философ,
Он стукнул стаканом об стол
И мысль у меня из-под носа,
Как лошадь из стойла, увёл:

«Товарищи, я буду точен,
Три слова нетрудно связать:
Везучие мы, даже очень,
Я это могу доказать!

Толян, ты ликёр-то не шибко
Лакай! Ты ж наркоз перенёс!
Беспечность – большая ошибка,
Зевнул – и уже под откос,

Как будто грохочущий камень,
В крошечную катишься тьму,
Где кости одни с черепами
В тяжёлом и чёрном дыму.

Всерьёз, чёрт возьми, не по-детски
Ты рвался на велике в бой!
Водила, циничный и дерзкий,
Ещё хохотал над тобой!

Итак, друг любезный, не ты ли
Почти их разбил в пух и прах?
Они от тебя уходили
С трудом на своих «Жигулях!»

И этот водила незрячий
Там сбился с прямого пути,
В тупик зарубился. Удача!
Ну, дальше ты помнишь. Прости.

Ты всё-таки был к ним всех ближе.
Почти получилось. Гордись!
А кости твои? Ведь срослись же!
Притом, что могли не срастись.

Ещё одна важная веха:
Дурищу ту разве не ты
Технично и ловко объехал?
А мог бы и просто снести!

Она, как на крыльях, летает,
Душевные песни поёт!
Жива, мать её! процветает!
Ещё к тебе в гости придёт!

Удав, и с тобой всё нормально,
Всё правильно: сам посуди,
С подругой твоею скандальной
Чего тебе ждать впереди?

Такая вся в кольцах красotka,
Ей лишь бы порхать да кружить,
Уж если так здраво и чётко
По полочкам всё разложить!

С такими, увы, нету сладу,
Мне это известно давно.
Ментам вертихвосток не надо!
От них лишь расстройство одно!»

Старлей наш поддакнул, Сергуня:
«Да всем бы махнуть нам рукой
На этих стрекоз-попрыгуний,
Основы там нет никакой!»

«Во-во, – согласился Витюха, –
Системно и срочно, учти,
Вот эту вот всю заваруху
Удаву пора разгрести!

Уж если ты видишь, что весь ты
Невестою прибран к ногтю,
Заранее этой невесте
Скажи: «Будь здорова, тю-тю!

Туши свой пожар!» А иначе
Душа превратится в угли.
Ну, в общем, большая удача,
Что в ЗАГС вы ещё не пошли!

Короче, нам грех обижаться,
Что путь наш излишне тернист,
Но самое главное, братцы,
Что я всё равно пессимист!

Чего там у нас по работе? –
Он полным стаканом потряс
И выпил, – мы в полном пролёте
При том, что Фортуна за нас!

Была бы она виновата,
От сердца б уже отлегло.
Гораздо всё хуже, ребята,
Чем если бы нам не везло!»

...Я следовательно, Витька тоже,
Толян и Удав – опера.
Мы в главном воистину схожи:
Проиграна наша игра!

На данном этапе, конечно,
А что впереди – не понять.
Безрадостно всё, безутешно,
И миру на нас наплевать.

Одно лишь слегка утешает,
И то как бы так не всерьёз:
У зебры – и той не бывает
Одних только чёрных полос.

И снова Витюха включился,
Познавший глубокую грусть,
Он песней моей впечатлился
Той самой, про древнюю Русь.

Он вник, уяснил понемногу:
Когда-нибудь будем и мы
Всех древних древнее, ей-Богу,
Состаримся, чёрт нас возьми!

И будет такая сплошная
Кромешная муть, лабуда,
И люди про нас не узнают
Никто, ничего, никогда...

И мы засиделись до ночи,
Дискуссию долго вели –
О смутных делах, между прочим,
Что всех ожидают вдали.

Да-да, ту, с косою, поминали.
Толян, как оципаный гусь,
Худющий, сто грамм себе налил
Махнул и сказал: «Не боюсь!»

«Моё изначальное кредо, –
Он воздух разрезал рукой, –
Что наши земные победы
Дадут нам на небе покой!

Но в том-то пока всё и дело,
Что счёт им ещё не открыт.
Их нет. Есть ликёр «лимончелло»,
И тот, вон, почти что допит!»

...И ухаёт ветер упрямо,
И, словно под крики совы,
Тоска, словно чёрная яма,
Разверзла объятья свои,

Уже туда грохнуться впору
И там, как в болоте, пропасть,
Как в том котловане, который
На свалке раскрыл свою пасть.

Ну, там, где Удав, наш товарищ,
Из вида врага потерял
И малость рехнулся, едва лишь
В тот мир параллельный попал.

Прямой, скрупулёзный и строгий,
Витюха застыл над столом:
«Давайте, ребята, итоги
Уже, наконец, подведём!

Живём всем стихиям назло мы,
Нам смерть не страшна — это раз!
А два — что нельзя, по-любому,
Назвать невезучими нас!

Вдали трясогузка запела,
И горло дерут снегири,
Мы выпили всю лимончеллу
До самого дна — это три!

Четыре — ремарка, всего лишь:
Ты с бабой консенсус блюда!
Уж если имён их не помнишь,
То лучше по ним не ходи!

А пять — тут и спорить едва ли
Уместно, что жизнь — это бред, —
Пока мы врага не поймали,
В ней смысла-то, в общем, и нет.

Шестое: собравшись с мозгами,
Мы можем сказать наперёд:
Сергуня останется с нами,
Сергуня в запас не пойдёт!»

Ну, что ж, хорошо посидели!
Пора бы и честь уже знать,
И так, вон, башка на пределе,
Чтоб дальше её напрягать.

Володька тихонечко режет
Последнюю закуску. Смелей!
Он шепчет: «А всё же забрезжит
Нам отблеск далёких огней.

В тоннеле, в траншее ли, в штреке,
И сотни, и тысячи лет
Пусть вера живёт в человеке,
Что есть он вдали, этот свет!»

Ну, а пока у нас облом по всем фронтам,
И так же хаты, вон, трещат и тут и там,
Я даже Вовку под...л: «Мели, Емеля!
Ворьё на воле – вот такой он, наш улов,
Удав невесту потерял, а с ней любовь,
Ну, и какой там яркий свет в конце тоннеля?»

Что так нельзя уже – таков он, мой расчёт,
И что депрессия к деменции ведёт,
И дальше – холод, пустота, ей-Богу, братцы!
Мы всё забудем, значит, жизнь сойдёт на нет.
Как быть, что делать? Боже правый, дай ответ,
Чтоб нам из ямы этой как-то выбираться!

Восьмая глава

Нам Клещ позвал психолога: «Ребята,
Наука что-то хочет нам сказать –
Не в смысле как-то там замысловато
Коленки молоточком проверять,

Мол, где у вас рефлексы, отвечайте,
А, может их у вас и вовсе нет!?
Напротив, даже если невзначай ты
Вообще утратил свой менталитет

И ни черта уже не понимаешь,
И еле от усталости стоишь,
И, словно конь измученный, хромаешь ,
И сам уже не знаешь, что творишь,

И, строго говоря, дошёл до точки,
Вот тут и нужен умный консультант».
«Друзья, какие, на хрен, молоточки?» –
Психолог огласил свой вариант,

Чего и как он будет с нами делать:
«Я вам восполню, братцы, дефицит
Полезных клеток, чтобы ваше тело
Хоть как-то понимало свой лимит.

Иммунная дисфункция в России
Везде и всюду распространена,
А это шаг к тотальной амнезии,
Вот тут уж точно всем придёт хана.

Мне надо посмотреть на ваши рожи,
А то и, может, рюмку вам налить, –
Уж если тебя психика тревожит,
Её необходимо обнулить.

Эх, тормознуть никто мы не умеем
И глянуть на себя со стороны –
В своей погоне вечной за злодеем
Вы полностью уже истощены!

Короче говоря, не дело это –
В запарке трепыхаться на бегу –
При том, что результата так и нету.
Я вам мозги настроить помогу!

Расслабьтесь, парни, в этом всё и дело.
Задача ваша, в общем-то, проста:
Чтоб, как вода в кастрюле, закипела
Работа в мозге с чистого листа!

Вот если кто из вас ходок по бабам,
То пусть и дальше будет ходоком,
Иди себе по ним, как по ухабам,
Но не лети с обрыва кувырком!

А если кто-то делает ликёры,
То и отлично, сам же их и пей
И отвлекись от вечного дозора,
От этих всех служебных эпопей.

А кто-то, может, в речке ловит рыбу,
Так сядь да и сиди на берегу,
Пока тебя не вздёрнули на дыбу
Твои же глюки в собственном мозгу!»

Хоть он в мой адрес строго покосился,
За скептика ошибочно приняв,
Я с ним довольно быстро согласился,
Насчёт перезагрузки парень прав.

Свежо ещё предание в народе,
Сей факт в меня, как гвоздь по шляпку, вбит,
Я представляю, как на огороде
Ньютон среди подсолнухов сидит –

Не фраер, между прочим, лопухий,
Как будто он в больничку угодил,
Где пациентов лечат от желтухи,
Он просто набирался новых сил,

И в голове задача не решалась,
Как будто утонуло всё в дыму.
Свистели соловьи, Земля вращалась,
И бух! Удар! – на голову ему

Какое-то вдруг яблоко упало
Под крики перепуганных ворон.
Я думаю, он съел его сначала,
А уж потом придумал свой закон.

Вот в этом-то и суть всего процесса –
Ты выйди на природу, посиди
На брёвнышке под небом среди леса,
И сразу все печали позади!

А то и, как Ньютон, закон откроешь,
Ну, или ход каким-нибудь конём
Придумаешь и душу успокоишь,
Мы, типа, и ферзём ещё пойдём!

Да, психике нельзя без перекура,
Ей нужен роздых, полузабытьё,
Она ведь тоже, знаете, не дура,
Ребята, не насиуйте её!

У психики резерв не бесконечен –
Она, как неглубокий водоём,
Она не селезёнка и не печень,
Которым мы поблажки не даём!

Я сам в уме всё это подытожил.
Итак, мой друг читатель, согласись:
Мозги – опора наша и надёжа,
К ним надо посерьёзней отнестись.

Им надо от усталости лечиться,
А самый лучший лекарь – тишина.
Они должны на время отключиться.
Им тоже релаксация нужна.

...Нас Клещ позвал домой к себе на дачу –
Вокруг берёз описывать круги.
Там тишь да гладь, и дышится иначе,
И ветер вентилирует мозги.

Мы, человек одиннадцать-двенадцать –
И следствие, и братья опера
Для правильных полезных медитаций
К нему на сходку съехались с утра.

И в целях надлежащего эффекта
Мы все шаги, галдя наперебой,
Производили строго по конспекту,
Который нам психолог дал с собой.

Чтоб ощутить покой в душе и в теле,
Уж если мы приехали сюда,
Мы с удочками даже посидели
На берегу заросшего пруда.

И, хоть я полный ноль по этой части,
В итоге разобрался, что почём, –
Когда с крючка сорвался головастик,
Я даже был немного огорчён.

Поскольку я не смог его поджарить,
То я решил освоить бадминтон.
Когда ты не спешишь, как на пожаре,
Ты можешь самым разным быть ментом –

Задумчивым смышлёмным шахматистом,
Любителем прекрасных певчих птиц,
Каких на даче прямо завались там –
От снегирей до галок и синиц.

И даже пусть поют они не очень,
Я не лупил в них сдуру из ружья,
Я тоже с ними пел что было мочи.
Они мои пернатые друзья.

И ветер шелестел, шуршали травы,
Индюк какой-то бегал во всю прыть,
И бадминтон пришёлся мне по нраву,
Там можно свой характер проявить.

В разгар игры, не видя бела света,
Я был сражён на месте наповал,
Когда мне, как крылатая ракета,
Воланчик в переносицу попал.

В моих друзьях сарказм преобладает.
Они сказали мне: «Терпи, браток!
Воланчик, если в рыло попадает,
Усиливает в мозге кровотоков».

Но так оно и надо, по задумке.
Культурно, в общем, было всё у нас,
При том, что у меня в спортивной сумке
Той самой лимончеллы был запас.

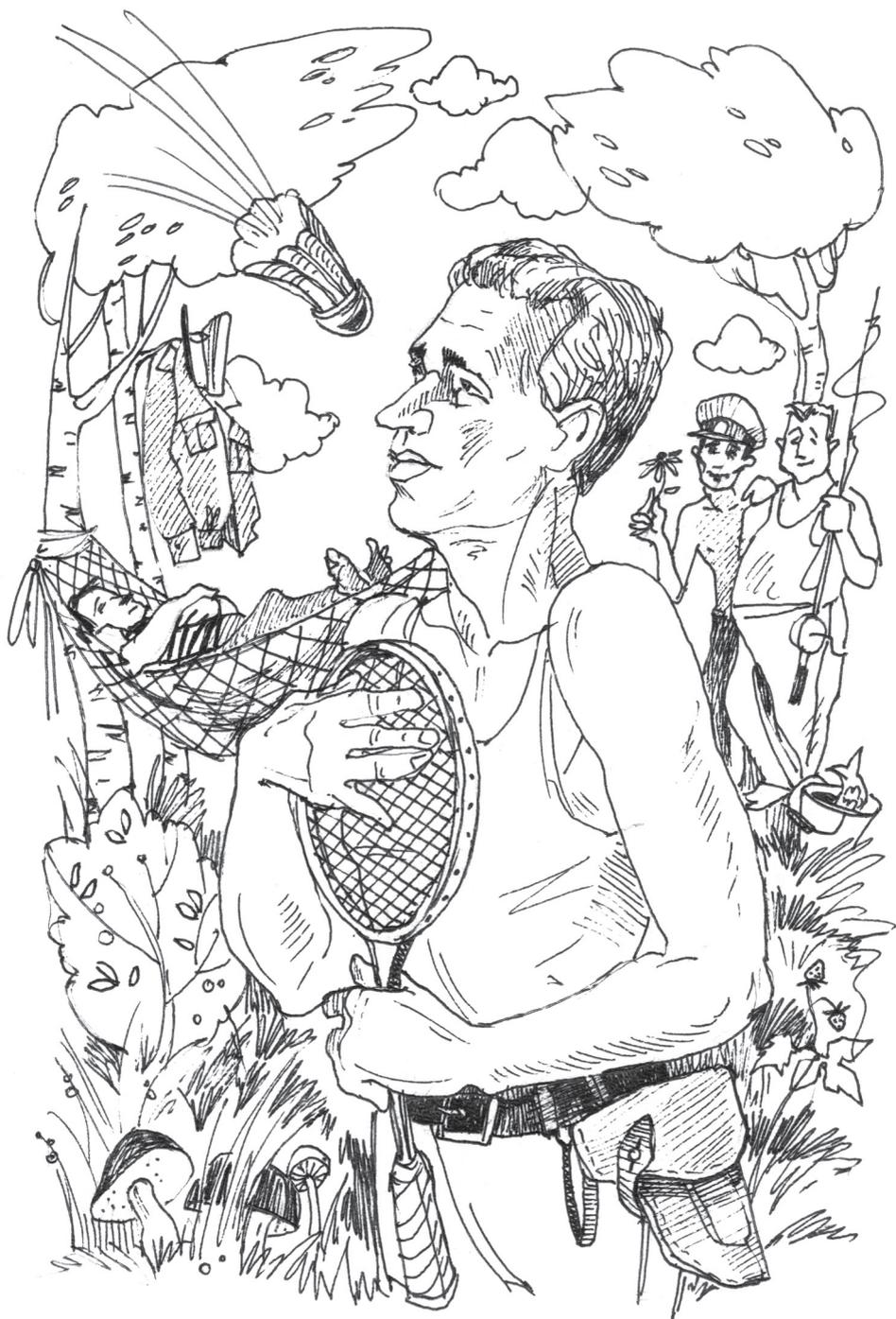
Едва ли ты согласишься мне, читатель,
Но мы почти не тронули его,
У нас уже в душе с какой-то стати
Незримое творилось волшебство.

К примеру, наш коллега Коля Шмаков,
Нет, чтоб к столу, к ребятам поспешить,
С какого-то, простите, переляка
Гортензию сорвал, чтоб засушить.

И ведь нашёл её, не поленился!
Да и Толян, ну что его, вязать?
В гамак залез и в нём укоренился
И никуда не хочет вылезать.

В каком ещё улёте и угаре
И в чьей оно уложится башке,
Чтоб следователь думал про гербарий,
А опер прохлаждался в гамаке?

На нас лениво лаял для острастки
Хозяйский пудель, сидя в конуре,
Мы там грибы искали на участке –
При том, что месяц май был на дворе.

Да, вот ещё: чем слёзы над стаканом
Об уходящей жизни проливать,
Мне под сосной понравилось с Толяном
На щелбаны в щелкунчики играть.

У нас ввиду затраченных усилий
В башке бродил неведомый сигнал,
Мы весь набор идей осуществили,
Какие нам психолог предписал.

Ну что сказать? Народ мы не капризный,
«Раз надо, значит, надо, – наш ответ, –
Неважно, есть предел идиотизму,
Когда ты отдыхаешь, или нет!»

Однако же мой мозг преобразился,
Хоть скальпель я в него и не совал,
По ходу, он и вправду разгрузился,
Как будто он не мозг, а самосвал.

Воланчик тот, что стукнул мне по роже,
Как яблоко Ньютону по башке,
Волокна мне в подкорке растревожил
И возбудил рецепторы в зрачке.

Свидетели – большие балаболы,
Но не всегда. Я, хоть и подустал,
Но мысленно увидел протоколы,
Которые я сам же и писал.

Ушастый тот, что бегал, словно лошадь,
И, как факир, на фоне пьяных рыл
Удава умудрился облапошить,
Немного странно как-то говорил.

Когда он, сука, вламывался в хату
И потерпевшим ствол совал под нос,
Глумясь ещё при этом мрачно, вато,
Ни разу звука «эр» не произнёс!

Про это вот меня и осенило,
Я даже на Ньютона стал похож,
Мне прямо дух на время захватило!
Читатель, ты сейчас меня поймёшь.

А ну, давай без лишних заморочек
Пропой-ка ты куплет, найди пример,
Чтоб там, внутри тобою спетых строчек,
Не встретилаcь ни разу буква «эр»!

«Ребята! есть примета! Он картавый!
Чтоб самого себя не засветить,
Он фразы крутит-вертит, как суставы,
Он избегает «эр» произносить!

Нам кое-что теперь уже известно!
И уцелевший старый большевик,
Отец Клеща, сказал мне: «Интересно!
Немного я к такому не привык».

Он комара расплющил на колене,
Сто грамм махнул и крякнул: «Ну и жуть!
Картавый? В кепке? Значит, это Ленин?
Ты нам на это хочешь намекнуть?»

«Конечно, нет, пока ещё в уме я,
Но по учётам Ленина пробил.
Он алиби железное имеет.
Он в Мавзолее в это время был».

Но, хоть копнуть поглубже и не прочь мы,
Он фигурантом наших картотек
Не разу не был. Он, я знаю точно,
Совсем других масштабов человек.

Он на своё собранье сочинений
Потратил целый пуд одних чернил.
Да и вообще, вожди – вне подозрений,
Я это дело чётко уяснил.

Пока я щекотал кленовой веткой
Приблудную козявку на песке,
А Клещ комод чинил и табуретку,
Удав сидел в сторонке на пеньке.

Крутя сосредоточенно башкою,
Он весь свой ум искусству отдавал –
Карандашом, чтоб нервы успокоить,
Какую-то зверушку рисовал.

Психолог так велел. И вот поди-ка,
Зверушка новый облик обрела, –
Такая, прямо скажем, закавыка,
Чудные, если вдуматься, дела!

Портрет готов. Сработала затея.
Наука, как всегда, на высоте:
Лицо того ушастого злодея
Там ясно проступило на холсте:

Железный зуб торчит в широкой пасти,
На шее шрам, в кармане чёрный ствол,
Наколка в виде шпаги на запястье –
Вот это всё Удав воспроизвёл.

Он матюгнулся так витиевато,
Что захотелось даже записать,
И пояснил: «Мозги у нас, ребята,
Умеют впрок все факты запасать.

Пока я мазал холст, то я, вообще-то,
Был как во сне, без признаков ума.
Преступника особые приметы
Рука моя припомнила сама.

С приметами-то всё повеселее
У нас теперь покатыся дела,
Мы вам покажем, урки и злодеи,
Куда вас ваша тропка завела!»

«Мы, как крапиву, срежем их и скосим, –
Удав, вращая вилкой, произнёс, –
Нам можно на Петровку, тридцать восемь
Уже давать осмысленный запрос!

У них свои невидимые нити.
Я знаю, что ушастых там не счесть,
Но, если он судим, то – извините!
Набор примет покажет, кто он есть!

Они работу сделают исправно,
Нам этот чудик нужен позарез,
Возможно, среди них он самый главный,
Какой-нибудь король там или ферзь!»

Птенец на ветке глотку драл протяжно.
Удав ему тихонечко подпел.
Ему, Удаву, крайне было важно,
Что наконец-то фарт нам подоспел,

И что по ходу дружеской пирушки
Он ощутил себя на высоте
В процессе трансформации зверушки
В ушастого злодея на холсте.

Не то, чтоб мы Вселенную открыли
Из головы на кончике пера,
Скорее, что-то вроде звёздной пыли,
Стереть уже которую пора.

Всё получилось так, как мы хотели.
Психолог-то, выходит, не дурак!
И пусть мы не дошли до главной цели,
А сделали всего лишь первый шаг,

Мы к ней сумели новые ступени
На деле прорубить, не на словах,
У нас по ходу наших упражнений
Спружинило чего-то в головах.

И мы внутри себя преобразились,
А это значит, есть куда расти,
Мы снова жить и верить научились,
Мы всех порвём, кто встанет на пути!

Они ещё отведают баланды,
Которая особенно вкусна
Вдали от дома. Участь этой банды
Однажды будет нами решена!

И старый большевик, нахмурив брови,
Махнув стакан, печален всё же был.
В НКВД служивший при Ежове,
Он нас сейчас немного пожурил:

«Врага найти и тюкнуть – дело чести!
Эх, любит же сегодня молодёжь
Проблемы создавать на ровном месте,
Когда злодея с ходу не найдёшь.

Да, есть такое – кто-то сеет, пашет,
А кто-то чинит важный агрегат.
И что с того? В стране огромной нашей
Уже никто ни в чём не виноват?

Какой-то ваш пододец мутноватый –
Вот взять да чикнуть ихнего ферзя!
Вы всё же волокитчики, ребята,
С преступностью миндальничать нельзя!»

«Так нету же его, сбежал, паскуда!» –
Володька (он был с нами) подсказал,
Что некого валить ещё покуда,
Но большевик рукой лишь помахал:

«Нет, вы, ей-Богу, братцы, безнадёжны,
Я это вижу, все до одного,
Талдычишь вам, талдычишь, сколько можно?
Ну, да, сбежал, я знаю, и чего?

Короче, ваше дело молодое,
Сырые вы ещё тут все пока.
За вас! Чтоб вы задание любое
Умели выполнять наверняка!»

Он рюмку с лимончеллой опрокинул,
Закрыв глаза: «Эх, молодость моя!
Эх, были времена!», и шишку кинул
В летящего куда-то воробья,

Мол, мы-то здесь, на стрёме и на страже,
Чтоб в ясном небе гладь была и тишь.
Счастливого полёта! жизнь покажет,
Куда ты там в итоге долетишь!

Мы суп себе сварили макаронный
И, Витькин оприходовав ликёр,
Смотрели в небо умиротворённо
Под тихий мой гитарный перебор.

Лишь большевик, настойчиво и бойко
Себя перебивая самого,
Ворчал, что с этой вашей перестройкой
Уж и не чикнешь толком никого.

В нас напоследок дождь клыки свои вонзал.
«Нет, всё не зря, – нам у калитки Клещ сказал, –
Да мне об этом даже спорить неохота,
Пусть лёд не тронулся у нас ещё пока,
А только треснул. Я скажу наверняка,
Что дело вскорости дойдёт до ледохода!»

Девятая глава

Дошло очень быстро. Я даже
Сперва не поверил глазам,
Как будто стоящий на страже
Наш ангел врубил по «газам».

Он нас сторожит, я так понял,
Чтоб нам не свалиться с копыт,
Когда мы несёмся, как кони,
И кровь в наших жилах кипит!

Он рядом, он следует тенью
За нами, и бог бы уж с ним.
С Петровки пришло подтверждение,
Что друг наш ушастый судим.

Пять ходок, и все за разбои.
Душа его – вечное зло,
Как болт с дефективной резьбою,
Которую прочь сорвало.

В каком-то, наверное, смысле
Слегка одурели мы все,
Аж челюсти наши отвисли –
Такое там было досье.

Да, вряд ли оно симпатично
Вслепую сидеть куковать.
Когда установлена личность,
То легче уже банковать.

Конечно, не Ленин, не Сталин,
Но всё-таки глыба, гигант, –
Поистине, был уникален
Его криминальный талант.

Когда он в Москву к нам приехал,
Стал гоголем сразу ходить.
Легавка ему не помеха
Большой огород городить.

«Она меня в тонусе держит –
Он пил, усмехаясь, до дна, –
Закалку и внутренний стержень
Во мне формирует она».

Он хитро плетёт свою пряжу,
Его основной интерес –
Серийные крупные кражи,
Там чётко поставлен процесс.

Ей-Богу, таких корифеев
Москва не видала давно,
Нахапают ценных трофеев,
И сразу ложатся на дно,

И хором над нами злословят,
Мол, тема предельно проста:
Сто лет нас лови, всё равно ведь
Не выйдет у вас ни черта!

Раскладка примерно такая:
Все камни с разбоев и краж
В итоге к нему утекают,
Вот этот ушастик-то наш

Свою и чужую добычу
Умеет отлично сбывать,
Он так этот сбыт увеличил,
Что повода нет горевать

Заклятым его конкурентам,
Обычным квартирным ворам.
Он стал их любимым клиентом,
Он чётко платил по счетам.

Там круг исключительно тесный
Использовал этот канал,
И было отлично известно,
Что он никого не кидал.

Там сразу несли килограммы,
Он был дистрибьютор у них –
Скажу я сейчас, а тогда мы
И слов-то не знали таких.

И тут же, синхронно с Петровкой,
Агент наш прорезался. Хоп!
Сработано чисто и ловко.
Уже не туфта и не трёп,

Уже посущественней что-то
Искрыть в темноте начало:
Ушастый с металлом работал,
Там дело стремительно шло.

Камням золотая оправа
Для пущего блеска нужна,
Я знаю, что бабам по нраву
Обычно бывает она.

И это не пыль, не химера,
А как ты ещё попадёшь
Без блеска в высокие сферы,
Где пьянка, разврат и балдёж?

Он даже как будто бы вроде,
Источник наколку нам дал,
За несколько лет на свободе
Своё производство создал,

Под носом у местной легавки
С разгона пошёл на подъём –
Наладил процесс переплавки
В родном Ленинграде своём.

Там сутками, без остановки,
В подпольном цеху мастера,
Спецы по литью и штамповке,
Трудились с утра до утра.

Старлей-участковый по блату,
Который его крышевал,
Ему вытяжной вентилятор
Однажды в подарок прислал.

Казалось бы, лирика, жалость,
Зачем он пошёл на неё?
А людям чтоб легче дышалось,
Чтоб делали дело своё.

«Заботься о людях, хоть кто ты,
Хоть самый безмозглый баран,
Когда ты процент с оборота
Исправно кладёшь на карман!

Простая и ясная штука!» –
Вот так он учил молодых,
А после ещё за науку
Процент выцыганивал с них.

Наш Вовка, зверея от рёва,
Потом, чтоб тоску заглушить,
Нормальный уже участковый,
Пытался его удушить,

Пронзить авторучкой навывлет –
Не где-нибудь, в зале суда,
Насилу его оттащили,
Иначе бы просто беда.

Хорошую, в общем, такую,
Спасибо дружкам и судьбе,
Ушастый открыл мастерскую,
И сам был уверен в себе.

Он даже, хотя и не сразу,
Вперёд в этом деле шагнул,
Ещё и клиентскую базу
Со временем к ней пристегнул,

Чтоб люди там чаще бывали,
Ну, что ещё скажешь, силён,
Он рядом, в соседнем подвале,
Устроил подпольный салон.

Здесь формула вся в этой фразе –
Чтоб быстро тому, кто пришёл,
Исполнили срочный заказик –
Удобно и всем хорошо!

Цепочки, браслеты и бусы,
Подвески, кулоны, колье –
На самые разные вкусы
Любым господам и месье

(Ну, это их так называли,
Чтоб цену побольше набить),
Отлично им всё продавали,
Умели капусту рубить.

Там чётко с тобою и кратко
Беседуют – с теми, кто вхож:
«Чего тебе? Перстень-печатку?
А, может, корсажную брошь?

Из бронзы браслет на предплечье?
Серебряный пирсинг на грудь?»
Эх, взять бы вот так, да картечью
Из пушки по ним лупануть! –

К кому это всё поступает,
Товар этот – всех бы в расход –
И тех, кто его покупает,
И тех, кто его продаёт!

Элитная, б.., клиентура,
Да их же потом этот спрут
Сожрёт равнодушно и хмуро,
А нет, так другие сожрут.

И ладно. Что в лоб им, что по лбу,
И толстых тупых торгашей
Крутились там целые толпы,
Хоть палкой гони их взашей.

У нас уже стали попутно
Мозги в голове закипать –
Да, зыбко всё это и мутно,
Но ясно уже, где копать.

Не выйдет, конечно, в два счёта
Поставить на мафии крест,
Но всё-таки можно работать,
Когда информация есть.

Они там, конечно, артисты,
С чужих, да и с собственных краж
По-быстрому, (как ни крутись ты,
В Москве сразу всё не продашь),

Везли вот как раз в этот Питер
На поезде груды добра,
Мол, всё, чего надо, берите,
Привет тебе, город, Петра!

И, если что с кражи зависло,
То ломом, плавильной шихтой
Любой неликвид становился
Хоть бронзовый, хоть золотой.

Вот их-то как раз-то и надо
В подвал, в мастерскую возить,
В престижный район Ленинграда,
Там график на стенке висит,

К какому назначено сроку
Готовить заказ и кому,
Со скромной приписочкой сбоку,
Почём это выйдет ему.

И в сумке спортивной, для виду,
Мол, майка там, кеды лежат,
Курьер эти все неликвиды
Воло́к из Москвы в Ленинград.

Он был подготовлен отлично,
И, в общем, ни разу не влип,
В манёврах своих динамичный,
Специально обученный тип.

Такой вот пейзаж как-то где-то
У нас на условном холсте.
Ну как бы сорока всё это
Доставила нам на хвосте.

Однако же эта сорока,
Ведя свой секретный рассказ,
Не хуже любого пророка.
Агенты что надо у нас!

Вдали как будто бы забрезжили огни,
Но это всё лишь только версии одни,
И ни черта пока на деле не выходит,
И, сколько стену ни проламывай башкой,
Реализации-то нету никакой,
И урки знай себе гуляют на свободе!

Десятая глава

Был следователь наш один неглупый,
Что мог всегда придумать ход конём,
Возглавивший в итоге нашу группу,
Мне рассказать вам хочется о нём.

Итак, друзья, знакомьтесь: Коля Шмаков,
Великий спец, Господь его храни!
Он был большой фанат варёных раков,
Но только если к пиву шли они.

Насчёт «Храни, Господь!» скажу примерно,
Какой он был способен сделать жест,
Наш Колька-то. Он сразу мог цистерну
Зараз уговорить, в один присест.

И всё-таки, хоть пиво мы любили,
Нечасто выходил такой расклад:
Тогда в цистернах пиво не хранили,
Да и сейчас, похоже, не хранят.

Мне человек советский симпатичен,
Но, не считая разных небылиц,
Потенциал его не безграничен,
А вот у Кольки не было границ.

В безумном вихре, в жизни нашей смутной
Он неплохой был тактик и стратег,
Такой немного круглый весь, уютный,
Спокойный и неспешный человек.

Он говорил нам: «Старые подходы
Давно себя изжили на корню,
Я не люблю у моря ждать погоды,
Но лошадей обычно не гоню».

И у него спросонья на рассвете
Однажды что-то щёлкнуло в башке,
И он в своём рабочем кабинете
Аквариум поставил в уголке –

Такая здоровенная громада,
Он правильной воды в него налил,
И всё там оборудовал, как надо,
И даже рыб каких-то запустил.

Конечно, все вокруг обалдевали
От выбранного Колькою пути.
Нет, психиатра мы не вызывали,
Он всё же брат нам был, как ни крути!

Мы все не уставали потешаться,
Тут можно было падать наповал,
Когда он по утрам минут на двадцать
К аквариуму ухо приставлял.

Я сам ему стучал стаканом в стенку:
«Ну что, Колюнь, планёрка удалась?
И как она, вообще-то, дай оценку,
С рыбёшками невидимая связь?»

«Какой там результат по нашей теме?» –
Ребята ржали наперегонки.
Но очень скоро наступило время,
Когда мы прикусили языки.

Он, в прошлой жизни битый-перебитый,
Свой воз везущий с горем пополам,
Такие стал разыгрывать гамбиты,
Что мы порой не верили глазам.

Об этом позже. Колька свою личность
Настроил, как гитару. Это факт.
«Мозги приобретают эластичность,
Когда у них с природой есть контакт!» –

Вот так он нам сказал, и что природа –
Она тебе не просто тра-ля-ля! –
Не овощ там какой-то с огорода,
И не одни лишь реки и поля!

Он целую теорию надыбал:
«Пусть буду не ботаник я, а мент,
Но вывод однозначен мой, что рыбы
Во всей природе главный компонент!»

Для нас оно звучало дикой бранью
И даже приводило в лёгкий шок:
Стеклянный окунь, красная пиранья,
Цихлида, барбус, рыба-петушок!

Уже слегка боялись за него мы,
Казалось, это космос и астрал,
Когда чернополосой цихлазомой
Он в разговоре с нами щеголял.

Но красный меченосец, что прижился
В аквариуме, всех обворожил,
Он с Колькой нашим плотно подружился,
Реальный стал в отделе старожил.

Бывает, что рутинная, тупая
Работа измочаливает вдрызг
Всего тебя, и ступор наступает,
И за окошком ветра вой и визг

Не просто выворачивает душу,
А ты вообще почти уже убит,
Вот тут-то вот друзей своих послушать
К аквариуму Коля и спешит.

Ногтями так слегка побарабанит
По стеночке стеклянной: тук-тук-тук!
И меченосец, как бы ни был занят,
К нему спешит, скользит на этот звук.

А занят чем он? Шашни, сволочь, крутит! –
К пирианиям изящно так подчас,
Уверенно, без всякой лишней мути
Подкатывает, хренов ловелас!

У рыб насчёт любви своя бодяга,
Он главным быть хотел в своём дому,
И сомик-перевёртыш, доходяга,
Едва ли был соперником ему.

Спокойный, молчаливый, безответный,
Наш меченосец, тут уж нечем крыть,
Красивый был, зараза, разноцветный,
И Колька с ним любил поговорить:

«Ну, как ты там, браток? Ещё не вымер?
Пираний охмурять – тяжёлый труд!
Смотри, поаккуратней будь там с ними,
Особо не борзей, а то сожрут!»

И в Коле что-то доброе шуршало,
И меченосцу было веселей,
И совершенно даже не мешало
Тотальное отсутствие ушей.

Немного озадаченные, все мы
Не понимали: служба здесь при чём?
И Коля Шмаков нам на эту тему
Однажды даже лекцию прочёл,

Что люди – это, в общем, те же рыбы,
По тем же траекториям плывут,
Поменьше жрать друг дружку-то могли бы,
Но нет, слабо. Как могут, так и жрут.

Вот потому-то друг наш Коля Шмаков
К аквариуму сердцем прикипел,
Что ни намёков нет, ни тайных знаков,
Чтоб кто-то жрать кого-то там хотел.

Он не какой-то мир создал загробный,
Не райский остров, просто уголок,
Где нет идеи жрать себе подобных –
Не потому, что всех сожрали впрок,

А потому, что этого вопроса
Как такового нет в повестке дня.
И пусть мой друг читатель зло и косо
Не смотрит исподлобья на меня,

Мол, ты чего тут хочешь обозначить,
Что я немного тронутый слегка,
Что просто абы кто я, не иначе,
Раз не создал такого уголка?

«Да ладно, брат, не будем кипятиться,
А лучше, чтоб ты малость поостыл,
Пускай летит душа твоя, как птица,
Пока её никто не подстрелил! –

Я коротко и ясно нам обоим
Скажу, чтоб не запутывать его, –
Давай с тобой Россию обустроим,
Что в ней не жрал никто и никого!»

Ребята, я отвлёкся не случайно,
Я за своих, за Родину – горой!
Но для меня неведомая тайна –
То, что мы с вами делаем порой, –

У Коли вышел клинч какой-то резкий,
Я до сих пор зубами скрежещу,
Как вспомню. Это было до поездки
На дачу к другу нашему Клещу.

Его тоска тяжёлая накрыла,
Как будто поле снегом замело,
И меченосцу пальцем прямо в рыло
Он ошалело тыкал сквозь стекло:

«Ну где твои полезные подсказки?
Которую неделю полный шиш!
Тебе бы лишь соседкам строить глазки,
Скажи, ну вот чего ты всё молчишь?»

Как будто у тебя, бухого в стельку,
Глубокая протрация, балдёж,
А вот не покормить тебя недельку,
Тогда посмотрим, как ты запоёшь!»

Чего там петь? Он лишь плавник топорщил,
Как будто пожимал слегка плечом,
И шевелил мечом, и рожу морщил:
«Прости, братишка, я-то тут при чём?

Ты – царь природы, ты – в уме и в силе,
И можешь, кого хочешь, застращать».
Пирании как раз к нему подплыли –
Не жрать его, а явно защищать.

У них консенсус там установился,
И петушок к пираниям примкнул,
И Коля Шмаков даже устыдился,
Что меченосца кормом попрекнул.

Я до сих пор понять его пытаюсь,
Я просчитать хочу его шаги.
Он по стеклу постукал: «Извиняюсь!
Прости, братан, заклинило мозги!»

И меченосец, несколько вальяжно
К нему по синусоиде подплыв,
Вильнул хвостом: «Да ладно, брат, неважно,
Смотри, чтоб не случился рецидив!»

Так вот о тех гамбитах, что Колюха
Нам по работе начал выдавать:
Хоть нас достала чёртова житуха,
Ему на это было наплевать.

Он говорил, что всё имеет уши:
Деревья, камни, стены, потолки,
Народ, что на скамейках бьёт баклуши
И у подъездов чешет языки.

От этих говорливых старушенций
У нас у всех болела голова.
Что было главной сутью их сентенций?
Одна сплошная сорная трава –

Для нас, но не для Кольки. В некоей дымке
В тумане он как будто пребывал.
Обрывки сплетен, слухи, анонимки
Он в схемы и в таблицы превращал.

Он версии свои в режиме бреда,
Себя не понимая самого,
Фиксировал и даже сам не ведал,
Что за система это у него.

Он даже Солнце брал под подозренье:
«А ты вообще там светишь-то кому?»,
Как будто бы другое измеренье
Открылось неожиданно ему.

И эта, мягко скажем, необычность
Нисколько не тревожила его.
Да, тут уже не просто эластичность,
А тут и не понять уж ничего!

Буквально всё, что к делу относилось,
И всё, что было сбоку, в стороне,
Им скрупулёзно в списки заносилось,
И, в транс впадая, в полной тишине,

Все эти цифры, графики зачем-то,
Заветные каракули свои
Он закреплял на стенах изолентой,
Листов тетрадных целые слои.

Уставится вот так на это дело,
Да и сидит до ночи, как чурбан,
И шепчет что-то там осоловело,
Пока не дашь по лбу ему щелбан!

А после потряхнёт башкою сонной:
«Да, я дурак, а ум куда девать?»
Я ж говорю, имелись все резоны
В палату номер шесть его сдавать!

«А если сдать, то кто работать будет? –
Начальник, Клещ, однажды пробурчал, –
Кому кем быть, история рассудит,
Так Ленин нам великий завещал».

Да-да, читатель, здесь не опечатка,
Ильич со всех портретов щурил глаз:
«Эй, как вы там?», – и мы порой с устатка
За это дело пили. И не раз.

Колюха по рабочим мог вопросам
Любому чемпиону фору дать:
«Листок семнадцать, строчка номер восемь,
Столбец четыре, фраза номер пять!» –

И тыкал пальцем в карту, в план района,
И просто говорил: «Ищите здесь!»
И с любопытной рожей удивлённой
Ты под руку к нему уже не лезь.

И строки на листке свои кривые
Он мог нам вслух с усмешкою прочесть,
И опера неслись, как чумовые,
Куда он скажет, – хоп! И «палка» есть!

Раскрытие, выходит, состоялось,
Вещдоки изымались «на ура!»,
И местное ворьё впадало в ярость,
И мы смеялись: «Вот вам, фраера!»

Чего тут скажешь? Эти все победы
Остались где-то в прошлом у него.
Как быть теперь, не знал он и не ведал,
Себя не понимая самого,

Как с этой шайкой нового формата
В итоге он хотел бы поступить –
Не то их расстрелять из автомата,
Не то башку им к чёрту открутить?

Но что до этих методов, ребята,
То Коля применять их не горазд,
Тем более ещё, что автомата,
Как ни проси, никто ему не даст.

И это было всё до новой эры,
Что началась три месяца назад,
Когда мы стали все, как пионеры,
Что в горны свои медные дудят,

Мол, тру-ту-ту! идём единым строем
Вперёд, чтоб делу партии служить!
(А я скажу, не худо бы ещё им,
Как вырастут, свободой дорожить).

Наш Коля Шмаков – лучший спец на свете!
Три месяца, с апреля по июнь,
Нахохленный, сидел он в кабинете,
К нему ещё без спроса нос не сунь.

И всё оно крутилось вперемешку,
И сердце его бухало в груди,
И фоторобот, будто бы в насмешку,
Ему всучили: вот тебе, гляди!

На что глядеть? Порвать бы это в клочья!
Таких у нас по городу не счесть:
Кружочек, точка, точка, два крючочка,
Вот это вот лицо его и есть,

Их главного большого воеводы,
Ну разве только уши подлинней,
Чем просто у обычного народа, –
Бессмысленный абстрактный дуралей.

Свести концы с концами воедино –
Все донесенья, справки, рапорта,
Сложить их вместе в общую картину
Не мог Колюха Шмаков ни черта.

«Расслабься, – мы кричали, – аналитик!»,
В кабак его пытаюсь уволочь,
А он рукой махал лишь: «Отвалите!»
И думал, думал, думал день и ночь.

Хоть было в нём возвышенное что-то,
Но знал теперь по слухам весь район:
Его удел – бумажное болото,
В котором он навеки погребён.

И мы его, посмеиваясь глухо,
Такие сердобольные на вид,
Нет-нет, да и подколем: «Слышь, Колюха,
Чего он, меченосец твой, молчит?»

Он был на нас за это не в обиде,
Он новые просчитывал ходы.
Задумчивость его, я вдруг увидел,
В итоге принесла свои плоды.

Все смысловые тоненькие нити
Как надо в голове его сплелись,
И он сказал нам: «Парни, посмотрите,
Ау, ребята! Родина, проснись!

Мои мозги сегодня заискрились,
Как будто кто-то врезал мне под дых!
Я понял, где они затихарились,
Где запасное лежбище у них!»

Как будто лбом глухую стену снёс он,
Нам объявив без лишней болтовни:
«Не все, но часть из них – у нас под носом.
Я знаю, где кучкуются они!

Да, я нашёл их тайную берлогу! –
Он нам озвучил версию свою, –
Я зуб даю, что хочешь, руку, ногу,
Аквариум свой только не даю,

Что там они! Да вот вам все расчёты, –
Он начал вдруг от радости скакать, –
Мне этих гадов лично взять охота,
Я понял, где примерно их искать!

Вопрос, я знаю, вылезет у многих:
Ну что, опять пустышка? Не скажи!
Всё в цвет – и фоторобот тот убогий,
И адресок, что дали мне бомжи,

Которых нам Володька, участковый,
Для дружеской беседы подогнал,
Они народ отнюдь не бестолковый,
Вполне способны ясный дать сигнал,

Когда и кто в какой подъезд заходит,
Какие сумки, свёртки и мешки
Несут с собой, кого к себе приводят
Сомнительные эти мужички.

Мне пару справок выдали с Петровки,
И одного я вычислил уже, –
Три ходки, правда, все по мелочёвке,
Кликуха, погоняло – Фаберже.

Ушастому перечить он не смеет,
Не те силёнки, да и староват,
Но яйца Фаберже сбывать умеет,
И их же он умеет воровать!

Отсюда и кликуха. Как-то так вот».
Нас даже смех сначала разобрал:
«Ты долго думал, Коль, скажи нам правду,
Откуда ты вообще всё это взял?»

«Ну, можете считать, мне сон приснился,
Когда я образумился тогда
И перед меченосцем извинился,
Вот тут моих раздумий череда

И бесконечных версий вереница
Преобразились в замкнутый овал.
Вот так же Менделееву таблица
Пришла на ум, когда он крепко спал.

Поэтому и вспомнил про него я,
У нас с ним в чём-то схожие пути.
Он, кстати, мог, с его-то головою,
На службу к нам, в милицию пойти!»

Вернёмся к нашей теме. Шмаков Коля
До нас простую истину донёс:
«Недолго им гулять ещё на воле –
Таков мой вывод, он же и прогноз.

Про них, что карты путают, петляют,
Вчера шепнул мне местный дурачок,
Они зачем-то груз переправляют
Из Лихославля в Вышний Волочёк.

Есть даже кое-что на фотоснимках,
Но это далеко, поди проверь,
А рядом, здесь, у нас под носом, в Химках
Сработать можно чисто, без потерь –

Поездить, глянуть и не засветиться,
Какой везут товар, чего, куда,
По виду – вроде как игра «Зарница»,
Такая же примерно лабуда

В глазах большого высшего начальства».
А у Клеца вопросов вроде нет:
«Тут элемент здорового нахальства, –
Он нам сказал, – даю зелёный свет!»

Мы выслушали Колю с интересом.
«Короткая атака – вот наш путь! –
Витюха нам сказал, – чем жить под прессом,
Самим бы кой-кого уж прессануть!»

Чтоб нам злодеев этих взять на мушку,
Незримые сомкнуть свои тиски,
Серьёзную заказывать наружку
В центральном аппарате не с руки.

Они глазищи выкатят, как блюдца,
С такой фактурой лезть – напрасный труд.
Они над нами только посмеются
И никакой наружки не дадут.

Рвануть уже со старта прямо к цели
Наш конь хромой, но верный, был готов –
«Шестёрка», «Жигули» шестой модели,
В то время лучший транспорт для ментов –

Конечно же, когда он не в ремонте,
А минимально как-то на ходу.
Тут, сколько вы мне в уши ни трезвоньте,
Что все мы жили в дружбе и в ладу

Друг с другом в нашем славном СССРе,
Я лишь в ответ на это рассмеюсь,
Там средь людей такие были звери,
Что и сейчас, бывает, я молюсь –

Что Бог меня хранил, что я над теми,
Кого за шкуру органы трясут,
Кто нас в быту обслуживал в то время,
Ни разу не устроил самосуд.

Они там, суки, прибыль свою косят,
В делах, в работе – полные нули! –
Мы сами «Жигулёнок» свой на тресе
Из сервиса в тот раз приволокли

И до ума полгода доводили,
Зато теперь у нас машина – зверь!
В неё ребята лихо заскочили,
Эх, нет коня красивой и резвей!

Ну что? Погнали! В дальнюю дорогу!
Вперёд, и с песней! Мы с таким конём
Куда-нибудь да вырулим, ей-Богу,
Чего-нибудь в итоге, да найдём!

Витюха за рулём – ковбой, красавец,
И рядом, всё на свете позабыв,
Мизинцем кобуры едва касаясь,
Удав – спокоен, собран, молчалив.

И перед ними встал на тротуаре,
Как камень поперёк речной струи,
Наш Вовка, участковый, резкий парень,
Он обходил владения свои.

Он оттоптался там, как слон в саванне,
И он к ребятам вовремя поспел:
«Хочу на дело, братцы! Можно с вами?
Мне околоток мой осточертел!»

Весёлое чего-то пробибикав,
Витюха сбавил ход на вираже:
«Аншлаг! Везде свои! Ну, ты смотри-ка!
Чего стоишь? Запрыгивай уже!»

Мотор чихал, как жжённый мокрый хворост,
Но понемногу всё же тарахтел,
Витюха наш врубил такую скорость,
Что он уже не ехал, а летел!

Река. Простор. Закат, как алый парус,
Да вон уже и Химки вдалеке.
Окраина, заборы. Вот и адрес,
Тот, что у Кольки выскочил в башке.

И листья, как цыплята, врассыпную
Скакали по асфальту на ветру,
Удав мурлыкал песню озорную,
Под курткой поправляя кобуру.

И, по уши погрязнув в море пыли,
Замызганный унылый серый дом,
К которому они и подкатили,
Затопленным казался кораблём.

Возможно, здесь когда-то пели пташки
И что-нибудь красивое цвело
Вокруг убитой этой трёхэтажки,
С тех пор воды немало утекло.

Как будто на линиялой гимнастёрке,
Что никаким дождём не отстирать,
На небе облака, как пятна хлорки,
В одну сливались мутную печать.

А стёкла в окнах – пепельного цвета.
Загробный мир. Трясина. Яма. Дно.
Обычная окраина вообще-то,
У нас таких в Москве полным-полно.

Тогда и время нечего транжирить,
Да и признать уж всем до одного
Тот факт, что мы живём в загробном мире.
Нам никуда не деться от него:

Какая-то унылая синица
Свой корм клюёт с расколотого пня,
Да вон ещё, в бурьяне копошится
В двух метрах от помойки алкашня.

Они, вздыхая тяжело и угрюмо,
Лежат себе вповалку вроде дров.
«А, может быть, – Витёк ещё подумал,
И не было, и нет иных миров? –

Мы призраки, мы чьи-то сновиденья –
Выходит, что ли, так? и мы мертвы?
И наша плоть незримой стала тенью,
Ходячим бредом чьей-то головы?

Да кто вообще он? Дьявол, чёрт с рогами?
Такое может сниться лишь чертям –
То, что творится в этом мире с нами,
Но мы живём назло любим смертям!

Эх, был бы я смелее и речистей,
Я всё б ему сказал наедине!
Да рожу бы ещё ему начистил –
Тому, который видит нас во сне!

И, может быть, сейчас уже, сегодня
Нам ничего другого не дано,
И мы не где-то возле преисподней,
А в ней самой живём уже давно?

Как будто в лоб нам дали колотушкой,
И мы туда скатились кувыркком?» –
Такая у Витюхи под макушкой
Мыслишка промелькнула мотыльком.

Ну, это так он, просто для разрядки
Слегка пофилософствовать решил,
А сам вообще-то в полном был порядке,
Любого бы на месте сокрушил,

Притом, что сам не бык он и не бездарь,
Чтоб в морду оппонента сразу бить.
Вон, «Жигули», «восьмёрка», у подъезда,
За ней и надо издали следить.

В салоне было тесно, но уютно,
Ребята в карты резались, в «буру»,
В «девятку», в «дурака», и поминутно
Удав зачем-то гладил кобуру.

И всё вокруг спокойно вроде было,
Но я, однако, вам скажу своё:
Удава никогда не подводило
Его феноменальное чутьё.

Он понимал, что скоро будет жарко,
А ветер гнал по небу облака,
И ворон на суку чего-то каркал,
Как будто что-то знал наверняка.

Подъезд без двери. Чёртова житуха –
Она тут даже крысам не мила, –
Стучат кувалды, дрель жужжит, как муха.
Какие-то ремонтные дела.

Развал, разлад. Обломки арматуры
Там, в глубине, внутри, со всех сторон
Из стен торчат, как рёбра из-под шкуры.
Так будет до скончания времён.

У нас в стране, и это знают люди,
Уж если что-то начали чинить,
То, значит, так оно всегда и будет,
И это никому не изменить.

Подъезд казался пастью крокодилей.
Всё! Трое вышли! Вот они, идут!
«По вашу душу мы и прикатали! –
Володька буркнул, – вот вам и капут!»

«А ну-ка, тишина! Гляди, ребята,
Товар при них. Я вижу. Повезло! –
Витюха прошептал, – они куда-то
Трофейное увозят барахло!»

Они шмотьё в багажник покидали
И тронулись без лишней суеты.
Сперва ребята малость подождали.
Закон простой: ошибся, и кранты!

Безлюдье. Никого. Народ как вымер.
Непросто это всё соразмерять,
Не засветиться чтобы перед ними
И в то же время их не потерять.

«Ну вот, дела пошли, – сказал Витюха, –
Я вижу номер этих «Жигулей»,
Что по сравненью с нашей развалюхой
Заметно всё же будут поновей!

Теперь бензина только бы хватило,
Чтоб наш карась с крючка не соскочил!»
Пока спокойно всё происходило,
Витюха даже радио включил.

Не Леннон там, конечно, не Маккартни,
Зато Кобзон отлично зажигал,
Свои у нас крутые были парни,
И я их всех душевно уважал.

Езда по-черепашьи – всё нормально,
Спокойные манёвры во дворах,
Район несуетливый, тихий, спальный,
И вдруг враги к шоссе на всех порах

Рванули по неведомой причине,
Конкретно закусил удила, –
Их скорость, на советской-то машине,
Сто восемьдесят, минимум, была.

Ну, это уже всё-таки на трассе.
У Витьки – от восторга зубы в пляс:
«Лети, мой конь! Пустыми восвояси
Мы точно не вернёмся в этот раз!»

Витюха, я скажу, совсем не рохля,
Он точно знал, какой он выбрал путь,
И радио само собой заглохло,
Кобзон решил немного отдохнуть.

Ну да, теперь какие трали-вали?
Уже из-под колёс, вон, чёрный дым!
Витюха крикнул: «Нас расшифровали!
Ну, всё, вперёд, а после поглядим!»

Они на хвост «восьмёрке» этой сели
И мчались вслед за нею по шоссе,
Они, как очумелые, летели
По скоростной, по левой полосе!

Никто и не рассчитывал особо
На этот неожиданный аврал.
Догнали, поравнялись! «Смотрим в оба!
Блокирую!» – Витюха заорал.

И Вовку ослепило на мгновенье,
И чиркнуло чего-то возле лба,
Когда в окошко с заднего сиденья
По ним пошла прицельная стрельба!

Хлопок! И звон стекла! И снова вспышка!
И впереди подъём высок и крут.
«Тарань их, Витька, бей, иначе крышка!
Они сейчас нам головы снесут!»

И самолётный след – клинок кровавый –
В лучах заката ярко полыхнул,
И мой товарищ Витька резко вправо
Баранку, чертыхаясь, крутанул!

Удар! Крыло в крыло! И те, и эти
Летят, летят не вдоль, а поперёк!
Две кучи хлама – вон уже, в кювете,
И где там кто, сам чёрт не разберёт!

«Удав, горим! Держись! Не отключайся!
Рванёт, и будет некого спасать!
Полундра! Валим!» Тут, как ни старайся,
Словами это всё не описать.

Скорей, скорей, покуда взрыв не грохнул!
Все трое – Витька, Вовка и Удав,
Рванули через выбитые окна,
Остатки сил последние собрав.

Они к чужой машине подбежали –
К обломкам, что остались от неё.
«Эй, кто там? Выползай! Чего застряли?
Давай уже, отбегали своё!»

Но тишина. Ни слуха и ни духа,
Как будто пустота одна внутри.
«Один в отключке! Есть! Тащи, Витюха!
А ну, живее! сам там не сгори!»

Под куст его, на листья!» Где другие?
Ушли – сквозь лес, ищи теперь свищи
Сто лет их днём с огнём по всей России
И на судьбу лихую не ропщи!

Попавший под раздачу пёс поганый,
Чья жизнь уже не стоит ни гроша,
Когда-то удиравший от Толяна,
Теперь в траве лежал, едва дыша.

(Толян до сих пор всё это снится,
Как он над ним глумится, сволота,
Мол, никуда твой велик не годится,
Не тот артикул, серия не та!)

Он сам себе дорогу эту выбрал,
И пульс почти пропал, и взгляд застыл,
И «браунинг» девятого калибра
Зажат в руке. Да как он с ним рулил?

Машины искорёженные тлели,
Былую роскошь больше не вернуть,
И в небо искры блёстками летели,
Да и вообще, могло уже рвануть!

...Рвануло так, что Витька даже наземь
Из губ разбитых выронил мундштук,
И пополам согнулся старый ясень,
И ёлки стали чёрными вокруг!

И вперемешку – пепел, дым и пламя,
И, бледный весь, с башкою набекрень,
Удав вращал безумными глазами,
И Вовка с перепугу влез на пень!

Все живы, значит, всё не так уж скверно,
Хоть и пришлось рубиться напролом.
Вообще не очень это характерно,
Что Витька оказался за рулём.

Мне знатоки на это попеняют,
Что следователь – это сибарит,
Что он, как псих, на тачках не гоняет,
А в кабинете сутками сидит.

Но так бывало всё же не со всеми,
У нас в районе свой царил закон,
И по нему Витюха был на время
К оперативной теме прикреплён.

Я говорил уже, он не был робок,
И в пекло лезть без страха, по уму
С ребятами из розыска бок о бок
Начальники позволили ему.

Там на пятёрку меньше денег платят,
На пять рублей, но разве дело в них?
Сдержатъ его, когда дела покатят,
У них и сил не хватит никаких!

И он полез. Но тут другая сила:
Витюха вдаль уже куда-то плыл,
Его реально пулей зацепило.
Сам напросился – сам и получил.

Уже он полполяны кровью залил,
И парни так и сяк ему шарфом
Пробитое плечо перевязали:
«Ну что, домой? И этого берём!»

Да, этого, который только что их
Почти уже отправил на тот свет,
И слабый издавал какой-то шорох,
Они свезли в ближайший лазарет.

Там воинских частей вокруг навалом,
В одной из них и приняли его –
В санчасти Вовка встретил, так совпало,
Старинного знакомца своего.

А с «этим» было хуже, прямо скажем,
Поломан и помят, но вроде жив, –
Он, прежде чем в Бутырку был посажен,
Положен был под капельницу в «Склиф».

...На Витьке зажило как на собаке,
Четыре дня – и он опять в строю.
Нас снова Клещ собрал: «Ну что, вояки,
Прикинем диспозицию свою!

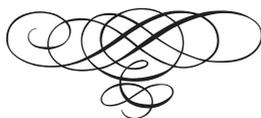
Опять чинить нам нашу колымагу –
Другой-то нет, и тех искать двоих,
Которые на дно сейчас залягут,
И взять их шансов нету никаких.

Ещё скажу вам: я не понаслышке
С наружным наблюдением знаком.
Расстреливать наружку – это слишком,
Я никогда не слышал о таком.

Я их приговорил в каком-то роде,
Переступивших красную черту,
Они при этом ходят на свободе,
Хреново – я скажу начистоту».

Витюха, зверь матёрый, стойкий воин,
«Так быть, – сказал, – ребята, не должно».
И Клещ был непривычно беспокоен,
И я глядел в раскрытое окно.

Фонарь вдали горел лиловый, как фингал,
«Такой вот, братцы, промежуточный финал, –
Наш Клещ качал своей седую голову, –
Стрелок лежит, куда-то в трубки там сопя,
И не понять пока, придёт ли он в себя,
И что он будет говорить? И где те двое?»

Одиннадцатая глава

Ну ладно. Сидеть можно долго
И тихо скулить в потолок.
Красивая чёрная «Волга»
Заехала в наш уголок.

И сразу пошли веселее
Печальные наши дела.
Подмога, как добрая фея,
Откуда не ждали, пришла.

Пронырливый, цепкий и ловкий,
Явился к нам как-то один
Начальник отдела с Петровки,
Серьёзный такой сукин сын.

Румяный, как спелая груша,
Он в отпуске так загорел,
Он трёп наш рабочий послушал,
Пустой кабинет осмотрел,

За шкаф заглянув, за портьеру,
Профыркал, подобно ежу:
«А если я помощь, к примеру,
По-дружески вам окажу?»

На фею-то он не похожий,
Он как-то пошире слегка,
Да в форму одетый, но всё же
Не зря наша дружба крепка.

Чтоб мыслить яснее и проще,
Он принял по стопке с Клещом,
Как будто в потёмках наощупь
Замок ковыряя ключом,

Зондируя так между прочим,
Мол, как там, чего, да куда:
«Пошепчемся, лясы поточим!» –
Обычная хрень, лабуда.

«Я долго болтать не любитель», –
Сказал ему Клещ, а в ответ:
«Стажёра в аренду возьмите,
У нас от него только вред!

Курсант милицейского ВУЗа,
Бывает и умным подчас,
Для нас он балласт и обуза,
А вам ничего, в самый раз.

Он мало чего понимает,
Его, если честно сказать,
Всего лишь одно занимает –
Дадут ли ему пострелять?

Он внутренне, в личностном плане,
Похожий на батьку Махно,
Которого нам на экране
Артисты играют в кино.

Вы все тут народ горделивый,
Спецуха, особая статья,
Какого-то там конструктива
От вас не приходится ждать.

Я к вам прикатил наудачу».
«Послушай, – сказал ему Клещ, –
Сейчас я тебе обозначу
Одну интересную вещь.

Мы – следствие, вот мы и ценим
Холодный и трезвый расчёт,
Поскольку к поставленным целям
Он нас напрямик и ведёт.

Другой я картины не вижу.
А опер, он всё же, скорей,
Ты как ни пинай его, ближе
К артисту по сути своей.

К стилистике этой серьёзно
Я вряд ли смогу отнестись.
Забудь их, прошу тебя слёзно,
Анархию и артистизм!

Чтоб попусту парня не мучить,
И нам от него не рыдать,
Не абы куда его лучше,
А к сыщикам в розыск отдать».

И вот, протянув ему лапу,
Полкан наш промолвил, Потап,
Ну, в смысле полковник Потапов,
Что он в педагогике слаб.

«Сказали, что ты безрассуден,
Я справки успел навести,
Воспитывать точно не будем –
Сказал он стажёру, – учти:

У нас тут с романтикой туго,
Забрось её лучше, сынок,
Подальше куда-нибудь, в угол.
Здесь пашут и падают с ног.

Долой разговоры пустые,
Лишь глотку щекочут они.
Инструкции будут простые:
Впрягайся и лямку тяни!

Желаю успешной карьеры,
Регалий тебе и наград!»
А дальше уже про курьера,
Который гонял в Ленинград,

Про камешки в общем и целом
Потап рассказал свой рассказ,
И что под особым прицелом
Вокзал Ленинградский у нас,

Что планы свои втихомолку
Меняет курьер этот наш,
Вот только что дали наколку –
Он в новый собрался вояж.

«Нам даже прислали приметы,
Но с личным составом беда –
Народа свободного нету,
Кто мог бы поехать туда.

С людьми, прямо скажем, не очень,
Не самый весёлый расклад, –
Одни отсыпаются с ночи,
Другие в засадах сидят.

Вот ты на вокзал и подскочишь,
А вдруг, наконец, повезёт?
С девушками лясы поточишь,
На разный посмотришь народ.

Придурком побудь специфичным,
Мол, к родичам еду в колхоз,
А здесь, мол, хочу самолично
Увидеть большой паровоз!

Хлебальник разинь: ну и ну, мол,
Колёса-то как хороши!
Я даже такого не думал,
Хоть ты на нём землю паши!

В пальтишке задрипанном, рваном
Потрогай там окна и дверь,
Короче, прикинься болваном,
У нас таких любят, поверь!»

Стажёр об подошву окурок,
Зубами скрипя, загасил,
Дослушал спокойно и хмуро,
«А делать-то что?» – он спросил.

«Да, в общем-то, делать особо
Не надо тебе ничего,
Смотри потихонечку в оба,
И, может, увидишь его.

Я вижу – пацан не дурак ты,
Отделу нужна, не забудь,
Всего лишь фиксация факта,
Что поезд отправился в путь,

И в нём эта хитрая сволочь,
Курьер наш, проворный хорёк,
Отчалил, и Бог тебе в помощь,
Чтоб ты это дело засёк.

Глазами не шарь по нему там,
Мол, сволочь ты, плесень и слизь,
Постой там ещё полминуты
И сразу же нам отзвонись.

Ты должен, – сказал он стажёру, –
Спокойно его срисовать,
Не вздумай орать «Руки в гору!»
И ствол ему в рожу совать.

А то ведь у вас, молодёжи,
Как только врага увидал,
То сразу ему и по роже
Вот так вот с размаху и дал.

Ветрянкой какой-нибудь, корью
Так дети болеют порой.
Все правила писаны кровью.
Иди и учи их, герой.

Тут высшего нет пилотажа,
Два пункта запомни подряд:
Не лезь, куда старший не скажет,
И делай, чего говорят!»

«Да всё уже, понял, чего там, –
Курьер попытался привстать, –
Не надо меня идиотом
Заранее сразу считать,

А то я, как рыба на суше,
Верчусь на песке у ручья!»
«Сиди, – было сказано, – слушай,
Когда-то таким же и я

Отчаянным был и азартным
И малость немного дурным,
А кончил обширным инфарктом,
И, кстати сказать, не одним.

Пока голова не окрепла,
Ты сил понапрасну не трать,
Не лезь без напарника в пекло,
Чтоб кучкою пепла не стать».

«Не понял я ваших историй», –
Ответил стажёр невпопад.
«Не понял? Сходи в крематорий.
Там быстро тебе объяснят,

На кладбище можно, там тоже
Немало смыслённых ребят
Покоится с миром, но всё же
Не надо тебе в этот ряд

Без крайней нужды становиться,
Ищи себе правильный путь,
Зарезанной курицей-птицей,
Подстреленным зайцем не будь!

И помни ещё: их навалом,
Придурков вокруг и растяп».
Порезан был, позже узнал он,
И трижды прострелен Потап.

Не ради какой-то забавы
Потап это всё говорил.
Однажды во время облавы
Напарник его не прикрыл.

Уж лучше вообще в стороне бы
У стенки стоял, словно стул,
Он даже и трусом-то не был,
Не вовремя просто зевнул.

Короче, теперь у Потапа
Душа, как зашитый карман.
Мозгов не теряй тот растяпа,
И он бы сейчас не хромал.

«Давай-ка мы часики сверим, –
Потап продолжал инструктаж, –
Не вздумай шутить с этим зверем,
Уж будь так любезен, уважь!»

Таких обходи стороною
В работе, в совместной гульбе, –
Оружие ближнего боя
Всегда у него при себе.

И, если чего, то впустую
Он тратить не любит слова, –
Вот так вот его аттестует
Секретная наша молва.

У нас уже сотканы сети,
И пусть он, зараза, не прост,
Там наши с утра его встретят
И сядут тихонько на хвост.

А дальше от точки до точки
Кто надо по следу пойдёт,
Весь сбывт отследить по цепочке
Мы сможем без лишних хлопот.

При этом не так уж и мало
Мы знаем о вкусах его,
О том, что горилку и сало
Он любит сильнее всего.

Наверно, сперва он немножко
Слегка попетляет в толпе,
А после уже у окошка
Расслабится в мягком купе.

Найди ещё парня задорней,
Он сотку себе самому
Накатит и шторку задёрнет,
И поезд умчится во тьму,

Кряхтя, словно старая кляча,
И всё, будь здоров, сукин сын!
Несложная, в общем, задача,
Но помни: ты будешь один.

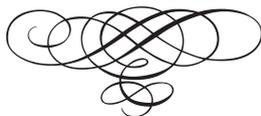
Сынок, не криви свою рожу,
Опасен наш мир и жесток,
И помни, – Потап подытожил, –
Пока ты один – ты никто.

От этого не отвертеться,
И пусть, словно в стену шуруп,
Войдёт тебе формула в сердце,
Что мент без мозгов – это труп».

Стажёр согласился, но всё же
Не скажешь, что был очень рад:
«В игрушки игратья, похоже,
Они тут со мною хотят!»

С души этот мутный настрой свой
Никак он не мог соскresti:
«Подумаешь, тоже геройство –
Объект, как корову, пасти!»

Он на задание поехал на метро,
И смех скрипучий холодил ему нутро,
Мол, что у вас там, нету тем поинтересней?
Вокзал. Платформа. Шум и гам, гудки-свистки,
Народ снуёт, как в минералке пузырьки.
Эй, где ты, гад проклятый? Нету! Хоть ты тресни!

Двенадцатая лава

А, вот же он, гуляет по перрону,
Как на букашек, смотрит на людей,
Высокий, важный, кепка, как корона,
Мол, я-то знаю, кто здесь всех главней!

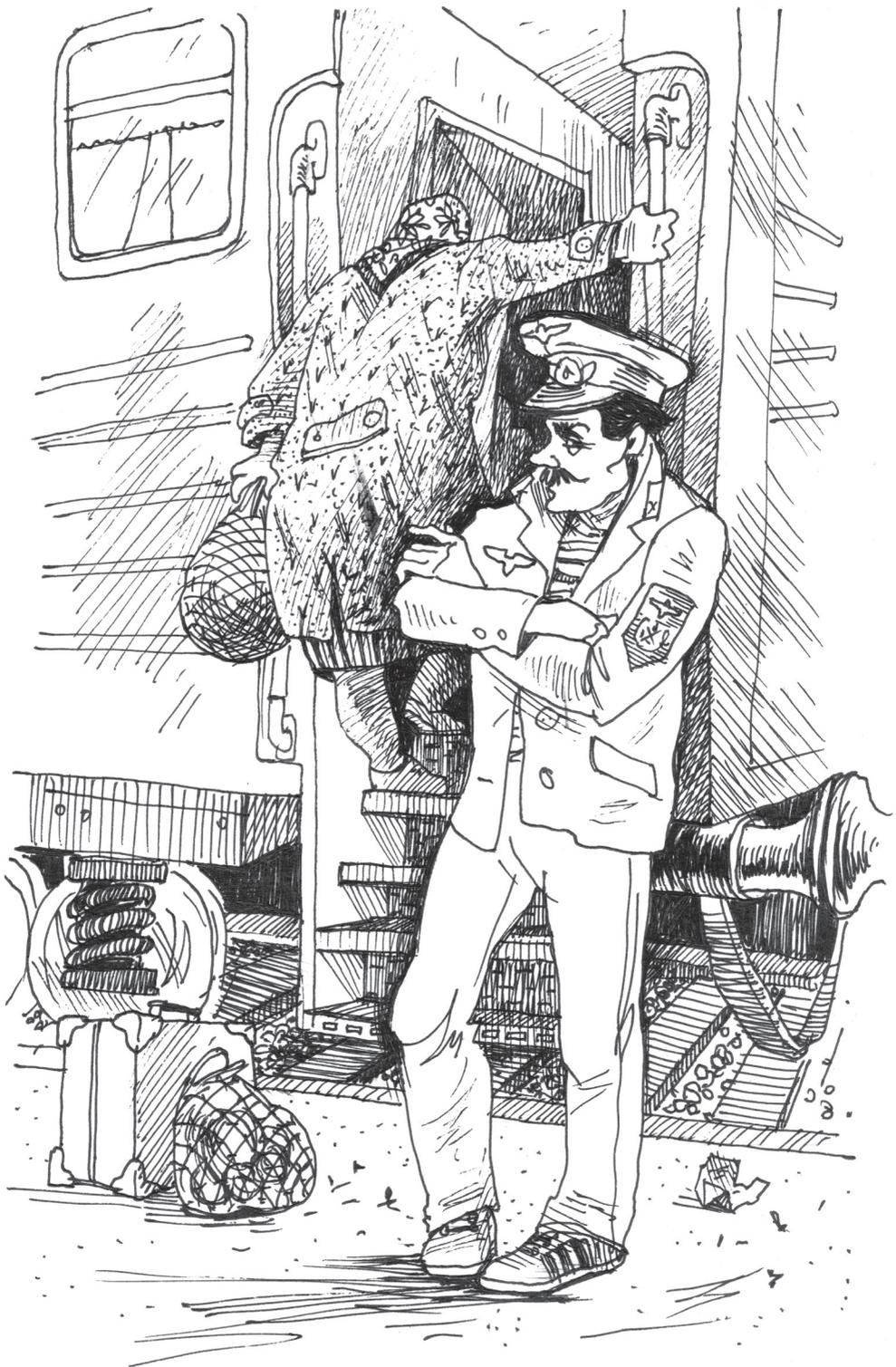
Ну вот и всё. Минута до отправки,
Ну вот и прозвенели три звонка,
И местный пёс пролаял из-под лавки:
«Эй, вы, привет! Поехали! Пока!»

И он сейчас умчится, этот «скорый».
Объект с заветной сумкою в руке
Уже вошёл в вагон, и у стажёра
Как будто что-то щёлкнуло в башке,

Как будто накатило что-то свыше,
И он, ведомый ангелом своим,
Внутри себя отчётливо услышал:
«Не упускай его. Иди за ним!»

Вот так, мои ребятки дорогие, –
Стажёр, обычно весь такой орёл,
В глубоком сне как будто, в летаргии
К соседнему вагону подошёл.

Там проводник – холёный, разодетый,
В фуражке, в форме, чистый полицей!
«До Питера возмёмшь? Я без билета.
Десятку дам». «Нормально. Залезай!»

И он рубли собрал свои наощупь
В кармане куртки, сразу чтоб отдать.
Чем рожа вороватее, тем проще
С ней шкурные дела свои решать.

Плохой вагон, разбитый, всё не в кассу.
На ствол нагана руку положи,
Стажёр под стук колёс тихонько трясся
На третьей полке вместо багажа.

И мысли его путались и плыли:
Эй ты, балбес, со мною не шути,
Хлебай свою горилку из бутылки,
И хрен ты где соскочишь по пути!

Мои труды окупятся сторицей,
И, значит, я срублю свою маржу,
Я от Москвы до северной столицы
Его негласно сам сопровожу.

Вот так вот, мол, с рук на руки примите,
Я глаз с него в дороге не спускал,
Хотите, сразу к чёрту застрелите,
Хотите – с корабля его на бал,

С вокзала прямо, если быть точнее,
Отправьте – в КПЗ, в СИЗО, в дурдом,
Пусть ёрзает там, сволочь, как умеет,
Мы всё равно за шкуру их возьмём!

Меня отметят: ловок ты и прыток,
Да вроде бы и в тактике не слаб,
Вот в этом и маржа моя, прибыток,
Что мне спасибо скажет сам Потап!

И он ворочал сонной головою,
И вот уж полдороги позади.
Короткая стоянка. Бологое!
И, кто уже приехал – выходи!

Внутри стажёра тренькала как будто
Какая-то дурацкая труба.
Его вагон почти уже минуту
Стоял вблизи фонарного столба.

Нормальный столб. Ни овощем, ни фруктом
Его ты никогда не назовёшь,
И лишь витает в воздухе вокруг там
Какая-то невидимая дрожь.

И чья-то тень в сторонку проскользнула.
Да ладно уже, едем, чёрт бы с ней!
Но снова будто током тряхануло
Стажёра от затылка до ступней.

Какая тень? Курьер тот самый в спешке,
Что только что под боком рядом был,
Сорвался, соскочил, ушёл от слежки,
Он хвост на всякий случай обрубил!

Уже состав размеренно качался.
Стажёр, скользя спросонья, как по льду,
С безумной рожей к тамбуру примчался
И из вагона прыгнул на ходу!

Не дай нам Бог так жёстко приземляться.
Он рухнул, покатился, снова встал,
В падении сумев сгруппироваться,
При этом даже связки не порвал.

Пустой перрон. И стрелки циферблата –
Два острых и тяжёлых тесака –
Сигнал нам всем: за всё придёт расплата.
И ночь кругом. И холод. И тоска,

И фонари, как гипсовые слепки,
Что с мёртвых лиц когда-то кто-то снял,
И этот чёрт высокий, с сумкой, в кепке,
Он здесь. Вперёд! В погоню! Час настал!

Он воли не нашёл в себе и силы
Её в кусты подальше запулить.
О том, что жадность фраера сгубила,
Он долго будет после говорить.

И взглядом незамыленным и цепким
Прозрачную пронзая полутьму,
Стажёр издалека по этой кепке
Его засёк. Ну всё! Быстрей! К нему!

Курьер когда-то бегал стометровку,
И он на землю бросил свой баул,
И, лужи перепрыгивая ловко,
Куда-то вдаль отчаянно рванул.

Да, он готов неплохо был, но всё же
Он сам себя в итоге доконал
Своим рывком. Стажёр наш был моложе,
Быстрей и лучше. Он его догнал.

Ночной пустырь. Мерцающие звёзды.
И смерть как будто спит в складном ноже
В кармане у курьера. Пулю в воздух
Стажёр пустить намылился уже,

А дальше уж как дело повернётся,
И он перчаткой ствол уже протёр.
Когда противник сразу не сдаётся,
Совсем другой возможен разговор.

И пистолет заряжен боевыми,
И впереди – кирпичная стена.
И ночь. И десять метров между ними.
И, как прожектор, полная луна.

Я фильм смотрел, и я его запомнил,
Как там крутые парни точно в цель
Лупили из стволов. Ещё я понял,
Что значит настоящая дуэль,

И что безумству храбрых нет предела,
Борись и бейся из последних сил!
Там человек с ножом по ходу дела
Того, что с пушкой, ловко завалил!

Ну, с пушкой, это значит, с пистолетом,
Он бросил нож быстрее, чем тот успел
Спустить курок, и всё, мой друг, с приветом!
Вот так у них – кто храбрый, тот и цел! –

Кто смерти в рожу смотрит зло и зорко,
Вот этим дикий Запад и хорош.
Тот фильм – «Великолепная семёрка» —
На этот мой роман слегка похож.

А тут, наоборот, хороший – с пушкой,
Плохой – с ножом в руке, затих, как мышь,
И кто с кого в итоге снимет стружку,
Едва ли сразу так сообразишь.

И электричка выла, как белуга,
И вороньё вопило ей под стать.
Они стояли друг напротив друга
И не спешили дело начинать.

Стажёр, как будто всё ещё спросонья,
Чего к чему, прокручивал в башке,
И спрятанную финку под ладонью
В опущенной пока ещё руке

Он видел у курьера, нет, он чуял:
Всего лишь миг мелькнёт, и грянет гром,
Но был непрошибаем ни в какую
В спокойствии задумчивом своём.

Он был с утра не пивши и не евши,
Ну, раз уж так, он взял да закурил,
И семафор – скелет оцепеневший –
Вдали, впотьмах у станции застыл.

И завивался дым в круги и петли,
И, будь я там, я крикнул бы ему:
«Давай, стажёр, стреляй! Чего ты медлишь?»
Оно уже не нужно никому,

Твоё геройство, ну его, ей-Богу,
Тебя сейчас завалят самого!
Своих не докричишься, не помогут.
Есть ты и он. И больше никого».

Вертясь, крутясь вприпрыжку, как придётся,
Фонарный луч по лезвию ножа
Отчаянным гулял канатоходцем,
Скользил, плясал, мерцая и дрожа.

Замах! Стреляй, стажёр, долой сомненья!
И он в движеньях точен был и строг.
Он руку вскинул раньше на мгновенье
И вовремя успел спустить курок.

По небу тучи мчались, словно кони,
Курьера что-то дёргало и жгло,
Он так, бедняга, толком и не понял,
Чего с ним только что произошло.

Его башка гудела, словно улей,
Стажёр его оставил не у дел,
Он выбил ему финку первой пулей,
При этом руку даже не задел!

В нём отказал внутри какой-то тормоз,
Он зашагал к стажёру – олух, псих!
«Стоять на месте, сука! Только дёрнись! –
Стажёр затвором щёлкнул и затих, –

Умрёшь, дурак!» Но тот с какой-то стати
Расставив руки, медленно шагал
По пустырю ночному, как лунатик,
Как будто он рассудок потерял.

Свинцовый шмель вопьётся в черепушку!
От пули нет спасенья. Жди её!
Стажёр опять поймал его на мушку:
«Ты так хотел. Решение твоё!»

И, хоть стажёр имел серьёзный стимул,
Чтоб враг его башку свою сложил,
Он всё-таки не снёс её: живи, мол,
Но кепку, уж простите, прострелил.

Всё. Нет короны. К чёрту улетела.
Король не то что гол, но лысоват.
Он в коматозе был, по ходу дела,
И лишь губами шлёпал невпопад.

И страх ему мозги терзал и тискал,
Коверкал и кривил его мурло,
Он понимал: стена здесь хоть и близко,
Но до расстрела дело не дошло.

«Да понял, всё, стою, – он чуть согнулся, –
Ты человек, я тоже человек!» –
Уже он окончательно очнулся
И вскинул наконец-то руки вверх.

Стажёр ворчал: «Ну что уже, получше
Пехоты не осталось среди вас?
Вообще-то ты легко ещё, голубчик,
Отделаться сумел на этот раз».

Без жертв пока. Все живы. Ну и чудно.
Да вот и, кстати, молод и удал,
На звук пальбы мгновенно, в три секунды,
Дежурный мент с вокзала прибежал.

И, машинально встречные считая
Трухлявые какие-то столбы,
Он скрёб затылок: «Ишь ты, мать честная,
Давно у нас тут не было стрельбы!»

Он сверху наделён немалой властью,
И он свой лучший фокус провернул:
Железные браслеты на запястьях
Курьеру незаметно застегнул.

Его пробили быстро по учётам –
Судимость, где родился, срок, статья,
Немало, чёрт возьми, у них всего там
Нашлось насчёт житья его, бытья.

Он в банде – зам Ушастого, диспетчер,
Ну, и спецназ как будто заодно.
Во всесоюзном розыске, замечу,
Он был уже достаточно давно.

Он волком стал зубастым и матёрым,
Он десять лет держался на плаву,
Но по итогам встречи со стажёром
Отправлен был в наручниках в Москву.

Он сразу весь скукожился и сдулся,
Стал сморщенным и мелким, а стажёр
В столицу тем же вечером вернулся
И был к Потапу вызван на ковёр.

И он чеканил шаг в парадном марше,
Но перешёл на медленную рысь,
Когда ему мигнула секретарша:
«Там шторм двенадцать баллов. Берегись!»

Стажёр, павлином плавно выступая
И даже с ней чайку успев попить,
Вошёл к Потапу: «Здравия желаю!
Позвольте мне к докладу приступить!»

Потап сперва багровым стал, как свёкла,
Потом позеленел, как мох на мне,
И даже репродукция поблёлка
Про бурлаков на Волге на стене.

Какая-то оса вокруг летала,
Потап в неё графином запустил:
«Тебя тут только, сука, не хватало!
Ну как вы все достали, нету сил!

Вольно́ же вам, – он кверху палец по́днял, –
Дурацкие выписывать круги!
Но ведь в любом творении господнем
Должны же быть какие-то мозги!

И ты, стажёр, ведь я тебе долдонил:
Всего-то за курьером проследить
И сообщить о том, что он в вагоне,
И всё. И больше воду не мутить.

Там всё уже у вас в единый узел
Сплелось, когда он нож держал в руке.
Он их метает лучше всех в Союзе,
Там было всё у вас на волоске.

Ты в поезд прыгнул, плана не имея,
По ходу дела, тыква, не башка
У вас, у молодых, растёт из шеи,
Тебя ж могли зарезать, дурака!

Ну, как бы, ты нормальный, или кто ты?
Ну почему всё сразу враскосяк,
Вразнос пошло в твой первый день работы,
Ты книжек начитался или как?

Ты должен быть предельно осторожен,
А ты – балбес, безмозглый дикий зверь, –
На всю башку конкретно отморожен,
И что с тобою делать-то теперь?»

Он два часа орал, не унимался,
Железными зубами дребезжал:
«Ты кто вообще такой, откуда взялся?»,
А после руку так ему пожал,

Что у того зрачки аж потемнели:
«Спасибо, парень, если бы не ты,
То следствие бы наше еле-еле
Вот так среди унылой темноты

Катилось бы, как старая телега,
С колёсами, разбитыми в труху,
Уж сколько ты вокруг неё ни бегай.
И хрен бы нас кто понял наверху.

Ну всё, иди, – и бас его утробный
Глухим и тихим как-то сразу стал, –
Про ствол с боеприпасами подробней
Доложишь после, где ты его взял.

Тут особист уже, по ходу, трётся.
Подумай, что ты будешь ему петь
Насчёт ствола, а то ещё придётся
По двести восемнадцатой³ сидеть».

Но лучше о весёлом. В нашей власти
Настроить мозг и душу на мажор,
Особенно когда тебе в финчасти
Вручают деньги, хоть ты и стажёр.

Ему червонец этот возместили,
Что он тогда всучил проводнику.

³ Ст. 218 УК РСФСР того времени – «Незаконное ношение... оружия...», довольно серьёзное преступление с реальными сроками лишения свободы.

Мы, кстати, в тот же день его пропили,
Удав ещё кричал: «Ку-ка-ре-ку!»

Зачем? А потому что он проспори́л,
Что результат вот-вот уже придёт,
Он думал, месяц, два ещё в дозоре,
Мы будем дохнуть, может, даже год.

Ему и не мечталось о сюрпризе,
Хоть красок он особо не сгущал,
А тут стажёр вдруг взял, да и приблизил
Тот ледоход, что Клещ нам обещал.

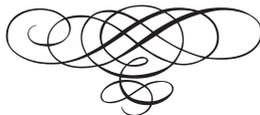
Да, прямо скажем, шумное такое
У нашего стажёра в первый день
Крещение случилось боевое,
Что долго ещё рожи набекрень

В застывшем виде были у начальства.
Потап три дня ходил с раскрытым ртом,
Что, кажется, бывало с ним нечасто,
Да никогда, но это всё потом.

Придирчивый мой критик сморщит рожу,
Мол, я не понимаю ничего!
Так ни один стажёр стрелять не может,
Да и откуда ствол-то у него?

Откуда? От верблюда! Я не знаю,
Верней, тогда не знал, сейчас скажу –
Тут линия сюжетная сквозная,
И я её в башке своей держу.

Стажёр был рад, что свой червонец промотал,
Он шёл домой и тихо-тихо бормотал:
«Любой расклад в бою реален и возможен.
Эй, вы! Не вам, а нам покатит фарт,
Не вы, а мы теперь ковбои, это факт,
Мы, как мустангов, вас отловим и стреножим!

Тринадцатая глава

Друзья, вы узнаете скоро,
Получите ясный сигнал,
Откуда был ствол у стажёра,
Когда он курьера догнал.

История, в общем, простая,
Тут долго тянуть не с руки.
Он вырос в предгорьях Алтая,
В сибирском селе у реки.

Он парнем был явно не хилым,
Мозги были тоже при нём
А звали его Михаилом,
Он запросто мог напролом

Без лишних пустых разговоров
С руками в карманах пойти
На пьяную злобную свору,
Возникшую вдруг на пути.

Я много чего вам о Мишке
Могу тут ещё рассказать.
Он в детстве кедровые шишки
Умел из рогатки сшибать,

Держал под подушкой двустволку,
С обрезом ходил по тайге, –
С оружием этого толка
Он был на короткой ноге.

Там те ещё были замашки:
Приставив приклад к животу,
Он запросто мог из мелкашки
Подбить комара на лету.

Да, мало известно в народе,
Что ствол – продолженье руки,
Обычный наш орган, навроде
Растущей из шеи башки.

Немного звучит странновато,
Но я бы тут спорить не стал,
Поскольку и сам я когда-то
Таёжные тропы топтал.

И Мишку пойму, как никто, я, –
Читатель мой, слушай сюда:
Оружие – это святое!
В лесу без него никуда!

Стажёр револьверное дуло
Поглаживал часто рукой,
Его к тренировкам тянуло,
Плевал он на тишь да покой.

Чем травы с полезным женьшенем
В корзинку ходить собирать,
Он больше любил по мишеням
В лесу на опушке стрелять.

Однажды медведь косолапый,
Такой же, как он, раздолбай,
Гуляя вблизи, тихой сапой
Подкрался к нему невзначай.

Усмешку недобрую пряча,
Он встал у него за спиной:
«Сейчас я тебя о...чу,
Чтоб мимо ходил, стороной!

А то что-то много людишек
В лесу стало нынче гулять
Ввиду сокровенных мыслишек
Малину мою пожирать!

Забудь, мол, подобную ересь,
И к мамке беги наутёк!»
А тот лишь присвистнул, не целясь,
И выстрелом шишку подсёк.

Она-то как раз и упала,
Медведю поставив фингал,
Когда он разинул хлебало
И зубы свои показал.

*«Мишка косолапый
По лесу идёт,
Шишки собирает,
Песенку поёт.*

*Вот упала шишка
Прямо мишке в лоб,
Рассердился Мишка,
И ногою – топ!»*

Мне кажется, это о Мишке,
Который в работе у нас
Не знал никогда передышки,
Придуман подобный рассказ,

Что в случае даже протеста
Поменьше бы надо борзеть,
Чтоб он понимал своё место,
Тот мишка, который медведь,

Какие к нему, супостату,
Предприняты будут шаги,
Забудь он ранжир свой и статус,
И кто тут хозяин тайги!

Вот так формулировал Мишка,
Наш будущий юный стажёр,
Свою эксклюзивную фишку,
Какой он ведёт разговор

С большим туповатым злодеем,
Что встал у него поперёк,
Мол, кое-чего мы умеем
Из серии жать на курок.

Мол, хлопотно будет не слишком
Любого из вас схоронить,
Уж если я выстрелом шишку
Умею на вас уронить.

Медведь тот умчался вприпрыжку,
Оврагами, в сторону, вбок,
Он главное понял, что Мишка –
Потомственный вольный стрелок,

Что Мишке прогнать его в шею
Не сможет никто помешать.
А Мишка уже посложнее
Задачи пытался решать.

Шутник, балагур и затейник,
Такой же элитный стрелок,
Двоюродный Мишкин брательник
Ему револьвер приволок.

«Привет тебе, друг мой, с поклоном, —
Он настезь раскрыл свою пасть, —
А как ты считаешь, слабо нам
В молекулу пульей попасть?»

Брательник был пьян, но не очень.
Ну что, мол, вперёд, Михаил!
И шутку его, между прочим,
Наш Мишка вполне оценил.

Хотя он и не был фанатом
Насчёт из ружья залепить
В мельчайший какой-нибудь атом
И пульей его расщепить,

Но, если уж ствол под рукою,
И руки твои не кривы,
Желание было такое
В глубинах его головы.

Молекула, атом, нейтроны.
Протоны, чего там ещё?
Да были бы только патроны,
Приклад бы ещё на плечо

Вот так надавил бы покрепче,
Чтоб жару начальству задать,
Чтоб меньше им сладкие речи
С высоких трибун задвигать!

Но старенький школьный учитель
Ему рассказал про баланс,
Про некие тайные нити,
Про связи времён и пространств:

«Не всё тут тебе трали-вали!
Он, атом-то этот, не прост,
Он мелок, подлец, и едва ли
Его ты ухватишь за хвост!

Тут, как ни старайся, не выйдет
Пальнуть по нему из ружья,
Его очень трудно увидеть,
Трудней, чем в траве муравья!

Вообще это мутная тема.
Найдя в ней системный расклад,
Внутри этой самой системы
Серьёзные люди сидят.

Они там отнюдь не с похмелья,
Ладонями стиснув виски,
В секретных своих подземельях
В специальные смотрят очки.

И строгий свой взгляд – во работа! –
В пространство вонзают, как нож:
«Эй, атом, голубчик, чего ты
Никак на контакт не идёшь?»

Там целая, типа, плеяда,
Их прямо, как молния в лоб,
Идея пронзает, что надо
В ловушку поймать изотоп!

Поймают. Поверь, – заключил он, –
С компанией этих ребят
Тягаться тебе не по силам.
Тебя самого расщепят.

Возьмут, если надо, под ноготь,
И всё, и привет, баю-бай!
Не надо молекулы трогать,
Иди лучше книжки читай!»

«Согласен – сказал ему Мишка, –
Не надо в молекулы лезть,
Ядро расщеплять – это слишком,
Получше занятия есть!»

Чтоб полным не быть недотёпой,
Он в клуб, в дом культуры пришёл
И книжку прочёл, «Дядю Стёпу»,
Что было там, то и прочёл.

Ещё одна умная книга
На полке пылилась в углу,
С ней целая вышла интрига,
Там сразу же в плен, в кабалу

Наш Мишка попал. «А чего так?» –
Народ меня спросит. А так –
Там автор конкретен и чётко –
Борис был такой, Пастернак.

Он дал нам намёк: «Извините,
Мы вместо, чтоб водку лакать,
Должны в сердцевину событий,
В рабочую суть проникать».

*(«Во всём мне хочется дойти
До самой сути,
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.*

*До сущности протекших дней,
До сердцевины,
До оснований, до корней,
До их причины».*

и т. д., *Борис Пастернак*).

Ребята, насчёт Пастернака
Недолг мой будет рассказ.
Там вышла не то, чтобы драка,
Скорее, публичная казнь.

Коллеги его по искусству,
Советских писателей хор
Сказали: «Какой-то он грустный
С людьми у тебя разговор!»

Они раздолбали поэта,
Срубили его наповал:
«Все люди как люди, а этот
До сути дойти пожелал!»

Они оттянулись на славу:
«Смотрите, какой супермен!»
Читатель, я знаю их нравы.
Не хор там, а стая гиен.

Глумливая эта шарага
Его на куски порвала –
За «Доктора», скажешь, «Живаго»?
Да нет, тут другие дела.

Им строчка царапнула разум,
Что шустрый какой-то пострел
Без всякого сверху приказа
До сути дойти захотел.

Простая строка. Но вообще-то
В ней видится явственный знак,
Чего там в башке у поэта,
Какой он такой Пастернак.

Под током искрящийся провод –
Строка эта – вот я о чём,
А «Доктор Живаго» – лишь повод
Загрызть человека живьём,

Чтоб было понятно поэту:
До сути никто не дойдёт,
А, может, её даже нету,
Пойми, наконец, идиот!

И, если дошедший до сути
Поймёт, в чём она состоит,
И кто нами вертит и крутит,
То он будет в землю зарыт,

В глубокую яму закопан,
Чтоб там не стихи выражать,
А вместе с братьями скопом
В одном котловане лежать.

Дай Бог там, ребята, не лечь нам –
Вот этого хочется мне,
Чтоб больше нам думать о вечном,
И меньше о всякой ...не.

Долой перманентную пьянку!
Основу искать – вот наш хлеб! –
Нутро, сердцевину, изнанку
Явлений, событий, судеб!

Так вот, что касается Мишки,
Казалось бы, он тут причём?
Как раз у него-то в умишке
Всё то, что он в книжке прочёл

По поводу сути явлений,
В единый срослось монолит.
Он понял: поэт – это гений,
Когда он вот так говорит.

Да, умные книжки не зря нам
Порой преподносит судьба.
«Выносливым будь и упрямым, –
Подбадривал Мишка себя, –

По кочкам, канавам и лужам
Шагай напрямик, но учти,
Что, ежели ты безоружен,
До сути тебе не дойти!»

...Мой вывод таков, если вкратце,
Уж если свести все концы:
Я вам про писателей, братцы,
Скажу, что они молодцы.

Да, вот где зарыта собака,
Найди уже с ними контакт,
Бориса читай, Пастернака,
И будешь ментом. Это факт –

Срастёшься с любимой конторой,
Задор обретёшь и запал,
Как Мишка, герой наш, который
Стажёром впоследствии стал.

И пусть они рано ли, поздно,
В душе запоют соловьи,
Когда лейтенантские звёзды
Погоны украсят твои.

Хорошее дело, однако,
Полезное, я бы сказал,
А вот самому Пастернаку
Я б сразу полковника дал.

Эх, жалко он умер, а то бы
Отличным бы опером был,
И честно, без дури и злобы,
До сути всегда доходил.

Наш Мишка – не трус и не лодырь.
Он знал, куда силы девать,
Вот он и пошёл на два года
Отчизне свой долг отдавать.

В степи и в горах, в зной и в холод,
Нормально и честно служил,
Потом в милицейскую школу,
Приехав в Москву, поступил.

Конечно, он парень не промах,
Но староста курса, дебил,
Смеялся: «Ты лапти-то дома
В Сибири своей не забыл?»

Ему аж башку распирало
От мыслей. Он вскорости стал
Шестёркой того генерала,
Который нас плотно топтал.

А Мишка гулял, не печалась,
На все эти глядя дела.
Курсантские годы промчались.
Петровка его приняла.

С ним чикаться долго не стали, –
С напутствием ясным, простым
В район нам как раз и отдали,
Мол, сами мудохайтесь с ним!

А дальше, читатель, ты знаешь:
Хоть был, прямо скажем, не рад,
Потап его взял – за глаза лишь,
Которые ярко горят!

Так вот, об оружии: Мишка
Его собирал с юных лет
Пытливый, смышлённый парнишка,
Теперь таких даже и нет.

В сибирской тайге, в старых сёлах
Народ был тогда боевой.
С гражданки ещё, с Халхин-Гола,
Потом со Второй мировой

Стволов сохранялся излишек –
В какой ты сарай ни зайдёшь,
Там парочку старых ружьишек
Всегда было можно найти.

Ружьишки-то добрые были:
Уж если кто пришлый сюда
Пешком ли, верхом на кобыле
Забрёл ли, заехал – беда!

Ружьишки тебе объясняют,
А то и ручной пулемёт,
Чего с чужаками бывает,
Кто нос свой без спросу суёт

В глухие таёжные дебри,
Кто спутал в пути берега.
Не любит она и не терпит
Незваного гостя тайга.

Немало в итоге собрал он
Стволов этих, наш Михаил.
Он мёдом, и спиртом, и салом
Владельцам ружьишек платил.

Он их с переменным успехом
Не раз и не два, а сто два
На старом мопеде объехал,
Аж кругом пошла голова.

Таких даже нету на карте
Далёких заброшенных сёл,
Где Мишка устраивал бартер, –
Он сразу садился за стол

И спирт выставлял. Классно, круто!
Я сам вспоминаю подчас,
Что не было твёрже валюты
В советской Сибири у нас.

И мысль от затылка до брови
Ему бороздила башку:
Стрелок должен быть наготове,
Стрелок должен быть начеку!

Он в деле хитёр был и ловок:
Под нос недовольно бурча,
За пару драгунских винтовок
Канистру давал первача,

Мол, эх, прогадал, ты поди-ка! –
Он с виду был строг и суров,
А сам хохотать был до крика,
До клёкота в горле готов,

Аж сердце в груди колотилось
От тёплых застольных бесед,
Мол, вот оно, чудо, случилось!
Ещё один есть раритет!

Немало их там в общей массе
В коллекции было его –
«Беретта», и «Магнум», и «Шмайссер»,
И много другого чего.

«Смит-вессоны», кольты, наганы –
Он прямо над ними дрожал.
А я и скрывать-то не стану:
Он их нелегально держал.

Он всё понимал: «Да, рискую!»,
Зато был всегда начеку,
Под курткой отнюдь не пустую
Носил кобуру на боку.

И вот он с нами. Мы не то чтоб в дураках,
Но где-то рядом. Все пути у нас впотьмах,
Ещё не стала ночь глухая ясным полднем,
Но мы возьмём свои вершины. Друг, налей!
Чем выше в гору ты поднялся, тем светлей!
Да, банда крупная у них, но первый пойман.

Четырнадцатая глава

Ну, если точным быть, то первый в коме
Всё так же под охраною лежал.
Однажды он и вовсе чуть не помер,
На миг очнувшись. Ужас, как кинжал,

Его насквозь пронзил, как штырь железный,
А, значит, всё теперь предрешено –
Он так решил. И было бесполезно
Работать с ним. Бревно и есть бревно.

(Читатель, я надеюсь, ты запомнил
Ту самую погоню со стрельбой,
На том шоссе под Химками, и понял,
О чём сейчас я речь веду с тобой).

Ну, дальше нам известна эта тема:
Он будет щурить из-под одеял
Сквозь щёлочку свой глаз: да я вообще, мол,
Рассудок от наркоза потерял!

А вот курьер, которого красиво
Негаданно-нежданно взял стажёр,
Нам сохранял настрой и перспективу
Скорей уже закончить этот вздор,

Что завелось у нас в районе чудо –
И все мы смотрим вечный сериал,
Что долбаные эти Робин Гуды
Неуловимы, чёрт бы их побрал!

Я, помню, настезь варежку раззявил:
«Дракон, как говорится, полон сил.
Наш брат его пока не обезглавил,
Но лапу ему крепко прищемил!»

Ну что, процесс пошёл, клубок заплёлся,
Курьер сперва молчал, как партизан,
Но всё-таки частично раскололся.
Ему давали водку и нарзан –

Отличные напитки против стресса,
Чтоб не был заторможен ты и вял –
Как раз вот для участника процесса,
Кто только что под пулями стоял.

Мол, хочешь пей, а нет, так и не надо,
А если хочешь вкусно закусить,
Мы этот бонус очень даже рады
Тебе по ходу дела предложить!

Курьер сперва не очень был контактен.
Не то чтобы его клонило в сон,
Нет, он, имея волю и характер,
Стрельбой стажёра был ошеломлён.

И он петлял, как заяц среди ёлок,
Мол, жизнь моя, иль ты приснилась мне!
И мудрый Клещ, народный наш психолог,
За Русь святую пил с ним наравне.

Пусть кто-то скажет мне: «Так не бывает!
Менты обычно с урками не пьют».
Ещё как пьют! Не просто выпивают,
А до конца до самого идут.

Курьер, храбрысь за рюмкой через силу,
Про золотую рощу пел с Клещом,
Что, мол, она своё отговорила
И не жалеет больше ни о чём.

Он ненароком этак, между прочим,
Всех скупщиков назвал наперечёт.
Он был Клещом настолько заморожен,
Что сам уже не знал, чего несёт.

Здесь ни при чём физическая сила,
Её никто к нему не применял,
Мозгов элементарно не хватило
Курьеру, что от выпивки устал.

Вот так, друзья. И дело тут не в пьянке.
Какая б ни светила им звезда,
Но фигурант, который в несознанке,
Перед Клещом расколется всегда!

Он раскатал курьера подчистую,
Он в нём нашёл ту самую струну –
Волшебную, звенящую, тугую,
Что не даёт душе идти ко дну.

Вот в чём он всех вокруг подозревает,
Советский человек, когда поддаст?
В том, что его никто не уважает,
Что он для всех помеха и балласт –

В весёлом задушевном разговоре,
Который собутыльники ведут
Про жизнь и смерть, про баб, про сине море,
И слова ему вставить не дают.

На дряхлого смурного старикана
Он сразу же становится похож:
«Ну да, слабею с пятого стакана,
И что теперь, твори со мной, что хошь?»

Ему ввиду возможных безобразий
Ответ такой дают его друзья:
«Сиди в своей норе и не вылазий,
Уж если ты нажрался, как свинья!

Похрапывай тихонько в уголочке,
Как будто ты сражённый наповал,
Когда в твоей телесной оболочке
Мыслительный процесс забуксовал!»

Вот тут я дам короткий комментарий:
Да хоть ты с кем за выпивкою сядь,
Пусть он студент, крестьянин, пролетарий,
С товарищем нельзя так поступать.

Чтоб он себя большущей важной птицей,
Махнув стопарь, почувствовал сполна,
Скажи: «Голубчик, хватит кипятиться!
Ты о-го-го! Титан! Величина!

Ты голова, в отличие от многих!
Бескрайний космос – вот твой потолок!»
Он так и начал действовать в итоге,
Наш Клещ, ведя с курьером диалог.

Мы пребывали всё ещё в неврозе,
Не зная даже смутно, как назло,
Куда они складировать привозят
Ворованное ими барахло.

Был короток и ясен инструктаж нам:
Нужны вещдоки – камни и металл!
Там, в Химках-то, в том доме трёхэтажном,
Нам обыск ничего почти не дал.

По-прежнему подход был нужен тонкий,
И Клещ на «газ» поэтому не жал,
Скворцом весёлым, жаворонком звонким
За рюмкой заливаться продолжал.

Курьер стаканом брякал: «Я ни шагу
Спокойно сделать в жизни не могу!
Она меня пинает, как дворнягу,
Я всё бегу как будто и бегу

По длинному глухому коридору,
И человек с верёвкой в руке
Мерещится вдали мне – тот, который
Меня удавит в пыльном закутке!»

И Клещ сказал: «Держись и не сдавайся!
Как звать тебя?» «А звать меня Васёк!»
«Да, жизнь твоя собачья, друг мой Вася,
Но я хочу, чтоб ты усвоил впрок:

Ротвейлер целый – вот твоя порода!
Ты, может быть, и прав, но я правей,
Что ты не Васька с мыльного завода,
Скорее, царь Василий, уж поверь!

Да, целый царь живёт в тебе подспудно,
Такой вот он, твой облик, без прикрас,
Тем более противно и паскудно
Должно быть на душе твоей сейчас!»

Да-да, мой друг читатель, уважуха –
Вот это вот и есть как раз она,
Пусть даже ты оглох на оба уха,
Та самая волшебная струна,

Играй на ней, и отклик обеспечен
В любой закрытой наглухо душе!
Васёк, курьер, расправил грудь и плечи
И как-то засветился весь уже:

«А если мне и впрямь поверить в чудо,
И мой ещё не кончен карнавал?»
«Вообще-то удавить тебя не худо», –
Подумал Клещ, а сам в ответ сказал:

«Хорош лакать водяру, выпей чаю,
Пусть пищевод немного отдохнёт.
Ты знаешь, я тобою восхищаюсь,
Ты возишь эти цацки третий год.

Ты мозг, диспетчер, жизнь твоя не сахар,
Уже и белый свет тебе не мил,
При этом работяга ты и пахарь,
Твой воз тебя к земле и придавил.

И, не случись с тобою форс-мажора,
Ты разогнул бы вскоре свой хребет.
Диспетчер переплюнул дирижёра! –
Ты круче, чем Ушастый, разве нет?

Ведь ты за всю логистику в ответе –
Не паучок какой-то там в траве,
Ты по России носишься, как ветер,
И все маршруты держишь в голове!

И кепка твоя – знак, мы это видим,
Что в банде ты – почти уже как он,
Ваш главный беспредельщик, вождь и лидер,
Что ты к нему особо приближён.

Задача, прямо скажем, непростая –
Хвосты в пути на станциях рубить!
А прибыль-то вы делите, я знаю,
Совсем не так, как надо бы делить.

Ушастому всегда одна вторая,
И вам одна вторая, но на всех,
Как будто от балды, из-за сарая
Явились вы сражаться за успех.

И он пришёл, и шайка ваша в силе,
Вы за три года резко разрослись –
Почти что «пол-лимона» накопили,
Внушительная цифра, согласись!

Такая вот статистика сухая,
И я тебе напомним, уж прости,
Он в кабаках с марухами бухает,
А ты у нас тут дохнешь взаперти!

Он за тебя тревожится едва ли,
С него, ты сам подумай, не тупя,
Корону из нагана не сшибали,
В отличие, к примеру, от тебя».

Да и вообще, мол, я тебя не ровня –
Он всячески на гордость напирал,
Мол, я чего? Всего лишь подполковник,
А ты-то – криминальный генерал!

Мундир тебе пошить, надеть папаху,
Кокарду к ней покрепче пристегнуть,
И можно посылать любого
А? как тебе? Медаль ещё на грудь

И орден с позолотой присобачить,
Чтоб было всем понятно, кто есть кто,
Чтоб ты министров строил, не иначе,
И был в себе уверен на все сто.

Кто главный, тот и прав. У нас в народе
Гвардейская востребована стать, –
При вдумчивом и творческом подходе
Ты даже депутатом мог бы стать,

А то и мэром! Воры – что, не люди?
И это не брехня, не анекдот!
Эх, знал бы Клещ, что ровно так и будет,
Лет пять там или шесть всего пройдёт...

Прости мне, мой читатель, я не буду
В подробностях рассказывать тебе
Про все перипетии и причуды,
Что я тогда увидел в их борьбе.

Немало есть у нас своих секретов,
Я при себе обычно их держу,
Особо раскрывать их смысла нету,
Но об одном я всё же расскажу.

Как говорил Витюха, наш философ,
Нам многое постигнуть не дано,
В учебниках методика допросов –
Она сплошное белое пятно.

Вот так. И с этим кризисом идейным
Не будешь, фигурально говоря,
Ньютоном, Менделеевым, Эйнштейном,
А будешь только мучиться зазря.

Наш Клещ – не хуже этих персонажей
В своём, конечно, деле. Он решил
Помочь курьеру с психикой, и даже
Прodelать трюк совместный предложил,

Мол, я тебе скажу вполне открыто:
Зачем нам лишний кипиш и раздрай?
«Давай поговорим про точки сбыта, –
Не хочешь нам сдавать их – не сдавай!

Я знаю, дорогой ты мой товарищ,
Чего ты скажешь, глядя на меня,
Что это всё красивые слова лишь,
Обычная пустая болтовня.

Но всё-таки в любимую игру я
Хочу с тобой по-честному сыграть,
И я тебя сейчас заинтригую,
Пока ты не наклюкался опять!

И ты смеяться будешь до упада,
Узнав нюансы плана моего.
Мы от тебя узнаем всё, что надо,
При этом ты не скажешь ничего.

У вас, по агентурным нашим данным,
Штук двадцать точек. Каждую пробить
При наших-то ресурсах – ну куда нам!
Да их и вряд ли столько может быть.

Одна там, две, от силы три-четыре,
А я тебе все двадцать назову,
И, чтоб нам время даром не транжирить,
Ты обозначь нам общую канву:

Мол, то да сё, мол, схему, карту, атлас
Со всех сторон показывайте мне,
Я не ходил ни разу в этот адрес,
Я от него держался в стороне!

Мол, я не знаю этих ваших точек –
Бросай, швыряй слова, как кирпичи!
А вот как только верный адресочек
Среди других услышишь, промолчи.

Ты подтвердишь свой статус партизана,
Что все секреты в тайне сохранил,
Вот только пыль, пожалуйста, в глаза нам
Уж не пускай, братишка, будь так мил!

Мы всё-таки ответственные люди.
Да, нам нужны вещдоки с ваших краж.
Вот в этом твой сигнал как раз и будет,
Что ты его никак нам не подашь!»

Казалось бы, тут логика кривая,
Что действие в бездействии живёт,
А я скажу вам, братцы: так бывает,
Когда выходит всё наоборот.

Цени, мой друг, несказанное слово,
Мозгами шевели по мере сил,
Ещё сам Тютчев – знаешь ты такого? –
Молчание в стихах превозносил!

(Не думай, что запутался слегка я,
Читатель мой, ведь ты со мной знаком,
Я совершенно тут не намекаю,
Что Тютчев был у нас под колпаком.)

Курьер пытался вникнуть в ход событий:
«Я рад, что вам такое по плечу,
А мой-то в чём навар, вы мне скажите,
А я чего за это получу?»

«А то, что будем глухи мы и немые, –
Ответил Клещ и вновь ему налил, –
Мы навсегда закроем эту тему,
Что ты стажёра чуть не завалил.

Но пусть тебя всё это не колышет.
Оно смешно, конечно, будет нам,
Когда стажёр наш в рапорте напишет,
Что ты свой нож на землю бросил сам.

Мы в главном посодействуем вопросе,
Чтоб ты не загремел по сто второй,
Ты финку-то свою почти что бросил
В стажёра-то! Забыл уже, герой?

На сто вторую, значит, тоже можешь
Пойти через пятнадцатую.⁴ Так?
В судах теперь намного стало строже,
Там зверствует отборный молодняк!

И, как бы ты там в корчах ни метался,
Они не любят долго заседать,

⁴ Ст. 15, 102 УК РСФСР того времени – покушение на убийство.

Тебе, чтоб под ногами не мешался,
Формально-то и вышку могут дать!»

Васёк, курьер, был явно озадачен.
Расстрельная статья – совсем не то,
Чего он ожидал. А как иначе,
Когда за вас не впишется никто?

«Мы впишемся, Васёк, мы так устроим,
Что ты не слишком много отсидишь
И выйдешь с чистой совестью, героем,
И снова, как на крыльях, полетишь!

Тебя там, может, даже коронуют,
И ты уже в законе будешь вор,
И мы с тобою снова напрямую
Наладим душевный разговор!»

У Васьки прыгал пульс, как дождь по крыше,
Он спать хотел: «А где у вас кровать?
Начальник, я вполне тебя услышал,
Позволь мне до утра помозговать!

Душа моя так хочет почему-то,
Мне поработать хочется башкой!»
«Ну что ж, работай – ровно полминуты.
Иначе нету сделки никакой, –

Так Клещ ему сказал, – а суд-то скоро.
Твой выход, парень. Помни лишь одно:
Там иногда клепают приговоры,
Что даже нам, ей-Богу, не смешно».

Курьер, осуществляя опохмелку
И усом шевеля, как таракан,
Обдумывал предложенную сделку
И, наконец, решился: «По рукам!»

Хоть новая эпоха приближалась,
Но старая была ещё жива.
Тогда на честном слове всё держалось.
Тогда мы отвечали за слова.

Нередко доходило до скандала,
Когда, всем нашим планам вопреки,
Высокое начальство нас кидало,
Мол, слово дали. Ну и дураки!

«У вас там в перегретой голове-то
Мозги отсохли! Помните, друзья:
Преступника считать за человека,
Хоть тресни пополам, никак нельзя!»

У них своя какая-то планета,
Мне даже пить с такими запахло,
Не жалуясь я, братцы, смысла нету,
Уж столько лет, тем более, прошло!

Вот говорят, вначале было слово,
А толку-то, скажите, от него? –
Какая в нём глубинная основа,
Когда оно не сто́ит ничего?

И, значит, всё, что дальше с нами было,
Уж вы меня простите, пацаны,
Вот так вот пролетело, просквозило,
Ни смысла не имея, ни цены?

Вопросы эти чёртовы, ребята,
Мне в голове носить не вмоготу,
Я их за наименьшем адресата
Вонзаю, слово вилы, в пустоту.

Слова сплетая в узел, как верёвки,
Свой тезис излагая ключевой,
Начальство говорило на издёвке:
«Какое слово, парень, ты чего?»

Подальше от подобного соблазна
Держись, коль ты на службе. Всё! Аминь!
И, если кинуть целесообразно
Противника, то ты его и кинь!

И хоть ты мент, Серёга, первоклассный,
Но ты в вопросах плаваешь простых.
Насчёт плохих парней мы скажем ясно,
Что с ними нету правил никаких!»

Эх, чёрт бы их побрал всех, ёлки-палки!
Мои мозги дают простой сигнал:
С таким подходом будем мы на свалке,
Куда Удав Ушастого загнал,

Где никакой не то чтобы движухи,
А просто жизни нету. Вот и всё.
Хоть умник ты, хоть дурень лопаухий,
Тебя уже ничто там не спасёт.

Будь ты хоть Ленин, Черчилль, Рузвельт, Сталин,
Мне всё равно, для всех один закон:
Кто слово своё держит, тот нормален,
А кто его не держит – мудозвон!

Вот так и повторяю я упрямо:
Где нет в словах ни правды, ни ума,
Там нету ничего, там только яма,
Там кости, котлован, могила, тьма.

И, если человек вам отвечает,
Что, если он ударил по рукам
И это ничего не означает,
Он сам, выходит, сплёл себе аркан!

И если он пойдёт такой дорогой,
То он дойдёт до ядерной зимы.
Потап и Клещ хотя бы, слава Богу,
Примерно так же мыслили, как мы.

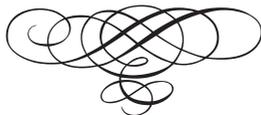
Короче, Клещ в углу стоял с блокнотом
И адреса зачитывал подряд.
Разыграно всё было как по нотам,
Мы получили нужный результат.

Курьер болтал, ругался поначалу,
Когда ж один из верных адресов
Озвучил Клещ, мгновенно замолчал он,
Как будто дверь закрыли на засов!

Какие-то невидимые пятна
Он от стены пытался отскрести.
Ну вот, нормально. Всё теперь понятно,
Куда нам завтра с обыском идти.

И ничего особенного, кроме
Подарка, что подкинула судьба –
Стрелок очнулся в «Склифе», вот так номер!
И два разбоя принял на себя.

Мы были, прямо вам скажу, удивлены, –
Стрелок, казалось нам, объелся белены.
Он не на хате был тогда, а рядом, возле, –
Стоял на шухере, и всё – он нам сказал.
Потап, полковник, сузил чёрные глаза
И хрустнул пальцами. Он что-то заподозрил.

Пятнадцатая глава

Стрелок, на судьбу не пеняя,
Приветлив вполне с нами был:
Ну да, мол, Ушастого знаю,
Фамилию только забыл.

Я с вами теперь в диалоге,
Уж если сижу на мели.
В лесочке тогда, у дороги,
Вы жизнь мою, братцы, спасли.

Эх, доля ты наша лихая,
Погоня была высший класс!
Тут сам Голливуд отдыхает!
Да как вы догнали-то нас?!

Я помню ваш гроб на колёсах,
Что с нашим на пару сгорел!
Вот так в КПЗ на допросах
Стрелок свою арию пел.

Он вёл непонятно какую
Особую тему свою:
«Я в ваших застенках кукую
Недаром. Я всё признаю».

Фактуру, которой навалом,
Я в памяти крепко держу.
Давайте я лучше, – сказал он,
На месте вам всё покажу!»

В «Узиках» наших скрипучих
Людей набралось невпротык –
Стажёр, участковый для кучи,
Три опера, два понятых,

И я туда тоже поехал,
И Витька, чтоб рядышком быть,
Да чтобы ещё и прореху –
Подъезд проходной перекрыть.

Наш полк далеко не потешный.
Погнали, ребята, айда!
Формальное дело, конечно,
Но нам без него никуда.

Делов-то всего на минуту,
Однако закон есть закон!
И только Потап почему-то
Заранее был напряжён.

Приехали. Дворик. Беседка.
Песочница. Старый фонтан.
Турник. Волейбольная сетка.
Качели... Чего ещё там?

...На лавочках сидя, бабульки
Считают ворон в небесах.
Рабочий в строительной люльке
Висит на железных тросах.

Страховочный пояс, спецовка
И новая каска на нём,
И даже видна поллитровка
В кармане его боковом.

И всем оказалось по нраву
И завидно даже слегка,
Что вид исключительно бравый
У этого был паренька.

Монтажник, маляр — да хоть кто он,
Любой был бы рад за него,
Ну, кроме Потапа, с которым
Творилось незнамо чего.

«Балбес этот, — несколько нервно,
Сказал он два раза подряд, —
Такой же строитель примерно,
Как я цирковой акробат!»

И взглядом в него одичалым
До ужаса, мама моя,
Он впился. Вот так своим жалом
Впивается в жертву змея.

Признаюсь, мы даже струхнули, —
Он знатный у нас дровосек, —
И только рукою махнули:
Бывает, устал человек!

Размахивать шашкой — рутина,
Он скор на такие дела.
Другая, однако, картина
На время его отвлекла.

Такой же, как наш, «Жигулёнок»,
Как старый баркас на мели,
Как серый бездомный волчонок,
Стоял сиротливо вдали.

«Не то здесь чего-то, я вижу, –
Потап паранойю свою
Включил, – а пойду-ка поближе
Я где-нибудь там постою!»

И шагом неспешным, тяжёлым –
Ну чистый на вид волкодав! –
Туда-то как раз и пошёл он,
Чего-то под нос пробурчав.

Он в дверцу переднюю ткнулся,
И крепкий седой мужичок,
Что был за рулём, встрепенулся
И тут же полез в «бардачок».

И быстро и зло у Потапа
Сверкнули глаза, как ножи:
«Эй, парень, куда тебе драпать?
Ладони на руль положи!»

А вздумаешь если брыкаться, –
Потап был спокоен, как лось, –
То я тебе вместо нотаций
Башку продырявлю насквозь».

И вдаль тяжело и угрюмо
Смотрел сквозь стекло этот хмырь.
Он взят был без лишнего шума.
Мы даже какой-то пузырь

Потом в магазине купили
И вместо компота в обед
Совместно его и распили
Во славу грядущих побед.

А в ходе короткой развязки
Сперва мы скрутили их всех –
И этого клоуна в каске,
И всех остальных без помех –

Там план был красивый и дерзкий,
Там чудом каким-то стрелок
Из камеры группу поддержки
Нашёл и во двор приволок.

И тот, что сидел в «Жигулёнке»,
И те, что под видом ханыг
Сидели с бутылкой в сторонке,
И тот, кому пулей парик

Стажёр из нагана готов был
Сорвать ради хохмы с башки,
Что мимо как будто бы топал
За водкой в продмаг напрямки, –

Они были тоже были готовы
Серьёзный устроить замес
По звонкому громкому слову,
По первой отмашке с небес.

Там каждый их них в этой группе
Что делать, заранее знал,
Как только из люльки поступит
Тот самый заветный сигнал.

«Ложись!» – нам готовился крикнуть
Стрелок, чтобы с толку нас сбить,
А после в машину запрыгнуть
И прочь навсегда укатить.

Да-да, «Жигулёнок» в сторонке
С невзрачным на вид мужичком
К отчаянной бешеной гонке
Готов был. Не вышло. Облом.

Как будто башкой в барабан ты
Стучишь. Точно так же у нас
Звенела башка. Мы полбанды
Стремглав повязали, на «раз»!

Мы все их великие планы
Сумели пустить под откос.
Пора их уже под охраной
Везти в КПЗ на допрос.

Никто нам на свете не страшен,
Потап – это сила, стена.
Слабо было недругам нашим
Отбить своего дружбана.

Всё было исполнено чисто.
Проиграна партия их!
Стратеги, умы, шахматисты –
В гробу мы видали таких!

Недаром Потап – наш учитель,
Он весь им порушил расклад,
Мол, вот вам, менты, получите!
Мол, шах вам, в натуре, и мат!

И этот, что в каске, в спецовке
Сигналы своим подавал,
От страха поллитру «Перцовки»
В итоге и ту потерял.

От наших ответных ударов
Мозги у него враскосяк.
«Скажите-ка, Фишер! Каспаров!» –
Ребята над ним так и смяк

Смеялись, а я, между прочим,
На месте бы гада убил,
Поскольку и сам я рабочим
Недолго, но всё-таки был.

Мне даже почётное знамя
Комсорг за успехи вручал.
Итак, первый раунд за нами.
«Посмотрим, – Удав проворчал, –

Как вы наконец запоёте,
Завоете все всемером».
Они были в полном пролёте.
И транспорт подъехал, и в нём

Их свора едва уместилась,
Им страх теребил потроха.
А жизнь, что вокруг шевелилась,
Не так уж была и плоха.

Хорошее, доброе что-то
В душе шевельнулось у нас.
Фонтан, хоть сто лет не работал,
Но всё-таки радовал глаз,

Русалка активно и рьяно,
Красива, стройна, молода,
Смотрела нам вслед из фонтана:
«Куда вы, ребята, куда?»

И Солнце недремлющим оком
Нам сверху светило вдогон,
И бабушки в небе высоком
Всё так же считали ворон.

И листья легонько шуршали,
И день был прозрачен и чист.
Ну что? Мы стрелка обыграли.
Какой он, к чертям, шахматист!

А в люльке – так тот ещё хуже,
Там просто вообще дело швах:
«Перцовка», что грохнулась в лужу,
Разбилась на наших глазах!

Чего меня, братцы, задело?
Полно, сколько хошь, нету слов,
Когда они ходят на дело,
И раций у них, и стволов!

Мы много там всяческих штучек
Изъяли у них про запас.
Их техника явно покруче
В то время была, чем у нас.

Там полный порядок с руками,
Чего их зазря материть?
Они эти рации сами
Сумели себе смастерить.

И тот, что вверху своё соло
В строительной люльке свистел,
Он тоже был с рацией, сволочь,
А значит, уверен и смел –

Уверен, что все под контролем,
Что есть отходные пути,
И чётко расписаны роли,
Как будут они нас пасти,

Шаги наши все распрекрасно
Отслеживать, каждый этап!
И всё у них шло как по маслу,
Пока не вмешался Потап.

Он нобелевским лауреатом
Легко бы, наверное, стал –
Как сыщик и мент, но куда там?
Никто ему шансов не дал.

Они там понять не умеют,
Что мент, он в основе своей
Ботаников многих умнее
И прочих учёных людей.

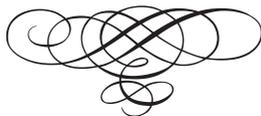
Хоть кворумы ихние где-то
Какие-то списки ведут,
Ментов будто вовсе и нету.
Ментам ничего не дают.

Я это однажды исправлю,
Попробуй меня приструни,
Ведь это какая-то травля,
Что в полном пролёте они!

Вопрос представляется острым,
Я в виде ответа готов
Почётный какой-нибудь Оскар,
Гран-при учредить для ментов.

И тут для меня не критично
Отсутствие средств на кону,
Я в качестве спонсоров лично
Серьёзных ребят подтяну.

Ну вот, опять я съехал с темы, вбок свернул,
Чтоб ты, читатель, не погряз, не утонул
В пучине терминов моих замысловатых,
Тут целый ребус – так вот запросто, с листа
Понять специфику советского мента
И время то – вторую треть восьмидесятых.

Шестнадцатая глава

Читатель, знай: задача непростая
Красивые придумывать слова,
Заранее тебя предупреждаю,
Что это будет длинная глава.

В ней будет страсть высокого накала,
И дружба с элементами любви,
И героизма всякого немало,
Ты на меня особо не дави,

Что можно бы и как-то покороче
К финалу продвигаться напрямик,
А я и продвигаюсь, между прочим,
И даже кой-чего уже достиг.

Но по порядку. Скупщики-то эти,
Которых с перепоею сдал курьер,
У нас вообще-то были на примете,
Мы даже их пасли на свой манер,

Но так, легко; мол, кто такой посредник?
Мы с бандой не связали их, а зря,
Они звеном там были не последним,
По правде между нами говоря.

Потап смекнул: «А там у них, должно быть,
Ворованного столько баракла,
Что можно бы и сразу взять под ноготь
Малину их, раз масть уже пошла!»

И голос его грохнул, словно обух:
«Накроем всех! Пора идти враскрут!
У прокурора санкцию на обыск
Нам без вопросов завтра же дадут!

Считай, складская база, пункт раздачи
Похищенного ценного добра
У них на этой хате, не иначе,
От бронзы до икон и серебра!»

Да-да, он про иконы на допросе,
Курьер, пока был пьян, чего-то плёл,
Сперва, как куст политый, плодоносил,
Потом в отказ, как водится, пошёл.

А поливал он сам себя не слабо,
Мозги свои из мрака выводя.
И Клещ не сразу понял все масштабы
Своих затрат. Ведь водка не вода.

Читатель, я хочу определиться
Насчёт одной из самых острых тем:
«Столичная», я помню, за пять тридцать
В один момент исчезла насовсем.

Мы все рыдали в голос, словно дети,
Шесть двадцать – вот такой была цена!
Но всё равно, я этому свидетель,
«Пшеничную» лакала вся страна!

У инженеров «сто» была зарплата
И даже иногда «сто пятьдесят».
У нас побольше. Мы не виноваты.
Да тут вообще никто не виноват.

Не надо нам, ментам, смотреть в карман-то,
Но я скажу всю правду, так и быть,
Что на свою зарплату лейтенанта
Я тридцать пять бутылок мог купить.

Ну, это я вам так, для интереса,
Для тех сказал, кого терзает стресс,
Что у России нашей нет прогресса,
А я считаю, есть у ней прогресс.

Динамика хорошая, ей-Богу,
Я пальцами по дереву стучу,
И, осознав былую безнадёгу,
Я в СССР обратно не хочу.

Таков мой отклик, знай его, читатель,
На некий ностальгический галдёж –
Числитель раздели на знаменатель,
(Шесть двадцать он), и ты меня поймёшь.

Числитель же – та самая зарплата,
Что нам давали, фантики, труха,
Чтобы у нас, скажу я непредвзято,
От голода не слиплись потроха.

Но скоро в мире каждый третий житель,
Кого уже ничем не излечить,
Едва ли знаменатель и числитель
Сумеет друг от друга отличить.

А я спокойно с цифрами играюсь,
Могу заполнить ими целый лист,
В числителях немного разбираюсь.
А, значит, кто я есть? Экономист!

Возьми сейчас вот стоимость бутылки,
Да и умножь её на тридцать пять!
И то, что выйдет, вряд ли без ухмылки
Своей зарплатой будешь ты считать.

Пожалуй, в этом деле я новатор,
Уж если вывел формулу свою:
«Пшеничная» – отличная индикатор!
Вот только жаль, что я её не пью.

Так вот, Клещу почти что трое суток
Из своего кармана довелось
Кормить-поить курьера. Было круто.
Он всё лакал, не глядя, «на авось».

Ему ломило грудь, сводило скулы.
Финчасть, вопрос по-своему закрыв,
Клещу пятёрку с боем отстегнула,
Блюдя какой-то скрытый норматив.

Он от жены огрёб за всё за это,
Он получил по полной от неё,
Что деньги из семейного бюджета
Потратил на какое-то ворьё!

Ну а Потап считал, что срочно нужен
Удар по точкам сбыта – рейд, разгром:
«Мы сплошняком, подряд их проутюжим!» –
Он бил об стол пудовым кулаком.

И Клещ, начальник нашего отдела,
Ему тогда сказал: «Потап, отзынь!
Ну что ты всё бежишь, как угорелый,
Мозгами хоть немного пораскинь!

Непрочно как-то, хило всё и хрупко
В конструкции такой, как ни крути,
Я предлагаю пробную закупку
Сперва у них негласно провести.

А после уже сразу всех накроём,
Без нас потом решат, как с ними быть,
Куда по приговору дружным строем
Отправить под конвоем лес валить.

Чтоб отследить в итоге всю цепочку,
Чего там есть, не худо б разузнать,
И нашего сотрудника на точку
Под видом покупателя послать.

Опасно, да, но время нас рассудит.
Тут нужен опер умный и лихой.
Нормальный доброволец если будет,
То вроде шанс маячит неплохой!

Придётся же, однако, всяко-разно
Вертеться перед ними и вилять,
Но есть один вопрос отнюдь не праздный:
Кого отправить дурочку валять?

Кому её исполнить, эту сказку,
Что вот, мол, типа, крупный оптовик
Затариться приехал под завязку,
Живой контакт наладить напрямик?

Хоть мы тут далеко не полководцы,
Но мы должны одно усвоить впредь:
Мы не имеем права проколоться,
Там можно и на пулю налететь!

Не верю, – Клещ сказал – случайным людям,
Которым застит разум звон монет,
Внештатников рассматривать не будем,
За бабки перекрасятся в момент!

Легенду про барыгу с крупным налом
Мы втюхать очень грамотно должны,
И чтоб они по собственным каналам
Узнали про него со стороны!»

Да, главный козырь – нужная легенда,
Тут спора никакого даже нет,
Работа внутрикамерных агентов –
Фундамент наших будущих побед.

А дальше целый месяц по крупицам
Легенда создавалась. Дело шло.
Но надо уже было торопиться –
Разбои продолжались, как назло.

И грабежи, и кражи – всё как раньше,
Казалось, враг все раны зализал
И вновь мечтает, сволочь, о реванше
И снова свои зубы показал!

Вот тут нам, хоть он гордый и спесивый,
Центральный аппарат сумел помочь,
Спокойно, методично, без надрыва
Он пряжу свою плёл и день и ночь.

Петровка поработала на славу,
Что даже из Матросской Тишины
На волю от воров пошла малява:
«Нормальный. Наш. Расслабьтесь, пацаны!»

Ушастый по своим каналам лично
Успел проверить, как оно чего,
Пробил, что мог, и, в принципе, логичной
Картина получилась у него,

Что, мол, на горизонте свет забрезжил,
Какой давно уже им не светил,
Что есть, мол, человек один заезжий,
На пару дней в столицу прикатил.

Тут кто к кому протаптывать дорогу
И шаркать ножкой должен наперёд,
Ещё вопрос. Он всё-таки помногу
И золото, и камешки берёт!

Куда он их потом, кому сбывает –
Вопрос уже, как водится, не наш,
Он, кстати, даже цены не сбывает,
Нормальный, стойкий, правильный торгаш!

У нас же были тонкие расчёты,
Мы перебрали всех до одного,
Нам надо было нашего кого-то
Отправить на разведку. Но кого?

Витюха рвался в бой: «Меня пошлите!
Я разберусь во всём на раз-два-три!»,
Но мудрый Клещ, отец наш и учитель,
Ему сказал: «Отставить! Не дури!

Ты умный, ты мозгов своих не пропил,
Но наломать способен много дров,
Ты следовательно всё же, а не опер,
Хоть и покруче многих оперов».

Они с Потапом кастинг учинили,
Просеяли пятнадцать человек.
Всё без толку. Мелькнули, проскочили,
Сквозь пальцы утекли, как талый снег.

Никто и близко не соображает,
Как надо роль фарцовщика играть,
Когда, как волчья стая, окружает
Тебя чужая вражеская рать.

Они три дня судили и рядили,
Кого из добровольцев бросить в бой,
Но ничего в итоге не родили,
Чего-то как-то туго с головой.

Потом – финальный раунд. Утром рано
Они засели вновь на шесть часов.
Они в итоге выбрали Толяна.
Дела не ждут. Пора, в конце концов.

При некотором общем пофигизме
Он умудрился фруктом стать таким,
Что из любой воды по ходу жизни
Выходит относительно сухим.

Он раньше был простым нормальным малым,
Он в областном трудился УВД
У чёрта на куличках, за Байкалом,
В каком-то там своем Улан-Удэ.

Ему всегда девчата были рады,
Вокруг него (он к этому привык)
Невест ходили целые армады:
Курлы-бурлы, красавчик, чик-чирик!

Мы вот они! И к ним, прибавив ходу,
Он щупальца тянул, как осьминог.
...Когда ты в эпицентре хоровода,
Земля порой уходит из-под ног!

Случайно так как будто, ненароком,
Но всё-таки ему же самому
Его любвеобильность вышла боком.
Сейчас я объясню вам, почему.

Я вам скажу, ребята, даже больше:
Он всех, кто рядом был, вгоняя в транс,
Не с кем-нибудь, с районной прокуроршей
Вступил в nepозволительный альянс.

Конечно, погорел, а как иначе?
Он, как ни шифровался, всё же был
С поличным пойман у неё на даче,
Как раз когда к ней в спальню заходил.

Её супруг был бледен, как покойник,
Когда потом все фотки увидал, –
На генеральской должности полковник,
Он даже пить на время перестал.

Отец Толяна был в особой роли,
В номенклатуре местной состоял,
Он комитет партийного контроля
Бессрочно и бессменно возглавлял.

Но всё равно Толяну намекнули:
В столицу, в славный порт пяти морей,
В чём есть, пока тебя не тормознули,
Вали-ка ты отсюда поскорей!

Ведь ты ж туда при помощи папаши
Хотел на повышение идти,
Кто в министерстве, в главке честно пашет,
Тому открыты в жизни все пути.

А здесь ты с неожиданным авралом
Столкнуться можешь, с множеством хлопот.
Когда полковник станет генералом,
Тогда тебя ничто уж не спасёт!

Он с якоря, конечно же, сорвался.
Вокзал. Звонок. Последнее «прости!».
Он даже с нею не поцеловался,
Тут лишь бы только ноги унести!

Какой там главк, какая там Петровка!
Он был, в известном смысле, обречён, –
Как в лагерь трудовой, на перековку
Отправлен был на «землю» к нам в район.

Карьерный взлёт, увы, не состоялся,
Туман какой-то мутный впереди.
Толян обычным опером остался.
Вот так. А ты по бабам не ходи,

Не проработав тактику отхода,
Ещё и конспирацию забыв.
...Толян довольно быстро, за полгода
Вписался в наш рабочий коллектив.

Он не успел в столице примелькаться,
Он тут всего-то с нами пару лет,
Но по всему набору ситуаций
К нему вопросов не было и нет.

Он в лютый зной и в злую холодрыгу,
И днём, и ночью грудью на стволы,
Как бешеный, летел, бросался, прыгал
В любые щели, дыры и углы.

Он прикрывал своих, он знал, что делать,
Когда реально было горячо,
И нам, с кем он судьбу делил и делит,
Он подставлял сто раз своё плечо.

Да и в мозгу достаточно извилин.
Два года – как армейский карантин.
Ну подлинней. Он был у нас двужилен.
Нормальный, в общем, опер, не кретин.

И вот теперь он всяческие книги
Про артистизм обязан был читать,
Чтоб роль довольно крупного барыги
Свободно и естественно сыграть.

Он землю грыз, но дело шло не быстро,
И под руки, чтоб только не упал,
Заслуженного старого артиста
К нему привёл Потап, наш аксакал.

А тот вокруг поглядывал недобро
И на Толяна цыкал и шипел:
«Поймай его за шкирку, этот образ,
Иначе будет жалок твой удел!

Иначе в пять секунд тебя расколят,
Как только ты там скажешь пару слов,
А после прикопают в чистом поле,
И всё, мой друг любезный, будь здоров!

Да, ты не первый, с кем я занимаюсь.
Пока передо мною чистый лист,
И всякое бывало, я признаюсь,
Уж ты прости!» – сказал ему артист.

Он полон был то жалостью, то злостью,
Что у ментов хреново всё с башкой,
И даже в грудь Толяну тыкал тростью:
«Забудь уже! Не мент ты никакой!

Ты спекулянт, фарца, столичный фраер,
Ты беспринципен, жаден и хитёр,
И сам же удивлён, с судьбой играя,
Что на свободе ходишь до сих пор!

Ты мать продашь родную! – он долдонил, –
Бездельник! Гад! Барыга! Паразит!»
И как бы это всё одним флаконе
Толян обязан был изобразить.

Артист кричал, как резаный: «Не верю!
Вот если б Станиславский вдруг ожил
И к нам сюда вошёл, сквозь эти двери,
Он точно бы тебя сейчас прибил!»

Вот так его терзали две недели,
И, как ни странно, корм пошёл в коня,
Когда ему из шёлка шарф надели,
Он не узнал ни Витьку, ни меня,

Мол, что за шелупонь тут под ногами
Мотается в дешёвых пиджачках!
Он в образе уже был, а не с нами,
Витал себе в каких-то облаках.

И, хоть начальство чётко понимало,
Что наш Толян на правильном пути,
Артист им объявил, что это мало,
Что надо лоск последний навести.

Весёлое, я помню, было лето,
Толян с унылой мордой набекрень
Уроки брать в театре Моссовета
На Маяковку ездил каждый день.

Про морду набекрень понять несложно,
Наш друг уже реально охренел.
Пора идти на дело. Сколько можно?
Как ни крути, он многое умел!

На подставного ряженого лоха
Уже совсем и не был он похож,
Его там наблатыкали неплохо,
Он был по-настоящему хорош.

Там увильнуть никто и не пытался, –
Тот самый бесноватый генерал
За нас, где надо, полностью вписался
И эти курсы организовал.

И со словами: «Клювом там не щёлкай!
А, если что, Господь тебя спаси!»
Толяна напоследок втихомолку
Гримировали лучшие спецы.

Ну вот и час настал. Пора на дело.
Высотка. Холл в подъезде. Чистый пол.
И три звонка условных прозвенело,
Когда он кнопку нужную нашёл.

Толян в душе романтик, тихий лирик,
Но в нём торгош проснулся, верь, не верь,
Когда ему со скрипом отворили
Ничем не примечательную дверь.

И он вошёл, вальяжно этак глянул, –
«Ну что, привет серьёзным господам!» –
Кивнула ободряюще Толяну
Довольно симпатичная мадам.

Через карман запас казённых денег
Толян сердечной мышцей ощущал,
И на плите серебряный кофейник
Котёнком перепуганным урчал.

И рядом с поллитровкой «Имбирной»,
В единую сливаясь полосу,
Стаканы на столе по стойке «смирно»
Стояли, как солдаты на плацу.

«Коньяк? Лимон? Конфеты?» «Да, пожалуй!» –
Толян простой и верный выбрал путь,
Он рывкнул так, что люстра задрожала:
«Устал с дороги! Можно и махнуть!»

А после подбоченился и даже
Сощурил левый глаз, как при стрельбе,
Сообразуясь с пунктом инструктажа,
Что надо быть уверенным в себе.

«Ух ты, какой вы прямо энергичный! –
Мадам сказала, – можно наливать?»
«Ну да. По сто. И мне и вам – «Пшеничной»,
Но только чтобы, чур, не сачковать!»

Поскольку сам он чёткий и конкретный,
Но к жёсткой пьянке всё же не привык,
Толян себе засунул незаметно
Волшебную таблетку под язык.

Попав в чужое царство-королевство,
Готовым будь к невидимой борьбе.
Ему таблетку эту в виде шефства
В районном нашем дали КГБ.

Там были в курсе нашей разработки
И даже ценный дали нам совет
По этой знойной ветреной красоте,
Что тормозов там не было и нет.

Уж если глаз когда она положит
На мужика, то всё – мужик пропал!
Вот здесь как раз таблетка и поможет
Нагрев души понизить и накал –

Чтоб в них не утонуть, как в майском ливне,
Когда тебе пришла уже хана –
Чем человек пьяней, тем он активней!
Поэтому таблетка и нужна.

Госбезопасность к этой красотуле
Давно уж проявила интерес,
Когда у нас в районе грабанули
Сотрудника ЦК КПСС.

И генерал-полковник в кабинете
Его кошмарил целых три часа,
Он там давно у них был на примете
За всякие по жизни чудеса.

«Ты нам собственноручно в протоколах
Подробно шаг за шагом опиши
Про эти камни – где ты приобрёл их
И на какие, собственно, шиши?»

Его, как чужеродного агента,
В «Лефортово» держали до суда,
Его потом с какого-то момента
Никто уже не видел никогда.

Списали подчистую, словно мебель,
Которую зловещий жук сожрал,
При этом он агентом даже не был,
А просто не по чину воровал.

Да, есть о чём задуматься, ребята:
Какой бы ни манил нас пьедестал,
Но наступает точка невозврата,
Когда ты сил своих не рассчитал.

Вот так, друзья, красивый ценный камень –
Не очень-то и лёгкая стезя.
Красотка наша – девушка с корнями,
Её недооценивать нельзя.

Партийный блок окучив для начала,
Она нашла призвание своё,
Она им бриллианты поставляла,
Весь сбыт происходил через неё.

Я для того отвлёкся, мой читатель,
Чтоб ты предельно чётко понимал,
Что у районной местной нашей знати
Она была бесспорный идеал,

Она всю правду резала в глаза им,
Как неподкупный честный консультант,
А то, бывает, как мы полагаем? –
Чего сверкает – то и бриллиант!

Но это же неверно. Есть нюансы.
Красотка очень чётко знала их
И классно исполняла реверансы
Для всех – и для своих, и для чужих.

Ну, а на кухне было всё по плану:
Глаза ласкала всяческая снедь –
Икра, соленья, шпроты. И Толяну
Таблетка помогала не пьянеть.

«А как вас звать?» «А звать меня Дианой!»
«Такое имя многим невдомёк,
На нём налёт какой-то иностранный,
В нём, как хрусталь, звенит высокий слог!»

«Ну, это, типа, вроде ореола,
Что в Лондоне ровесница моя,
Наследница английского престола,
Такая же красивая, как я!»

«Да нет, вы лучше, ей на эту планку
Уместно только издали смотреть!» –
Толян завёл привычную шарманку,
Мудрёную раскидывая сеть.

«Не то чтобы «ля-ля» там, трали-вали,
Нет, никакие это не понты!
Вот в честь тебя её-то и назвали,
Позволь мне перейти уже на ты!»

Да, сколько за порядком ни следи мы,
Пошли козла с разбегу в огород,
Он там всех коз без спросу до единой
Возьмёт, как говорится, в оборот.

Но человек пришёл на эту землю,
Чтобы не быть, как минимум, козлом,
И чувство долга, значит, всё же дремлет
И в тех, кто рядом с ним, и нём самом.

Ну, так должно быть. Вот и у Толяна
В сознании прорыв произошёл,
Он вынырнул как будто из тумана
И пачку денег выложил на стол:

«Пора бы и о деле, между прочим,
Немножечко уже поговорить.
Где камни-то? Не так, чтоб очень-очень,
Но надо бы слегка и поспешить.

А то я с классной с выпивкой такою
Не нужен буду скоро никому,
И буду тут сидеть свинья свиньёю,
И при расчёте мало что пойму.

Да и вообще, скажу я, против правил,
Чтоб бизнесмен, нажравшись, банковал!» –
Ну, это наш Толян слегка лукавил,
Таблетку-то никто не отменял.

И всё же он поплыл, но что-то понял,
И даже рюмка дрогнула в руке,
Когда звонок внезапно затрезвонил,
И скрип ключа послышался в замке.

И бах! Открылась дверь, почти слетела
С крючков, с петель там, хрен его поймёт!
Дианка засмеялась: «Мой Отелло!
Привет тебе! Явился, обормот!

Отелло! Да! звучит-то как красиво!
Не просто там какая-то фигня!
Мы шутим так, поскольку он ревнивый
И караулит всячески меня!»

И этот чёрт вокруг глазами зыркал,
Толяна увидал, потрянул башкой,
Вплотную подошёл к нему, впритирку:
«А это, извиняюсь, кто такой?»

И сразу же к Диане, это как, мол?
Ведь я тебе всем сердцем доверял,
И покраснел, как рак, и сел, и крикнул,
Налив себе шампанского в бокал.

Война войной, а выпить тоже надо
И песню спеть, когда душа поёт!
Ну, например, «Живёт моя отрада...»,
Понять бы ещё, с кем она живёт!

«Я на тебя, Диана, намекаю!» –
Отелло цапнул курицы кусок
И процедил: «Надеюсь, дорогая,
Что ты воспринимаешь мой намёк!»

Он на глазах всё больше распалялся
И кровью наливался, как комар.
Толян немного даже испугался,
«Иди, – сказал, – немного покемарь!»

К Толяну у него вопросов нету,
Кобель, мол, он и в Африке кобель!
«А вот тебя, красавица, к ответу
Я привлеку за эту карусель,

Что ты здесь нелегально закрутила
А, значит, всё святое предала,
Вот это вот и есть атака с тыла,
Коварный твой удар из-за угла!»

В нём явное желание созрело,
Мол, если я таким желаю быть
Решительным и резким, как Отелло,
Я должен эту суку давить!

Казалось, он дошёл до Рубикона,
Но, прежде чем последний сделать шаг,
Хотел спросить: «Послушай, Дездемона,
Ты на ночь помолилась или как?»

Хотел, да и спросил, причём не в шутку,
В аффекте бултыхаясь, как в дыму,
Как будто на какую-то минутку
Мозги перекорёжило ему.

Толян уже не мог такого слушать:
«Остынь, братишка, хватит, сдай назад!
Ещё неясно, кто кого задушит,
Тут шансов пятьдесят на пятьдесят!

И ты свою Дианку-то не трогай,
Смотри, она реально здорова,
Травмоопасно может быть, ей-богу,
С такими, как она, качать права!

Хотя и ты, я вижу, крупный боров!»
Дианка со словами: «Ну-ка, брысь!»
Привычно осадила ухажёра:
«Снимай пальто и рядышком садись!

Ну что вот ты опять меня страшась,
При том, что никакой ты мне не муж,
А только всё жениться обещаешь,
Ну вот и хватит дурь нести и чушь!

Ты видишь, человек пришёл по делу,
Не пень с бугра, а крупный оптовик!
Ему-то что с того, что ты Отелло,
Что у тебя по фазе полный сдвиг?

Он раз и навсегда вопрос закроет,
Таких спецов в стране наперечёт,
Он быстро наши камешки пристроит,
Он в этой теме шарит и сечёт!

Я знаю, у него прицел далёкий!
А что он чай со мною выпивал,
По поводу интимной подоплёки
Напрасно ты меня подозревал!»

«А, оптовик, тогда другое дело.
Я так тебе скажу: такой расклад
Не то, чтобы совсем меняет дело,
А мой на это дело общий взгляд.

Но всё же знай, – он зыркнул острым глазом, –
В каком бы ни погряз бы я хмелю,
Но я тебя, хитрющую заразу,
Когда-нибудь однажды подловлю!»

Большой знаток подобных ситуаций,
Толян решил судьбу свою не злить,
Он понял, что пора уже вмешаться,
Чтоб миссию свою не провалить.

«А ну-ка, расскажи мне, друг Отелло,
Ревнивец, псих, да кем бы ты ни был,
А вот ликёр, к примеру, «Лимончелло»
Ты за столом хоть раз употребил?

Бутылка чтоб барахталась в ведёрке,
Чтоб ей там лёд прохладу создавал,
А то мы всё лакаем «три семёрки»,
Напиток сильный, рубит наповал!

Бери и пробуй этот «Лимончелло»!
Традиция такая у меня –
Его всегда с собою брать на дело,
Что, типа, я мужик, не размазня!

Как выпьешь благородного напитка,
Так сразу перспектив невпроворот,
И даже факт возможного убытка
Тебя не так уж сильно и гнетёт!

И, чтобы ты особо не бесился,
Обдумай этот факт со всех сторон!»
Отелло, он же Жорик, согласился:
«Пожалуй, в этом деле есть резон!»

Они на кухне клюкнули вначале,
А после на балконе у окна
На фоне звёзд напитки выпивали,
Они их все и выпили до дна.

Дианка восторгуясь с новой силой,
Её восторг уже переполнял,
Проспект внизу прямой был и красивый,
Как Беломор какой-нибудь канал.

(Отец Клеща там, кстати, среди прочих
Служил на совесть, честно, будь здоров!
Наверное, строителей, рабочих
От зверя охранял, от комаров).

«Я петь люблю!» «Так пой!» Легко и смело
«Калинку» отчебучив от души,
Дианка вдаль глядела и глядела:
Эх, как просторы наши хороши!

Там за Москвой – Рязань, Калуга, Тула,
Там ухажёров целый гарнизон!
Её туда так прямо и тянуло,
В просторы эти, вдаль, за горизонт.

Дианка свои руки, словно крылья,
Раскинула, браслетами звеня:
«Я не хочу быть ветошью и пылью,
Ребята, посмотрите на меня!

В своих мечтах, не ведая предела,
Сразив родных и близких наповал,
Вот так бы вот как птица я летела,
Никто б меня вовеки не догнал!»

Толян вздохнул тревожно и устало:
«Не будет от меня тебе похвал!
Одна уже в мечтах так полетала,
Её Островский в драме описал.

Я на его героев самолично
В театре пялил круглые глаза,
Там тоже был мужик проблематичный,
И там в итоге грянула гроза!»

Всё выпито. Остался чай с крапивой
Да из-под крана тёплая вода.
Диана вышла с инициативой:
«А как насчёт добавки, господа?»

Я знаю, что, ведя переговоры,
Совсем не ради красного словца
Друг к другу обращаются партнёры
С вопросом: «Не послать ли нам гонца?»

Добавка, чтобы дело шло быстрее,
Ещё не повредила никому.
Чеши-ка ты давай скорей за нею!» –
Она сказала другу своему.

Вообще оно придумано неплохо,
Хозяйка дома – хитрая лиса.
Напомню: в горбачёвскую эпоху
Стояли за спиртным по три часа.

Там было что-то вроде демонстраций,
В очередях костры, бывало, жгли,
Ведь надо людям как-то согреться,
Пока они до цели не дошли!

И в тех кострах, что ярко полыхали,
Сгорала без возврата наша жизнь.
Да ладно жизнь! Со всеми потрохами
Святая наша вера в коммунизм

Накрылась медным тазом. Что тут скажешь?
Пожалуй, тут не скажешь ничего.
И как ни стой ты с ружьями на страже,
Никак ты не спасёшь уже его.

«Ну, всё, иду, – Отелло, он же Жорик,
Залился смехом звонким, молодым:
Пусть жизнь у нас трудна, и хлеб наш горек,
А мы его «Пшеничной» подсластим!»

И, хоть он поубавил спесь и гонор,
Сказал, прихлопнув муху на носу:
«Веди себя прилично, Дездемона,
Иначе я башку тебе снесу!»

«Иди-иди давай, вояка хренов!
Люблю и жду! – она к его груди
Припала: уважаю суперменов!
Пустым смотри назад не приходи!»

Потом в упор взглянула на Толяна,
Что в уголке сидел, разинув рот:
«Я правда красивей, чем та Диана,
Что вместе с принцем в Лондоне живёт?»

«Да, раз примерно в двадцать, подтверждаю,
А то и вовсе раза в двадцать два!
Башка гудит, как гляну на тебя я,
И в глотке застревают все слова!

Ты доведёшь любого до экстаза,
Таких нас в мире целый легион.
Пусти тебя в загранку, ты бы сразу
Туманный покорила Альбион

И выступала б только в главной роли,
Уж если объективно рассудить,
И в качестве посланца доброй воли
На подиум могла бы выходить!

Там тощие некормленные бабы,
Чуть дунешь – сразу в небо улетят,
И ты у них там запросто могла бы
Выигрывать все премии подряд!»

Она сказала: «То-то и оно-то!
У нас с тобой синхронный стук сердец!
Что птица я высокого полёта,
Хоть кто-то догадался наконец!»

Вот так, друзья. В нормальных мыслях все мы,
Пока любовь нам крышу не снесла! –
Уже на политические темы
Дианка целый диспут начала.

Любить, мол, перспективней и полезней,
Заместо чтоб оружием бряцать,
А то, что мир завис над самой бездной,
То это даже глупо отрицать!

И, стало быть, неважно на планете
Идут у человечества дела,
А вот любовь главней всего на свете,
Я это лишь недавно поняла!

Как будто бы с годами всё сильнее
Горит такой очаг в моём мозгу,
И с этою спецификой своею
Я ничего поделат не могу!

В моей душе, шальной и сумасбродной,
Стремления и помыслы чисты,
Иди сюда, мой рыцарь благородный,
На всей земле нас двое – я и ты!

Без лишних слов, не ведая сомнений,
Издав гортанный возглас боевой,
Она к нему присела на колени
И в подбородок чмокнула его.

И, к стулу неожиданно прижатый,
Он на неё смотрел, едва дыша,
Она была немного крупновата,
Но всё-таки собою хороша.

Сто восемьдесят – рост, не так уж мало,
И вес под девяносто килограмм.
«Вот этого мне только не хватало», –
Толян глазами шарил по углам,

Куда б ему забиться поскорее,
Чтоб он там растворился сразу весь,
В духовку, может, в шкаф, под батарею?
Но ты туда поди ещё залезь!

И как пойдёшь тут, братцы, на попятный?
Её заход – как выстрел из ружья:
«Теперь мне окончательно понятно,
Что вы такой же страстный, как и я!»

Диана своё дело знает туго.
Да и Толян, чего уж там, пожил.
Две молнии ударили друг в друга! –
Я так бы их роман определил.

Она его сейчас сожжёт, расплавит.
«Вот это да! – Толян разинул рот –
А как же твой Отелло? Ведь удавит,
И даже глазом, сволочь, не моргнёт!»

«Молчи, ты мой!» – она в ответ шипела,
Готовая к последнему броску,
И у него душа внутри запела,
И словно ток прошёл через башку.

И, призывая разум на подмогу,
Он нужный угол всё-таки задал:
«Да как-то неожиданно немного,
Я этого совсем не ожидал!»

На эти два часа, он чётко видит,
Их ничего не сможет разлучить,
Тут целая любовь, и тут не выйдет
Пофлиртовать и тихо соскочить.

Толян, как заяц, прыгал, кувыркался,
Крутился, улепёгывал, как мог,
Он к занавескам плюшевым цеплялся
И залезал под самый потолок.

Они спасеньем стали для Толяна,
Он даже на руке натёр мозоль,
Пока на них летал, как на лианах,
Со шкафа вдоль стены на антресоль.

Он всё-таки отбился еле-еле:
«Хорош уже, держи себя в руках!
Дианка, ну чего ты, в самом деле,
Мы всё же на работе, как-никак!»

Глубинные рефлексy ментовские
Толян в себе не мог перебороть:
А ну как он недаром из башки ей
Сигнал любви идёт в живую плоть?

А вдруг в её душе другое что-то,
А вовсе не лирическая блажь,
А вдруг она специально, по расчёту,
Ходила только что на абордаж?

А, может быть, ее сомненья гложут,
Что он не просто так, залётный фронт,
Не оптовик с весёлой наглой рожей,
А целый милицейский лейтенант?

Мол, сю-сю-сю, какой ты весь красивый,
Проверить чтоб самой исподтишка
Наличие его служебной ксивы
Во внутреннем кармане пиджака?

Конечно, это мраком всё покрыто.
Трава из-под гранитных серых плит
Не прорастёт. Узнай ещё поди ты,
Как под землёй там дело обстоит.

А тут уже и Жорик, наш Отелло,
Вернулся. Сразу видно, что не зря
Он два часа назад ушёл на дело.
Он притащил четыре пузыря.

И снова развесёлое застолье!
Толян, играя песню про Байкал,
Успешно оперировал бемолью,
Как сам он убеждённо полагал.

Любитель русских песен разудалых,
Он три аккорда знал наверняка,
При этом он на тех, кто меньше знал их,
Посматривал немного свысока.

Диана может разные задачки
Решать по ходу дела заодно –
Сухое обнаружилось в заначке,
Прекрасное грузинское вино.

Сухое можно вынести за скобки.
Там, кстати, был запас не так уж мал.
И Жорик, чтобы выпендриться, пробки
Зубами от бутылок отгрызал.

К нему один вопрос один был у Толяна:
А ты вот первый раз когда входил,
Подозревал в неверности Диану! –
А для чего ты в дверь-то позвонил?

Ведь это же такой сигнал тревоги,
Чтоб те, кто, каждый раз вот так шалья,
Успели унести скорее ноги,
Как крысы их уносят с корабля!

Ведь ты ж дезавуируешь идею,
Уж если так по-умному сказать,
По сути дела, вора и злодея
На месте справедливо наказать!

Ты главную задумку убиваешь –
С поличным их застукать. Это как?
И тот слегка потупился: «Ты знаешь,
Я самодур, но всё же не ...к!

Конечно, можно было бы легко их
За глотку взять – её, да и его,
Вот я войду, застукаю обоих
В объятьях друг у друга, и чего?

Ты знаешь слово опция? Вот то-то!
Она как раз и будет у меня,
Чтоб не душить её с полоборота,
Дианку-то, а встать так вроде пня,

Войдя в свою уютную обитель,
Да и стоять секунд так сорок пять,
Чтоб смог уже Дианкин посетитель
Через балкон по-тихому слинять.

Да чтоб ещё он, этот самый кто-то,
Над самой бездной стоя, на краю,
Успел прикинуть высоту полёта
И линию движения свою.

Уж если ты настолько бесшабашен,
То что ж, лети и рожу не криви!»
...Толян был откровенно ошарашен
Подобными подходами к любви.

Чем дальше в лес, тем жизнь трудней и горше.
Беду почувял – вовремя свали! –
С той самою районной прокуроршей
Толян припомнил подвиги свои,

Мол, что сказать, тупой, как долото, я!
Когда ж до нас дойдёт, до сволочей,
Что план эвакуации – святое,
И в этом деле нету мелочей!?

«Друзей Дианки, – Жорик подытожил, –
Вгоняет в дрожь один мой только взгляд.
Там никого не надо бить по роже,
Они все сами в бездну улетят!

Их перспектива явно не пленяет
Лететь с балкона, жизнь свою губя.
Но, кто попал мне в лапы, пусть пеняет
Не на судьбу, а только на себя!

Ему, такому горе-кавалеру,
Не вариант идти со мной на «вы»,
Один кулак мой будет по размеру
Как две его примерно головы!

И, если он себе сломает шею,
В траву с балкона рухнув наповал,
Я чёткую позицию имею,
Что лично я его не убивал!»

«Да, мать честная, ты меня растрогал! –
Сказал Толян, – у всех своя судьба.
Отелло, ты продвинутый, ей-Богу,
Давай с тобою выпьем за тебя!»

Ну что, обмыли сделку, посидели.
Добавка есть. Объём не так уж мал.
У всех в душе истома, слабость в теле,
Отелло даже в кресле задремал.

«Он добрый, хоть на вид бывает грозный, –
Дианка промурлыкала любя, –
А ты вот знай, что это всё серьёзно,
Что я имею виды на тебя!»

Толян её к столу увёл, на кухню.
Она ему: «Огонь моей души
Насчёт тебя горит и не потухнет,
Все средства в этом плане хороши!

Да, Жорка мой – мужик не из последних,
Но общий ход вещей неумолим,
Что скупщик, он главнее, чем посредник,
И как мне с этим чёртом быть моим?

В его активе подвигов немало,
Он, хоть и спит, но он в меня влюблён,
Но, если чисто по функционалу,
Ты перспективней выглядишь, чем он.

Ты промышляешь делом этим хлебным,
Что хоть сейчас иди к тебе учись!
Мы в личном плане можем и в служебном
Сработаться с тобою и сойтись!»

Нет, не сказать, чтоб челюсть у Толяна
Отвисла сразу так уж до колен,
Но он сказал: «Прости, моя Диана,
Я вежливо спрошу, как джентльмен, –

Ты правда вероломная такая?
Ведь это же цинично, ты чего?
Выходит, ты, себя превозмогая,
Ласкаешь ухажёра своего?»

Она в ответ: «Князь Мышкин – он циничный?
Я понимаю, ты его не знал,
Но Яковлев, артист наш, самолично
Его по телевизору играл.

Он там красавчик, вроде Аполлона,
При том, что не ворует и не врёт,
Не надо на него катить баллоны,
Что якобы он полный идиот!

Сам классик Достоевский благосклонно,
Что слов на ветер даром не бросал,
Одноимённым фильмом вдохновлённый,
Его в своём романе описал.

И этот образ в сердце берегу я
И никогда практически не вру,
А, строго говоря, и не ворую,
Лишь камни на комиссию беру.

В моей душе мотив звенит упрямый,
Как тонкая серебряная нить:
Прекрасный человек с прекрасной дамой
Всегда найдёт, о чём поговорить!

Вот мы и говорим сидим с тобою.
Хоть ты глаза немного и залил,
Меня своею хваткой деловой
И пиджаком из кожи впечатлил!

Вот как тот князь нисколько не циничен,
Поскольку режет правду напрямик,
Вот так и я. Да, ты мне симпатичен,
И я не сомневаюсь ни на миг,

Что мы делов с тобою наворотим,
А нет – так и гори оно огнём!
За первый ряд уплотим в самолёте
И в Крым, где море синее, махнём!

Да, я про Жорку помню, каждый знает,
Что здесь моя позиция тверда:
Хоть он несправедлив ко мне бывает,
Но я его не брошу никогда.

Мы, бабы, за мужчин своих в ответе,
Пусть даже за придурков и жлобов,
И потому у нас в приоритете
Заместо справедливости – любовь!

И мы по ним печалимся и плачем,
Что лиха им приходится вкусить,
И мы в тюрьму им носим передачи,
А кто ещё им будет их носить!

Пусть даже он ослабнет, околеет,
Или вообще, чтоб лишнего не знать,
Альцгеймером внезапно заболает,
Я буду всё ему напоминать!»

«И много у тебя таких в резерве? –
Толян уже немного ревновал
И думал: «А чего я в этой стерве
Нашёл, чтоб быть сражённным наповал?»

Она зажгла лениво сигарету:
«И всё-то тебе сразу расскажи!
У нас, у женщин, есть свои секреты,
Чего тебе? Живи и не тужи!

Да, тут одна хреновина сплошная,
Но жизнь у нас большая впереди,
И я тебя когда-нибудь поймаю,
И ты ещё прильнёшь к моей груди!»

...Любовь и долг – как Сцилла и Харибда,
Поди ты между ними проскочи,
Поди узнай, где правда и где кривда,
И где они, от истины ключи!

Толян сказал: «У госпожи Фортуны
Не безлимитный всё-таки кредит
Для нас для всех. А кто на это плюнул,
Тот сам себе в итоге навредит!

Лишь тот живуч, кто фокус держит зорко
И слышит каждый шорох за спиной!
Представь на миг, что друг тебя, твой Жорка,
В объятиях застучает со мной.

И всё, и смерть. Одумайся хотя бы,
В уме соотнеси раскладку сил –
Он культурист, качок, а ты лишь баба,
Чего б я о тебе ни говорил!

Она в ответ взбрыкнула, как кобыла:
«Я в сектор для толкания ядра
Ещё совсем недавно выходила
Откалывать крутые номера!

На тренировках тяжести толкая,
Я быстро и легко вошла во вкус,
И потому здоровая такая
И ничего на свете не боюсь!

И, если вдруг захочет кто расширить
Ко мне набор претензий – не беда,
Ему ядром в лобешник запузырить
Ей-Богу, не составит мне труда!

Да и вообще, на случай крайней меры
Ядро – снаряд увесистый такой,
Я после окончания карьеры
Всегда его имею под рукой.

И, хоть насчёт тебя вопрос открытый,
Но я, однако, зная свою прыть,
В другие твои скорые визиты
Уж как-нибудь смогу его закрыть.

К погоне подготовиться получше
Уже сейчас активно я хочу.
Посмотрим, как ты справишься, голубчик,
Когда я антресоль заколочу!»

...У нас в Советском, помнится, Союзе,
За классиком любили повторять:
Широк, мол, человек-то, я бы сузил!
А я бы вот не стал его сужать.

Я, автор, что подумал? Что Диана
На светлой стороне бы быть могла,
Сожги она при помощи Толяна
Мосты свои и пристани дотла.

В ней всё же есть здоровое начало.
Вот этим-то она и широка.
Ещё и здорова. Уже немало,
Чтоб счастье своё строить на века.

Я думаю, доходчиво изложен
Мой главный тезис. Вот я здесь о чём:
Широкий человек не безнадёжен,
Когда судьба свела его с ментом!

И, если не дразнить его скотиной,
А шанс нормальный всё же ему дать,
Он со своею тёмной половиной
Уж как-нибудь сумеет совладать –

С той, что всегда покрыта чёрным цветом, –
Чего там, не солить же её впрок!
И режь её! А светлая при этом
Останется, поскольку он широк!

(Вот так вот к Солнцу светлой стороною
Повёрнута Луна в любой момент,
И ты ещё поспорь поди со мною,
Что наше Солнце – это тоже мент!)

Итак, ребята славно посидели,
Толян в уме прикинул весь расклад
Насчёт объёмов, как на самом деле
У них дела с товаром обстоят.

Барыги на подряде, шайка-лейка,
Не вычислили вроде бы его,
Луна в окошке жёлтой канарейкой
Смотрелась очень даже ничего.

Певец в магнитофоне, Элвис Пресли,
Звучал не хуже даже, чем Кобзон,
Отелло, чёрт ревнивый, в мягком кресле
Досматривал, храпя, десятый сон,

Под столиком журнальным кот мурлыкал,
Который, ясный перец, не зачах,
Бездомный в прошлой жизни горемыка,
На сладких отожравшийся харчах.

И в это их секретное подполье
Ты с улицы поди ещё пролезь.
Но этот факт – подмога и подспорье,
Что главный пункт раздачи – это здесь!

Подспорье – что теперь всё стало ясно:
У них центральный узел, терминал
На этой самой хате распреkrасной.
Толян-то даром время не терял.

Пока он от Дианки бегал-прыгал,
При том, что сам же импульс ей и дал,
Он общую исходную интригу
Насчёт конечной цели соблюдал.

А ты чего подумал, мой читатель,
Что мент, он может только выпивать
И к бабам приставать, когда некстати
Таблетка начала ослабевать?

Нет, ты не прав. Он был предельно собран.
Один неверный шаг, и всё, каюк!
Он был в своих очках похож на кобру,
Он очень чётко видел всё вокруг.

Он знал всегда по ходу подготовки:
Они здесь тоже все не дурачки,
И он, идя сюда, для маскировки
Надел с простыми стёклами очки.

Он там шнырял и шастал между делом,
Чтоб просто так на месте не сидеть,
И даже за портьерою успел он
Ларец полуоткрытый разглядеть.

В нём россыпи рубинов и агатов,
И бриллиант, и даже не один,
Бог знает сколько будет в нём каратов,
И оникс там, и красный турмалин.

Так вот, ларцов, шкатулочек подобных
Там было, прямо скажем, пруд пруди.
Толяну стало даже неудобно:
А что с ней будет дальше впереди? –

С красоткой этой ветреной и шалой,
С сердечным другом в образе врага?
Ведь всё-таки меж ними пробежала
Не молния, так вольтова дуга!

Да, здесь не всё так строго однозначно,
Там, может, целый клад под шелухой,
Да и Отелло, муж её внебрачный,
По ходу дела, парень неплохой.

Он всё же был вполне гостеприимен,
Он за добавкой бегал в гастроном.
Да, нелегко Толяну будет с ними
Лицом к лицу увидеться потом.

Вот так, ребята, в этом есть проблема
Для сыщиков в любые времена.
Какие ни придумывай ты схемы,
Работа под прикрытием сложна.

И, хоть какой железный человек ты,
Тут вовсе не простое баловство!
Когда вошёл в доверие к объекту,
Тяжёлым будет выход из него.

И, как бы кто тут спорить ни пытался,
Тебе уже и белый свет не мил,
Когда ты с ним душевно побратался,
А после в каталажку засадил!

Читатель, ты, наверно, догадался,
Что я Толян у ставлю высший балл,
Он там у них отнюдь не прохлаждался
И рюмки беспричинно не сшибал.

И я скажу без лишнего занудства,
Чтоб всем уже понятно было тут:
Безудержное пьянство и распутство
Советские менты не признают!

От этих бесконечных катавасий
Толян, хоть и немного подустал,
Но, прежде чем отчалить восвояси,
Диану напоследок приобнял:

«Когда-нибудь мы вместе обмозгуем,
Чего я тут у вас нагородил!»
И он её специальным поцелуем
В прихожей напоследок наградил, –

Когда к щеке губами еле-еле
Чуть-чуть так прикоснёшься, и привет,
Мол, я тут как бы вроде не при деле,
Мол, вроде я с тобой, а вроде нет.

Намёк такой сродни простой примерке,
Он в этом деле тоже должен быть –
Любовь сначала требует проверки,
Чтоб в жар страстей потом переходить.

Толян, на посошок приняв полстопки,
Сказал себе: «Давай уже, вали!»
...А мы свои глубокие раскопки
С задержанными нашими вели.

В цейтноте, в спешке, бурно и коряво,
Сперва себя пришпорив, как коня,
Я сам провёл пятнадцать очных ставок
И двадцать опознаний за три дня.

Потом ещё, ещё, и так весь месяц –
Витюха, Коля Шмаков, Клещ, Потап –
Как жизнь нас всех месила, так и месит,
То яма под ногами, то ухаб,

А то вообще глубокая траншея
Лежит на нашем жизненном пути.
Уже нам всем хотелось поскорее
Куда-нибудь, но всё-таки дойти.

И к нам призыв звучал довольно странно
Достать злодея хоть из-под земли,
Когда у нас негаданно-нежданно
Проблемы с потерпевшими пошли.

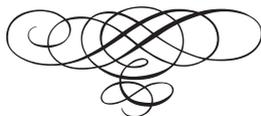
Не все из них убыток признавали:
«Не, бриллиантов не было у нас!
А, значит, их у нас не воровали!» –
Таким вот был порою их рассказ.

Нам каждый раз пузатый бедолага
Как будто бы читал унылый стих,
Мол, у меня, у скромного завмага,
Откуда столько средств-то? Нету их!

Вот так. А мы базарь сиди с такими,
Пустые бумаженции пиши.
Их час придёт когда-нибудь, и с ними
Поговорят где надо от души!

...За планами грядущих операций
Ушастый босс сидел в своей норе,
И эти не спешили признаваться,
Которых мы скрутили во дворе.

И ровно в десять каждый вторник и четверг
Чего и как, наш Клещ докладывал наверх
И трепыхался там, как в клетке перепёлка,
Когда начальники орали на него:
«Ну сколько можно, подполковник, ты чего?
Толпа задержанных у вас уже, а толку?»

Семнадцатая глава

Серьёзные, помню, структуры
На нас продолжали давить,
Крича со своей верхотуры:
«Поймать! Расстрелять! Посадить!»

Сплошная у вас волокита.
Задержанных – целый отряд,
Но брать на себя висяки-то
Они не особо спешат!

Езжайте там в Химки, ли в Питер,
Да к чёрту уже, в тёмный лес!
Давайте, ребятки, не спите,
Нам «палки» нужны позарез!

Контроль этот нашему брату
В носу ковырять не давал,
И нас из райкома куратор,
Как хлебную корку, клевал.

«Раскрыть! Поднажать! Обеспечить! –
Как камни, по нам из пращи
Стреляли слова, – кто на плечи
Взвалил свою ношу – тащи!

Уж если в милиции служишь
И грохнулся вдруг кувырком
В глубокую грязную лужу,
То будь всё равно мужиком!

Не плакаться сыщику надо,
Мол, трудная наша судьба!
А взять и найти этих гадов,
О трудной судьбе не скорбя!

Всё так же глаза свои пялил
Тот самый на нас генерал,
Который когда-то, вначале,
К нам в актовый зал приезжал.

Опять он заламывал руки,
Опять кулачищами тряс:
«Да где ж она, сволочи, суки,
Партийная совесть у вас!

Я вас порублю на котлеты,
На Север отправлю служить,
А то и вообще партбилеты
Заставлю на стол положить!»

Меня это меньше касалось –
Не то, чтобы я затупил,
Но как-то оно оказалось,
Что в партию я не вступил.

Я мыслил вполне схематично:
Раз нет партбилета при мне,
То, стало быть, проблематично
Со всеми меня наравне

По полной программе мудохать,
Всеобщий устраивать хай,
Скандировать, ахать и охать,
Какой я такой раздолбай!

Там даже проверили списки:
«А как ты сумел откосить?
Заранее, что ли, все риски
Прикинул, чтоб воли вкусить?»

Чтоб с якоря легче сниматься
И когти по-тихому рвать,
Когда вдруг народные массы
Придут, чтоб тебя закопать?

Ну, те, что восстанут сначала,
А после без спросу в ночи
Ворвутся, и – хрясь по хлебалу!
Мол, вот тебе, гад, получи!

Они, если дело коснётся,
Навстречу зовущей трубе
Помчатся, и, кто попадётся,
Повесят на первом столбе!»

Петров, замполит⁵ наш, всё это
Втирал мне порой иногда:
«Чего у тебя в голове-то?
Сплошная одна ерунда!»

Шипя на меня, как гадюка,
Он ложкой размешивал чай:
«Об этом ты думал? а ну-ка,
По правде давай отвечай!»

⁵ Замполит в советской милиции – это заместитель командира подразделения по политико-воспитательной работе, его задача – воспитывать своих подопечных в духе идей марксизма-ленинизма.

Выходит, что ты ненадёжный!
Хреново, небось, самому!»
«Ну, ты забодал, сколько можно!» –
Однажды сказал я ему.

«Я раньше учился в спецшколе,
Я там математиком был,
Держите мозги на контроле! –
Таков мой исходный посыл.

И, в общем, звучит диковато –
Партийные взносы платить,
Не зная в лицо адресата.
Их лучше с друзьями пропить.

Вот самое время и место –
С тобою – сейчас. Ну, ты как?»
И он отработанным жестом
Об штопор бутылкою – бряк!

Дзинь-дзинь! Замполит на разливе!
Поехали! Первый глоток!
В наливках, в портвейне и пиве
Он главный в районе знаток!

Работу свою досконально
Он знал, уважал и любил
И мне иногда персонально
В упор свою правду рубил:

«Для вас же стараюсь, баранов,
Пойми, это долг, а не блажь –
Согласно намеченных планов
С людьми проводить инструктаж!

Должно быть усвоено с детства:
Каким бы ты умным ни был,
Без нас замполитов, ...ц вам!
Мы кто? Мы фундамент и тыл!

Мы главная ваша опора,
Надёжный и твёрдый гранит,
Тут долгого нет разговора,
Ну кто вам ещё объяснит,

Ну кто вам расскажет яснее,
Что лучший на свете прокорм
В Советском Союзе имеет
Приверженец ленинских норм?»

Вот так он со мною работал,
Мужик-то он был неплохой,
Пусть даже слегка у него там
Забита башка требухой.

Друзья, я люблю замполитов!
И я от души, без понтов
Спокойно, легко и открыто
Сказать вам об этом готов.

Они никакие не звери,
Они, вы не смейтесь, ребят,
И правда во всё это верят,
Чего они нам говорят.

Мы все не намного умнее,
Я их обижать не велю,
Они воровать не умеют,
За это я их и люблю.

С Петровым-то ясно всё было,
Земля это как бы сама,
А вот прокурорское рыло
Нас просто сводило с ума.

«Ментов – он кричал, – не исправить!
Вас надо к стене каждый день
Под дуло ружейное ставить
За вашу пассивность и лень!»

Когда мы бумаги на подпись
Носили ему в кабинет,
«Когда же вы все от...!? –
Мы слышали краткий ответ, –

И так её много, работы!» –
Кряхтел он, как жаба в траве,
Но всё же подписывал что-то,
Мозгами скрипя в голове.

Там шёл разговор понятийный,
Там крик вылетал из груди:
«Ты тоже, ...к беспартийный,
Ещё огребёшь, подожди!»

Такая вот наша контора.
И, здесь вспоминая её,
Я фон описал, на котором
Мы делали дело своё,

Где жизнь с каждым разом лупила
Сильнее нас всё и сильней,
Где худо порою нам было,
Но как я скучаю по ней!

Не к ночи ещё будь помянут,
Родной комсомол нас долбал.
«Когда ж они, суки, устанут? –
Вопрос у нас остро стоял, –

Ну сколько ещё эту порку
Нам ждать каждый день, трепеща?»
...Прошло две недели с тех пор, как
Мы были в гостях у Клеща.

Потап усмехался: «Да ладно!
Всего лишь обычный дурдом,
Совсем не такой беспощадный,
Как принято думать о нём!»

Я так скажу, что Клещ с Потапом молодцы.
Они по возрасту годились нам в отцы,
Но всё равно получше нас соображали.
«Маразм крепчал! – они любили повторять, –
Он так и будет тыщу лет ещё крепчать!
Ну и чего, живьём сожрут нас? Да едва ли!»

Восемнадцатая глава

Итак, работа наша продолжалась.
Привычную нащупав колею,
Задержанные били то на жалость,
То на больную психику свою.

Их девять жеребцов уже в застенках.
Хоть шум от них немного поутих,
Нам надо постараться хорошенько
Оставшихся стреножить шестерых.

Противник был силён, а вот поди ты,
Мы взяли их в тиски со всех сторон.
Мы им смогли без лишней волокиты
Поставить на прослушку телефон

И много интересного узнали,
Там поднялась большая суета.
Чего они плели там, мы вначале
Вообще не понимали ни черта.

Нам тонкой вязью кодовых словечек
И непонятных аббревиатур
Опутали мозги все эти речи,
Послушать так – вообще какой-то сюр!

Толян послушал – чуть ли не рехнулся:
«Так люди никогда не говорят!»
Но Коля Шмаков только отмахнулся:
Мол, тоже мне, шпионы, детский сад!

Он все постиг нюансы и детали.
Чужие эти странные слова
В извилины Колюхе попадали,
Как зёрна попадают в жернова.

В хорошем темпе, весело и ловко
Наш Колька, это всё перемолов,
Итоговую выдал расшифровку,
Точней, вердикт, мол, вот он, наш улов!

Нам эта рыба скоро прямо в невод
Сама, по ходу дела, приплывёт,
Лишь успевай тащить её, а мне вот
Один нюанс покоя не даёт.

Хоть я и поработал не напрасно,
Аж голова гудит от их бесед,
Из ихней тарабарщины неясно,
Толяна раскололи или нет?

«Там каждый раз, – сказал нам Коля Шмаков,
Как только про Толяна речь идёт,
В какую-то систему новых знаков
Я наблюдаю резкий переход.

Какие-то хреновые намёки
Сегодня замерцали там в конце
В их разговоре, как кровоподтёки
У пьяного придурка на лице.

Тот самый тип с ослиными ушами,
Хотя ослом его не назовёшь.
Дружкам сказал: «Вы там смотрите сами,
Уж больно он, барыга ваш, хорош!»

Дианка пару раз по ходу пьесы
Парировала странные звонки:
«Да он такой же мент, как я принцесса,
Вы что, офонарели, мужики?!»

Чтоб сохранять правдивую картину,
Какой он из себя весь деловой,
Толян конспиративную квартиру
Надыбал у Кремля, на Моховой,

Напротив Александровского сада:
«Своих-то приглашу уж к шалашу,
На огонёк, на рюмку, если надо,
Кто акцептован – милости прошу!»

Дианка-то как раз и позвонила
Ему на эту хату: «Милый друг,
Лови момент! Поднимешься не хило,
У нас товар завис на десять штук!

За восемь отдадим, за семь с полтиной!
А дальше – кто куда своей тропой! –
Она слова сплетала в паутину, –
Включай мозги, ты парень не тупой!

Я не хочу с тобою расставаться,
Я даже и не думала сама,
Что перечень твоих импровизаций
Меня сведёт когда-нибудь с ума!

А вот и свёл. И сам ты, безусловно,
Не кто-нибудь, а звёздный луч в ночи!
Ты завтра не к одиннадцати ровно,
А на часок пораньше подскочи!

В одиннадцать-то мы уже съезжаем.
Команда поступила. Всё, привет –
Со всем, как говорится, урожаем!
Я жду тебя на утренний фуршет!

Чего там, почему? Никто не в теме,
Как будто все немного во хмелю.
А Жорик что? А Жорку я на время
Куда-нибудь подальше отошлю!»

«Не понимаю, – Коля скрёб затылок, –
На первый взгляд, я вроде не дурак,
И вроде нет в башке моей опилок,
Но что-то в этом как-то всё не так,

Не просто ведь у них какой-то трёп там,
Толян для них – важнейшее звено,
Там двухходовка: скинуть крупным оптом
Чего он там возьмёт, и лечь на дно.

Они уже немножечко в психозе, –
Нам Коля всё, как есть, расшифровал, –
Они по плану завтра перевозят
Со съёмной хаты весь свой капитал.

Чего ещё? у них там главный некто,
Наверняка, с ушами этот босс
Готовит консервацию объекта,
Поскольку всё пошло у них вразнос

Совсем недавно, с прошлой той недели,
Когда мы по свистку, в один присест
На них по-настоящему насели
И ордер получили на арест!

И не вознёй какой-нибудь мышшиной
Я мог бы это всё уже назвать.
Там будут завтра утром в две машины
Шесть человек манатки паковать».

Всё понятно. А вот насчёт Дианы
Неведомо пока что никому,
Не то она наживка для Толяна,
Не то так сильно сохнет по нему.

Да, завтра будет славная охота,
Но, чтобы всех на месте повязать,
Особенное требуется что-то,
Чего они не могут предсказать.

Но вовсе нет такого, мой читатель,
Что мы их завтра грохнем поутру,
Нет, если только дёрнутся некстати,
В карман полезут или в кобуру!

А как иначе, если у Витюхи,
В ком сроду никакого нету зла,
Плечо болит с той самой заварухи,
Которая под Химками была?

Пятнадцать человек нас заседало,
Мы грызлись, как цепные кобели.
Хоть копий было сломано немало,
Мы ни черта придумать не могли.

Потом по стопке хлопнули, и сразу
Всё как-то закрутилось поживей,
Нам грузовик начальник автобазы
В аренду дал за пару пузырей!

За две поллитры водки, кто не понял.
Хотя чего тут можно не понять?
А хитрость в том, чтоб сам вопрос погони
Легко и быстро можно было снять.

Об этом после. Тут, как говорится,
Расклад понятен: слабый будет смят.
Хорошая машина ЗИЛ-130,
Я сам её поклонник и фанат!

Уважив генерала-горлопана,
Что всё, мол, завтра будет результат,
Нам Клещ с Потапом что-то вроде плана
Представили, как мы им шах и мат

Объявим, этим самым недобиткам,
Что столько крови выпили из нас.
«Давайте их объявим пережитком,
А после ликвидируем как класс! –

И всё, и никакой там больше мути!» –
Сказал стажёр, сперва предупредив
Насчёт того, что это он так шутит,
Что враг непобедим, пока он жив!

«Мы завтра им покажем, где их место!» –
Потап вращал пудовым кулаком
И говорил: «Ребята, наконец-то
Мы всех до одного уже возьмём!»

Он яркое безудержное пламя
Как будто в наших душах зажигал.
Как колокол у нас над головами,
Его красивый голос громыхал.

Не красоты, конечно, этой ради
Солировал Потап, как контрабас,
В оперативно-следственной бригаде,
В тот год стихийно созданной у нас.

Он сам себя тротиловым зарядом
Успел сто раз за сутки ощутить,
Он чётко понимал: удача рядом,
Нам только бы свой шанс не упустить!

У нас мурашки бегали по коже,
Адреналин в крови уже бурлил,
Серьёзные дела пошли но, всё же
Нас кое-кто тогда повеселил.

«Со снайперской стрельбой вопрос решённый! –
Свой статус обозначил наш стажёр, –
Я до зубов теперь вооружённый,
И пусть наш враг коварен и хитёр,

Затея, прямо скажем, не пустая
Однажды родилась в моём мозгу –
Коллекцию, ту самую, с Алтая,
Прислали мне с оказией в Москву,

И я башку снесу любому зверю,
А, чтобы свой улучшить внешний вид,
Вторую кобуру сейчас примерю,
А первая всегда на мне висит.

Шмалять могу по трое суток кряду,
Злодей и недруг – сразу лезь в петлю!
Я с этим арсеналом, если надо,
Любого в три секунды завалю!»

И вовсе не смотрелось балаганом,
Когда стажёр, старательно сопя,
Берданку, револьвер и два нагана
Повесил, как на ёлку, на себя.

Представ во всей красе, как на параде,
Он гордый был: смотрите, я какой!
И, сквозь очки вблизи на это глядя,
Витюха дёргал локтем и башкой.

Из транса выбираясь постепенно,
Сначала он двух слов не мог связать,
И, наконец, промолвил: «О...нно!
Я даже и не знаю, что сказать.

Давай сперва по маленькой налей-ка.
Скажи, стажёр, а ты не идиот?»
И тот, вздохнув, ответил: «Есть маленько,
Но это обязательно пройдёт».

«Снимай с себя игрушки-погремушки, –
Сказал Витёк, – нормально, впечатлил, –
Хоть не дошло, спасибо, до Царь-пушки,
Что ты её сюда не прикатил!

От этой тряхомудии железной
С души воротит, просто караул!
Давай-ка ты на завтра, друг любезный,
Возьми себе какой-нибудь отгул.

Сходи на пляж, в кино, в библиотеку,
Да планетарий тот же посети,
Ведь надо развиваться человеку,
Чтоб в жизни быть на правильном пути.

Поделку смастери из пластилина,
Десерт продегустируй не спеша,
Калина, знаешь, всякая, малина
На вкус необычайно хороша!»

«Всё-всё, я понял, братцы, не сердитесь,
Я за стволы особо не держусь.
Оно спокойней с ними, согласитесь,
Но, если надо, я разоружусь!

И если вы вперёд помчитесь смело
Искоренять безумие и зло,
А я при этом выпаду из дела,
То не стажёр я вовсе, а фуфло!

Какая, на хрен, ягода-малина,
Какой отгул, ребята, вы чего?
Я понимаю слово «дисциплина»,
И чем оно чревато, баловство.

Чревато тем, что если вдруг ты начал
Палить из автомата: «Тра-та-та!»,
И цель ясна, и ты поймал удачу,
То ты уже не видишь ни черта!

А после будешь водку пить от пуза,
Чтоб не лишиться разума и сна.
История Советского Союза
Подобными примерами полна.

Я руководству полностью лоялен,
Я вам любую тему раскручу!
Хоть Шуберта исполню на рояле,
Вот только ноты малость подучу!

А то и спеть бы можно дружным хором,
Один за всех и все за одного!»
Потап сказал: «Хоть парень неплохой он,
Но как-то это всё не для него.

Там может быть большая мясорубка,
А если так уж сильно рвётся в бой,
То пусть он сквозь бамбуковую трубку
Из-за угла плюётся бузиной!

А можно из рогатки желудями
В беседке сидя, словно в блиндаже,
По «Жигулям» стрелять очередями,
Когда мы всех повяжем там уже».

Да, шуточки что надо у Потапа,
Но и задача наша непроста –
Чтоб вся без исключенья в наши лапы
Попала завтра эта сволота.

И снова мы собрались, два отдела,
И сыщики, и следствие, и к нам
Володька прибежал, как угорелый,
И друг его, Сергуня, первый зам,

А, может быть, второй, а то и третий,
Он шефу в министерстве от души
Напитки наливает в кабинете
И чинит для него карандаши.

Сергуня – это бывший наш сотрудник,
Причаливавший часто к нам за стол,
И он их не забыл, те наши будни,
Когда на повышение пошёл.

Они готовы оба были к бою,
Горели, как бенгальские огни.
«Мы в отпуске. Возьмите нас с собою!
Не подведём!» – сказали нам они.

И, чтоб глаза на лицах не поблёкли,
Чтоб нам своих ребят не обижать,
Им каждому вручили по биноклю –
Район под наблюдением держать.

Мол, с утраца, с рассвета, понемножку
В окошко из подъезда, изнутри
Из круглого чердачного окошка
Сиди себе и в оптику смотри.

Признаться, я не слишком понимаю,
Все семинары в вузе пропустив,
Какая это оптика такая,
Где окуляр, а где там объектив.

Ну, мне-то и не надо, я с Витюхой
Посажен был в тот самый грузовик,
Который был не просто развалюхой,
А большей частью ездил напрямик.

А вбок там, влево, вправо – не особо,
Не слишком получалось у него.
Оно всё это было ничего бы,
Будь совести хоть капля у него!

«Не заведусь, и всё!», – вот так сначала
Он дал понять нам в самый первый миг,
Кто главный тут. Ему и дела мало,
Что он обычный скромный грузовик.

Но мы сумели с ним договориться,
Хотя, я вам скажу, не без труда.
Пришлось ему шепнуть, что ЗИЛ-130
Покруче будет всякого «Форда»!

И сразу руль расклинило. Едва ли
Хоть кто-то в это верил из ребят.
Его, как нам потом спецы сказали,
Заклинило пятнадцать лет назад.

Короче, мы готовились по полной.
Я помню наших всех до одного,
Как вместе с пылью втаптывали в пол мы
Сомнения на тему «кто кого».

И, глядя вдаль на небо голубое,
Где ветер тучу в клочья растерзал,
Потап сказал стажёру: «Чёрт с тобою!
Готовь уже его, свой арсенал!»

Ну что же, вот и утро. Двор знакомый –
Не нам, Толяну, он тут лично был.
С лопатой и метлой от дома к дому
Удав под видом дворника ходил.

Два опера как будто бы грузили
Носилки, и Витёк в грузовике
Сидел со мной как раз в том самом ЗИЛе,
И Коля прохлаждался налегке,

Изображая юного спортсмена,
Махал руками возле турника,
Плечом вертел, чеканил мяч коленом,
Кирпич колол ударом кулака.

Мол, он простой дворовый обитатель,
Мечтающий сравниться с Брюсом Ли.
Вдох-выдох! Кхья! Поверь мне, мой читатель,
Что мы бы так с тобою не смогли.

Сергуня с Вовкой вдаль смотрели зорко
В свои бинокли. Едут! Мяч в игре!
Да, вот они – и «Волга», и «семёрка»,
Уже у нас под носом, во дворе!

Тут сохраняй спокойствие, рассудок,
Пускай они сперва войдут в подъезд
И всё, что надо, вынесут оттуда,
Вот тут мы и поставим жирный крест

На этой всей истории. Заходят!
Минута, и по лестнице гуськом
Идут назад. Идите! Путь свободен!
Последний миг – и мы уже поймём,

Зачем они вообще сюда совались,
И кто кого оставил в дураках.
Всё, вон они уже, нарисовались
С коробками картонными в руках.

И скачет пульс, и нервы на пределе,
И вот уже мы вяжем всех подряд!
Они и пикнуть даже не успели,
Когда Потап скомандовал: «Захват!»

Но как-то попытались всё же скрыться,
Рвануть в бега, мол, шанс не так уж мал,
Но грузовик, тот самый «ЗИЛ-130»,
Он слово своё веское сказал!

Витюха перекрыл им всю дорогу,
И «Жигулям» бросаться на него –
Как будто москве спорить с носорогом,
Людей смешить и больше ничего!

«Уходим!» – крикнул голосом гнусавым
Их главный. Он хоть ухо-то остро
Держал своё, но всё-таки Удавом
Был брошен на асфальт через бедро!

И Фаберже, эксперт их самый главный,
С глазами потемневшими на лбу,
Метнувшись вбок, позорно и бесславно
Вцепился в водосточную трубу!

Инфаркт как будто скрючил человека.
Согнувшись пополам, разинув рот,
Стоит – ни «бэ», ни «мэ», ни кукареку,
Как будто он вот-вот уже помрёт!

Ну всё, не спим! Работаем по цели!
Его скрутили. Есть! И на других,
На остальных наручники надели
За шесть секунд на всех на пятерых.

Ну, а потом два месяца рутины,
Мы день и ночь плели стальную сеть,
Они там явно были не кретины,
Пришлось, как говорится, попотеть.

С такими опознание, допрос ли –
Задача не для среднего ума.
Сначала в КПЗ три дня, а после
СИЗО уже, Бутырская тюрьма –

Такой у них маршрут, всё как обычно,
Всё тот же распорядок и режим,
Хоть взяты они не были с поличным,
Но общий ход вещей неумолим.

Они, что было, всё почти признали,
Чтоб максимальный срок не получить.
Мы тридцать эпизодов доказали,
С которых им уже не соскочить.

Вот он и к нам пробился, солнца лучик.
Хотя и были мы настороже,
Но то, что все мы премию получим,
Реальностью казалось нам уже.

Ребята, вы мне можете поверить?
Нам по тридцатке лично обещал
Тот самый, бесноватый, вроде зверя,
С Петровки, тридцать восемь, генерал.

Характер у него, конечно, склочный,
Но, что он отвечает за слова,
Вам подтвердит, я это знаю точно,
Вся наша милицейская Москва.

И выдали ведь! Всё, как обещал он,
Случилось! Я, как вспомню это всё,
Как будто от какого-то причала
Какая-то волна меня несёт.

Я даже позабыл, о чём тут речь-то,
А, вот о чём: товарищ наш Удав
Вернул свою невесту. Это нечто.
Она к нему, неделю отрыдав

По той любви, что в памяти теперь уж
Какая-то накрыла полумгла,
Сказала (ты, читатель, не поверишь):
«А всё же дура дурой я была!

Любовь – она имеет свою меру,
Найди её, и можешь дальше жить!»
Она, узнав зарплату инженера,
Раздумала к нему переходить
(*Жаль, не могли во время СССРа
В тюрьму за меркантильность посадить!*)

Удав потом с улыбкою счастливой,
Мол, я три дня баклуши буду бить,
Позвал нас на природу выпить пива,
Ему хотелось премию обмыть,

А заодно возврат своей невесты,
Возможно, даже будущей жены.
Когда он нас привёл туда на место,
Немного были мы удивлены.

Мы в облаках, конечно, не витали
Насчёт родных красот, но всё равно
Давно такой разрухи не видали.
У нас так быть в России не должно.

Он нас привёл туда же, где когда-то
Хотя и помнить это тяжело,
Ушастый от своей ушёл расплаты.
Полгода с того времени прошло.

Разделав воблу весело и ловко
И сухари солёные достав,
Витюха, я, Толян, Сергуня, Вовка,
Стажёр и сам, конечно же, Удав

На брёвнышке сидели, прохлаждаясь
В лучах заката ярких, золотых,
И тосты, тосты разные рождались,
И дождь прошёл, и ветер поутих.

Психолог с нами был ещё, тот самый,
Что нам мозги настроить помогал,
Когда была завязка этой драмы,
И депресняк глушил нас наповал.

Он к нам с тех пор захаживал частенько,
Хотел найти логическую нить,
Мол, это как – башкою лезть на стенку
И мозг при этом целым сохранить?

Удав бы нас в кафе, в пивную пригласил,
Но это было уже выше его сил,
В связи с Указом всё вокруг позакрывали.
Иди в столовую, народ, и пей кефир!
Короче, вот она, природа, антимир,
Где мы уже друг другу пиво наливали.

Девятнадцатая глава

Нельзя без тревожного стопа
На всё это было смотреть –
Какая-то база, промзона,
Не жизнь тут, скорее, а смерть.

Психолог, что к нам напросился,
Он словно помешанный стал,
Как сломанный столб, покосился,
Когда это всё увидал.

Свечою зажглась поминальной
Высокая в небе звезда.
«Удав, ты, вообще-то, нормальный?
Зачем ты привёл нас сюда?»

И, глядя на эту разруху,
Эстет весь такой из себя
И он же философ, Витюха
Сказал: «Да и ладно. Судьба!»

В какие бы светлые дали
Каким бы ни шли мы путём,
В конечном итоге едва ли
Куда-нибудь мы попадём,

Чтоб там хоть немного по сути
Пейзаж отличался для нас
От этой невиданной жути,
Что видим мы с вами сейчас.

Психолог писклявым фальцетом
«Смотрите, – сказал, – котлован!
Там дна у него даже нету,
А значит, я полный болван,

Что с вами сюда притащился,
Себя не спросив самого,
Во мне позитив отключился,
И как мне теперь без него?»

«А ну, веселее, наука! –
Удав ему пива плеснул, –
Занятная видится штука,
Ну прямо вообще караул!

Не где-нибудь там за морями,
А вот, посмотри, прямо тут,
Во всём этом соре и хламе,
Берёзы сквозь камни растут.

В конторах и офисах сидя,
Когда-нибудь кто из людей
Чего-то подобное видел
В работе и жизни своей?

И, сколько её ни мудохай,
Природа-то наша жива!
А значит, не так всё и плохо,
Как можно подумать сперва.

Берёз этих самых немало
Осталось несломанных тут!
Они, как ни в чём ни бывало,
Средь этих развалин растут».

...Мы вспомнили, как оно было:
В апреле, полгода назад,
Удав здесь вонзал, словно шило,
Во тьму обезумевший взгляд.

Да, было темно в этот полдень, –
И рваные россыпи туч
Казались щетиной на морде,
И воздух был сер и тягуч.

Большие бетонные глыбы
В тумане, в дыму, вдалеке
Лежали, как мёртвые рыбы
На чёрном от пепла песке.

Сразиться с открытым забралом
Удав порывался с врагом.
«Эй, где ты, Ушастый, – орал он –
Сюда! Мелкой рысью! Бегом!

Посмотрим, какой ты на деле!»
Но мир этот спал крепким сном,
И только берёзы шумели
В тот миг на ветру ледяном.

А после не раз и не два он
Рассказывал нам не спеша
Про то, как в глубокий нокдаун
Его провалилась душа.

«Деревья, и те даже могут, –
Он бил кулаком по столу, –
Сквозь тьму и разруху дорогу
И к свету найти, и к теплу!»

Они его просто сразили,
Он тихо шептал, как сквозь сон:
«Наверное, только в России
Берёзы растут сквозь бетон!»

А после он к этим берёзам
Опять приходил и опять,
Он долго там, как под гипнозом,
И час мог, и больше стоять.

И, глядя в высокое небо,
Он молча судил да рядил:
«Эх, если б у нас на земле бы
С ума бы никто не сходил,

И люди нормальными были,
И этот бы их психотип
У них отражался на рыле,
Мы многое сделать могли б –

Нормальным спокойным манером,
Без всяких скандалов и склок.
Ну вот Коля Шмаков, к примеру,
Вот он-то как раз бы и мог

С его багажом-то идейным,
Ну если уж так помечтать,
Каким-нибудь важным Эйнштейном,
Профессором логики стать!

Толян бы в кино бы снимался,
Он быстро бы стал там своим.
Поклонниц бы целая масса
Толпой бы ходила за ним.

Он в плане насчёт эпатажа
Сразил бы киношную знать
И мог бы, я думаю, даже
Алена Делона сыграть,

Который, чего-то попутав
Во внутреннем мире своём,
С привычного сбился маршрута
И начал работать ментом!

Стажёр – тот и вовсе упёртый,
Он запросто в честной борьбе
Заслуженным мастером спорта
По стендовой стал бы стрельбе!»

Сто раз это слышали все мы,
Что даже хотелось зевать,
Да он и сейчас эту тему
По новой хотел развивать.

Идеи гремели, как залпы,
Внутри, в голове у него:
«Витюха в ООН⁶ заседал бы.
А? Как вам оно? Ничего?

Ему б заграничную визу
Поставил бы в паспорт ОВИР⁷:
Уж раз ты похож на маркиза,
Сиди и борись там за мир!

⁶ ООН – Организация Объединённых Наций.

⁷ ОВИР – в советское время Отдел виз и регистраций, занимавшийся, в том числе оформлением документов на выезд за границу.

По всяческим там ассамблеям
Юлою возвращайся, волчком!»
Но мы ни о чём не жалеем.
Мы пиво на брёвнышке пьём.

Отнюдь не в режиме гулянки,
А с трезвых достаточно глаз
Мы две трёхлитровые банки
Сумели прикончить за час.

Витёк мою старую песню
Исполнил про древнюю Русь,
Что живы мы все, хоть ты тресни,
Вот здесь я опять отвлекусь.

Друзья мои любят браниться,
Когда мы сидим в гараже:
«Чего это ты за границу
Никак не соскочишь уже?»

Вопросы, как острые гвозди,
Впиваются мне в мозжечок:
«Такие, как ты, для чего здесь?
Езжай за бугор, дурачок!

Башкой пораскинь. Ну чего ты
Не хочешь туда укатить?
Неужто тебе неохота
Жар-птицу за хвост ухватить?

Неужто в чужой стороне ты
На стену полезешь с тоски,
Что русских берёзок там нету,
Хоть сам себя рви на куски?»

Трудна моя в жизни дорога.
Куда ты вокруг ни взгляни,
Её ужасающе много,
Любой всевозможной ...

И, значит, заламывать руки,
Покинув родные края,
По поводу горькой разлуки
С Отчиной – такому, как я,

Большущему сильному зверю
Резона особого нет.
«Я в грусть по берёзкам не верю», –
Сказал мой любимый поэт.

Но я про другие берёзы
По случаю выскажусь тут,
Про те, что в жару и в морозы
Не ведая страха, растут

На свалках, складах и промзонах
Под вой очумелых ветров,
Сквозь грязь на обломках балконов
Разрушенных старых домов,

Сквозь ржавчину и паутину,
Кирпичную крошку и пыль,
Развалины, слякоть, трясину,
Болотную чёрную гниль, –

Берёзы, которые к свету
Сквозь серую ломятся твердь.
Я вижу: им удержу нету.
Они прорастают сквозь смерть.

Немало по всяким Европам
Поездил я и полетал,
Прошёл по нехоженным тропам,
Своим там, однако, не стал.

Я там за границей психую,
Не пью ни ликёр, ни коньяк,
По белым берёзам тоскую –
По тем, что растут на камнях.

Тоскую по нашим ребятам,
С кем раньше я вместе служил,
Где каждый мне другом и братом
В те годы далёкие был.

В Нью-Йорке по Бруклину, Бронксу
Бывало, один по ночам
Гулял я, а после зарёкся,
Я даже слегка осерчал,

Что не с кем в полтретьего ночи
Стакан за здоровье махнуть, –
Не сразу, но всё же схлопочешь,
Когда про особый наш путь

Поведать случайным прохожим
С какого-то вдруг бодуна
Решись – ведь должна же им всё же
Понравиться наша страна,

Когда не ...к им какой-то
Расскажет про это, а я!
Застрелят-то вряд ли из кольта,
Но спросят: «А ты на фига

Сюда в это время припёрся?
Иди, куда шёл, у-лю-лю!»
Люблю я Нью-Йорк и нью-йоркцев,
Но Щукино⁸ больше люблю –

Безудержно, страстно и пылко.
Пусть я не какой-нибудь лорд,
Во мне есть особая жилка:
Я местный, и я этим горд!

Уж тут-то проблем не возникнет,
Хоть даже ты лордом кажись,
В ночи человека окликнуть
И рюмку с ним хлопнуть за жизнь.

(А если закрыто, всё глухо,
Не купишь нигде ни черта,
Серёга Евсенко, братуха,
Найдёт потайные места.)

И там, за бугром, мои братцы,
Чуть только закрою глаза,
Берёзы мне сразу же снятся,
И майская в небе гроза,

И дребезг ночного трамвая,
И даже Петров, замполит,
Который по пьянке мечтает
Пожар мировой запалить –

⁸ Щукино – район в Москве.

По ленинским как бы заветам,
Я в них не особо силён,
Пытался сначала, да где там
Понять этот самый закон

Насчёт всевозможных развилок,
Куда, по какому пути
Мы с песнями будем в затылок
Вперёд к коммунизму идти.

Когда коммунист не ворует,
Умерив свой пыл и задор,
Нормальный уже напрямую
С ним можно вести разговор.

Что делает он? Чешет репу,
Чтоб всем нам на нашем пути
Маяк, судьбоносную скрепу
Как можно скорее найти.

И, что мы в ответ там ни мелем,
Ему-то уж точно видней,
Что надо к намеченным целям
Идти в соответствии с ней,

Не просто подошвой вбивая
Булыжники в гладь мостовой,
А чтоб нас труба боевая
На подвиг вела трудовой!

А я им скажу, балаболам:
«В какую ты дудку ни дуй,
Но скрепа должна быть глаголом.
Глагол мой такой: «Не воруй!»

И ты вот представь, мой читатель,
Что, как бы он ни был нелеп,
А он не ворует, искатель
Тех самых загадочных скреп!

И, хоть я любого такого
Привык обходить за версту,
Люблю замполита Петрова
За искренность и простоту!

Над ним вороньё не пирует,
Закопанным в глину и торф.
Когда человек не ворует,
То, значит, он жив, а не мёртв.

Любому скажу: «Эй, братишка,
Какой ни манил бы нас флаг,
Но то, что без Родины крышка
И мне, и тебе – это факт!»

Идти до конца – вот мой метод.
Все знают – я тот ещё жук,
И я не могу не отметить:
Без нас-то ей тоже каюк!

Пусть ветер, хмельной отморозок,
Во всю свою глотку ревёт,
Вот хрен он от белых берёзок
Так просто меня оторвёт.

Пусть вьюга сжимает объяття,
Мне с ней воевать по плечу.
На этом вот месте опять я
Отвлечься немного хочу.

Достаточно долго, наверно,
Я с вами, друзья, говорю,
Я сам уже несколько нервно
На всё это дело смотрю.

Конечно же, он длинноватый,
Роман этот мой. Признаю.
Но я вам озвучу, ребята,
Другую задумку мою.

Какую задумку? Такую:
Сомнения откинув и страх,
Людей осчастливить хочу я
«Войною и миром» в стихах.

Вот так, дорогой мой читатель,
Реальность – она такова.
Какой-нибудь очковтиратель
Пусть ищет другие слова,

А я разжую всё подробно,
Зачем, отчего, почему
Судьба нас долбаёт под рёбра,
Глядишь так, и сам всё пойму.

Тут – триста страниц-то всего лишь,
А там ты, тряся головой,
К четвёртому тому завоешь,
А что? И полезно, и вой.

Нет, я не какой-нибудь демон,
Наглец, бузотёр и буян,
А просто ментовская тема –
Бескрайняя, как океан.

В ней нет ни конца, ни предела,
Такой у природы каприз.
Я даже про всё это дело
Придумал один афоризм:

«Я рассказать хочу своим ребятам,
Пускай они заучат назубок,
Что мент неисчерпаем, словно атом,
Как космос, бесконечен и глубок!»

Меня, я так думаю, каждый
Захочет давить на корню,
Когда про ментов я однажды
Роман номер два сочиню.

В стихах, я напомним вам снова,
Он будет объёмным таким,
С «Войною и миром» Толстого
Сравнится размером своим.

Зачем я, вы спросите, братцы,
Стучу кулаком по груди?
Чтоб люди могли догадаться
О том, что их ждёт впереди

В преддверии скорого мига
(Пока ещё автор в строю),
Когда они новую книгу
Увидят в продаже мою.

Тогда-то уж точно захочет
Любой меня тюкнуть и пнуть
За мой, прямо скажем, не очень
Прямой и осознанный путь.

...Коллег моих разных немало,
Но всё же не целая рать,
Размах у кого небывалый,
Чтоб жизнь нашу всю описать –

Толстой, Достоевский. Платонов –
Он свой изучил котлован,
Ему навставляли пистонов,
Там тот ещё был балаган.

Да, много у нас грамотеев,
Которым особый почёт.
Я тоже туда тяготею,
Посмотрим, как дело пойдёт.

Я парень, конечно же, смелый,
Но есть закавыка в мозгу,
С которой неясно, что делать –
Я прозу писать не могу.

Тяжелый такой, словно камень,
Дефект у меня речевой.
А вот изъясняться стихами –
Вообще проще нет ничего.

Я здесь для того и отвлёкся,
Чтоб вспомнить родимый причал.
Я в юности секцию бокса
Почти каждый день посещал.

И вследствие этого факта –
Какой-то в башке моей звон,
Чего-то там сдвинулось как-то,
И мною открытый закон

Для умников разных, всезнаек
Озвучивать мне не впервой:
Поэт – это тот же прозаик
С отбитой слегка головой!

Ну вот я и буду стараться
Большой огород городить.
Таких литераторов, братцы,
Не следует строго судить.

Душа моя настезь открыта,
Посмотришь вот так на просвет,
И видишь, что там крутизны-то
Особой-то даже и нет.

Чего уж, и дальний, и ближний,
Все знают, каков мой удел,
Я мало чего в этой жизни
Нормально освоить сумел.

Заводом командовать вроде
Немного могу, это да.
Не слишком порою выходит,
А то и вообще ерунда,

Когда в чугунае столько серы,
И фосфора, мать его так,
Что нет ни надежды, ни веры,
Что кончится этот бардак!

И будто бы в полночь глухую
Метель замает мой след,
И воз мой, который тащу я,
Буксует, и сил больше нет,

И совесть меня, словно сабля,
Кромсает: «Чего ты? Давай!»,
Поникла когда и ослабла
Седая моя голова,

И в ней не мозги уж, а тесто,
И нету в душе куражу,
Сюда я, на это вот место,
Спустя тридцать лет прихожу.

И вместо полезной глюкозы,
Которая слаще, чем мёд,
Я просто смотрю на берёзы,
А после иду на завод,

Включая мозги, между прочим,
И так начинаю пахать,
Что боссы уже мне не очень
Хотят ...й напихать.

Спасибо им, белым берёзам,
Что могут меня излечить.
Всё ясно с моим этим возом:
Тащить мне его и тащить.

Но это совсем про другое
Беседу свою я веду,
Про то, что творится со мною
В две тыщи двадцатом году.

Сложилось. Могло не сложиться.
Вернёмся, однако, назад,
К моим дорогим сослуживцам,
Что рядом, на брёвнах сидят.

Удав мне по-дружески в спину
Тихонько локтём саданул,
Поближе стопарь пододвинул:
«Ты что там, Серёга, уснул?»

Пускай даже пустишь слезу ты,
Не выйдя в большие тузы,
Берёзы твою крутизну-то
Как раз и поднимут в разы!

Как будто бы сладкая нега
Накрыла тебя, но смотри:
Стажёр за добавкою сбегал.
Сиди хоть всю ночь до зари!

Финальный аккорд эпопеи:
Он вот он: хоть враг не дурак,
Но мы, видит Бог, не тупее,
И наша взяла, как-никак!

Уже не стоим на ушах мы!
Довольно!» И, словно в ответ,
Стажёр из ракетницы жажнул
Во славу грядущих побед!

О! девушки к нам! Да какие!
По виду – так полная рвань.
И что теперь? Вряд ли другие
В такую зайдут глухомань.

Они присоседились с края,
Озвучив свои имена:
«Я – Чайка, кликуха такая!
А я – так и вовсе Волна!»

У них на двоих – три фингала,
И то хорошо хоть не шесть,
Не слабо их жизнь потрепала.
Ну ладно, какие уж есть.

Витюха, конечно же, рожу
Скорей отвернул в уголок,
Что, типа, маркизам негоже
С такими вступать в диалог.

А нам ничего, мы попроще,
Чего там, девчата, гуляй!
Володька из банки наощупь
Им пива налил через край,

А всё потому, что стемнело
На этих задворках Земли,
Но сразу наладилось дело,
Когда мы костёр разожгли!

Как в море подводная лодка,
Вдали ясный месяц плывёт,
И песней весёлой Володька,
Как шпагой, пронзил небосвод.

Ну, это он так, понемножку
Размялся, проверил вокал
И тут же губную гармошку
Для пущего кайфа достал!

И вот уж невидимый некто
Внезапно, по зову души,
Включил на пригорке прожектор
И крикнул: «Кудрявый, пляши!»

Ну, это ко мне, я кудрявый,
Эх, братцы, была не была!
Бывает, скачу я на славу
Не хуже любого козла!

Мой выход! Гармошка играет!
Вперёд! Раз-два-три, понеслась!
Теперь-то уж точно я знаю,
Что встреча друзей удалась!

Две тётеньки – Чайка с Волною,
Печаль разнося в пух и прах,
«Цыганочку» пляшут со мною –
Две шмары с бычками в зубах!

За ворот схватив, за фуфайку,
Росточком-то сам хоть и мал,
Психолог вдруг взял, да и Чайку
Подбросил, но, правда, поймал!

И, шаря у нас под ногами,
Приняв эстафету от нас,
Прожектора луч вместе с нами
Пустился, не выдержав, в пляс!

Володька, Сергуня, все наши
Не чуют уже даже ног,
И к нам заявился, и пляшет
Мужик, что прожектор зажёт!

Вот так оно в жизни бывает!
Народ, я люблю тебя! Шпарь!
Один в нас огрызком пуляет,
Другой зажигает фонарь!

«Гуляйте!» – оципаный, куцый,
Нам грач прокричал с высоты, –
Менты, мол, сюда не суются!
Да ладно, мы сами менты!

Ну что? Мы под музыку Вовки
Плясали часа полтора,
Мы вили из Вовки верёвки:
«Играй! Ать-два левой! Ура!

А ну-ка, ещё вдарим, вмажем
На зависть любому врагу!»
Хозяин прожектора даже
Взмолился: «Устал! Не могу!»

Вообще-то он на ногу быстрый,
Он нам из бытовки своей
Принёс бормотухи канистру –
Кто хочет её, тот и пей!

Ну, мы-то всё больше по пиву,
А градусы чтоб повышать,
То это вопрос щекотливый,
И можно ли пиво мешать

С сомнительным крепким напитком –
С лосьоном, с аптечной бурдой,
Тут версий мудрёных с избытком,
Одна веселее другой.

И, кстати вот, к слову «берёза»
Я рифмы не знаю сильней,
Чем слово короткое – «доза»,
Что мы принимаем под ней.

(О пиве я – это святое,
О водке уже, на крайняк,
А всех этих дел с наркотою
Мой ум не приемлет никак).

И как эту дозу отмерить,
И как лакировка пойдёт –
В каком, наконец, интерьере, –
Ответственный нужен подход!

«Во-во, без него никуда нам,
Иначе ты сразу пропал, –
Жонглируя полным стаканом,
Наш новый знакомый сказал, –

Стезю свою каждый отыщет,
У всех нас свои рубежи!»
«Давай, мы сказали, дружище,
Садись, о себе расскажи!»

Хозяин прожектора этот
Хороший был с виду мужик,
Но что там в его голове-то,
Он сам до конца не постиг.

«Там мысли, – сказал он, – теснятся,
Как в бочке солёная сельдь,
Я понял, всё склеилось, братцы,
Что мент – это жизнь, а не смерть!

Три года, а то и четыре
Я чувствую скрежет в мозгу:
Случится чего-нибудь в мире,
И я свой прожектор зажгу!

Не ждал я, что так оно будет,
Я думал, что всё уж, кранты,
А тут вон нормальные люди
Пришли, да ещё и менты!»

Какая-то смутная горечь
Была у него на душе.
«А как тебя звать-то?» «Егорыч».
«А где ты живёшь?» «В шалаше».

«Да ну? Не бывает такого!»
«Бывает. Газеты всё врут,
В которых об этом ни слова.
Да тут и в землянках живут.

Судьба, что трясёт по ухабам,
Давно уже мне не мила.
Я раньше работал прорабом,
Здесь стройка большая была.

Но кто-то её заморозил,
Хоть вешайся к чёрту со зла,
Да вот хоть на этой берёзе,
Что к свету сквозь тьму проросла.

И мир мой на паузе замер,
И где уж там быть на плаву?
Ну вот я и запил с бомжами,
Да так вот среди них и живу».

«А дальше-то что?» «Да всё то же.
Но Чайка с Волной говорят:
Надейся и жди, и, быть может,
Пойдёт наше дело на лад.

Однажды большая работа
Кипеть будет даже и тут,
Мы всё обустроим в два счёта,
Когда нам отмашку дадут.

Пчелиным закружится роем
Народ здесь, и мы, наконец,
И Дом пионеров построим,
И новый культурный дворец.

Серьёзных особых загвоздок
Как будто бы даже и нет,
И жизнь возродится, и воздух
Здесь песнями будет звенеть!»

«Эх, жизнь, стрекоза-вертихвостка! –
Прорезались Чайка с Волной, –
Одну небольшую загвоздку
Нельзя обойти стороной!

В далёкое прошлое мостик
Однажды привиделся нам,
Здесь раньше бульдозером кости
Ровняли с землёй по ночам.

Сейчас-то он старый и ржавый,
А в тридцать каком-то году
Бульдозер трудился на славу,
На полном работал ходу!»

«Нас не было даже на свете,
А кто-то с тех пор ещё жив, –
Сказала Волна, – он ответит,
Мол, былъ это всё или миф.

Я с мамкой и папкой общалась,
По их выходило словам –
Что в землю уже не вмещалось,
Сгребали ковшом в котлован.

И краской ли нынче, извёсткой,
Пожалуй, что лишняя блажь –
Замазывать эту загвоздку,
Поди ты такое замажь!»

Какой-то хромой оборванец
Пришёл к нам окольной тропой.
Я видел хронических пьяниц,
Но этот совсем не такой.

Но, правда, нетрезвый немножко,
Морщинами лик испещрён,
Как шрамами. «Вот вам картошка,
Давайте её испечём!»

«А сам ты кто будешь, скажи нам!»
И хриплый в ответ хохоток,
Как ржавая брякнул пружина:
«Кто-кто, да никто! Дед Пихто».

Егорыч сказал: «Повезло вам.
Он, кстати, нисколько не врёт,
Что он Дед Пихто. Этим словом
Его вся округа зовёт.

Да ладно ещё, хоть не Пушкин.
Насчёт «повезло» поясню:
Обычно он с третьей чекушки
Заводит свою хреновню,

С улыбкою лёгкой, небрежной
На серых от пыли устах,
Что рухнет оно неизбежно,
Всё то, что стоит на костях.

А я говорю, что не рухнет,
И пусть ерепенится враг,
Тут, братцы, особая кухня,
Тут яма размером с овраг.

С тех пор много лет пролетело,
Поверьте правдивым словам,
Я сам расширял это дело,
Чтоб вышел большой котлован!

Сработано было солидно.
У ямы глубокое дно.
Костей этих больше не видно.
Их все закопали давно.

Хоть память во мне неплохая,
Чтоб так её просто пропить,
Но я потому и бухаю,
Чтоб всё поскорее забыть.

Мой разум подвижный и прыткий,
И все мне причины ясны,
Зачем они, эти напитки,
Такие, как водка, нужны.

Затем, чтоб они помогали
Поменьше нам думать о том,
Чего там у нас под ногами
Спрессовано толстым пластом.

И надо спокойно, без злости
Смотреть нам вперёд, а не вспять.
А вдруг эти самые кости
Захочется нам сосчитать?

Для дружной полезной работы
Во имя великой страны
Способности к устному счёту
Бывают порой и вредны.

А выпьешь сто грамм, и нормально,
А сто пятьдесят долбанёшь,
И, хмурый такой весь, печальный,
Весёлым скворцом запоёшь!

Вот мы ничего и не знаем
Про эту подземную жуть.
Нормально по жизни шагаем.
Нам кости подошвы не жгут.

Так, может быть, в этом, ребята,
И есть он, особый наш путь,
Чтоб, как бы ни шёл ты куда-то,
По сто пятьдесят долбануть!

От водки уж точно вреда нет,
А есть только польза одна.
Она настоящий фундамент,
Опора на все времена!»

Мы все обалдели немного
От этой тракторки его,
Что можно идти в путь-дорогу,
Не помня себя самого.

Психолог глазел ошалело
В холодную чёрную тьму:
«За красных я или за белых?
Уже я и сам не пойму!»

«А смысла-то в этом вопросе, —
Сказали ему, — с гулькин нос!
Он в том, чтоб ты бабу подбросил,
Поймал и до места донёс!»

«Куда? Что за место такое?»
«Туда, где в объятиях с ней
Тебе в тишине и покое
Прожить до скончания дней!»

Ну, это уже ему Чайка
Нащупала струны в душе:
«Живи, и люби, и кончай-ка
С Егорычем клюкать уже!

Чего ты сидишь такой хмурый?
А ну-ка, давай, улыбнись!
Я, может быть, полная дура,
Но выпить готова за жизнь!

Когда под весёлое пенье
Наводится тень на плетень,
Он тоже становится тенью,
А это уже хренотень!»

«К чему это всё?» — мой читатель
Задумчиво спросит меня.
Я, может, отвечу некстати,
Нисколько его не дразня,

Чтоб понял он вместе со всеми,
Кто греется нынче в тепле,
Как было не просто в то время
Работать ментам на «земле».

Пойдёшь так вот праздник отметить
С родным коллективом своим,
И можешь Егорыча встретить,
И Деда Пихто вместе с ним!

Вот так вот цыганочку спляшешь,
Где сцена стоит на костях,
И пращуров сгинувших наших
Покой потревожишь и прах.

В соседнем глухом околотке
Трамвай завывал, как шакал,
И голос в прокуренной глотке
У Деда Пихто клокотал,

Мол, кости в фундаменте – плохо,
Начнут шевелиться – и всё,
Такая пойдёт суматоха,
Ничто уж тебя не спасёт!

«Нельзя так с советской страной! –
В небесный глаза простор,
Кумекали Чайка с Волною
И ветки кидали в костёр, –

Дворец на костях – что за мода?
Какая уж тут красота?
С другой стороны, для народа
Рабочие будут места!»

«Ну да! – им Егорыч поддакнул, –
Всё с нами – и удаль, и пыл,
А кто говорит, всё не так, мол,
Он просто своё не допил!

Их нынче немало, примеров
Людских неизбежных потерь.
И что же, Дворцы пионеров
Уже и не строить теперь?

А если, к примеру, излишек
Добавлен в исходный бюджет,
То строить его для детишек,
Культурный дворец, или нет?

Ведь всем хорошо – и детишкам,
Что в секции будут ходить,
И тем неприметным людишкам,
Что будут излишек пилить!

Уж лучше вы, скептики, бросьте
Свой скепсис и встаньте во фронт!
Тем более, все эти кости
Давно уже вдавлены в грунт.

И, значит, пустая затея –
Пытаться опять и опять,
С устатку пыхтя и потея,
Найти их и все сосчитать,

Уж если по ним, громохая,
В далёкую новую жизнь,
Навроде цветущего рая,
Проехал большой механизм? –

Бульдозер какой-нибудь, трактор,
А то и вообще паровоз?»
А ты, мой читатель, вот как ты
Решил бы подобный вопрос?

Для храма искусства, к примеру,
Чего это – лёгкий пустяк,
Ошибка, прокол землемера,
Когда он стоит на костях?

«А сам что ты скажешь на это?» –
Ребята спросили меня.
А здесь никакого секрета,
А только одна болтовня.

Вопрос на засыпку мне вбросьте:
А кто он, советский народ? –
Мы все, в том числе эти кости,
Что в яму бульдозер гребёт.

Вот так и снимают с нас стружку.
Такая уж, видно, судьба.
А я вот допью свою кружку
И лично скажу от себя:

Не то чтобы я конспиролог,
Любой на меня посмотри –
Но мысль, как железный осколок,
Терзает меня изнутри –

Про то, что небесные силы,
Назначив уже судный час,
Как будто в реке крокодилы,
Свой взор обратили на нас.

Там явно созрела решимость –
Не Солнце, не Марс, не Луну,
А взять и проверить на вшивость
Советскую нашу страну.

Похоже, что нам наудачу,
Не зная объёма работ,
Всевышний поставил задачу
И смотрит, как дело пойдёт.

Задача такая: авось ты,
Мой друг, согласишься со мной –
Найти эти самые кости
И все сосчитать до одной.

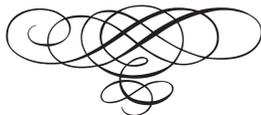
И ежели вдруг этот мир наш
Не помнит о них ничего,
Тогда для него слишком жирно,
Чтоб мы принимали его.

Он нашего стоить не будет
Ни взгляда уже, ни плевка.
Господь нас и тот не рассудит...
Вот так мы попили пивка.

Во тьму погружённая, в холод,
На фоне мерцающих звёзд
Кружилась листва, и психолог
Сказал неожиданный тост:

«Ребята, за нас, за Россию,
Чтоб петь нам всегда и плясать,
И чтоб нам никто амнезию
Не смог никогда приписать!»

Потом, с утра, когда на службу мы пришли,
То всё ещё, как звёзды тусклые вдали,
Его туманные тревожили слова нас.
Да, всё, как надо, банды нет, пошла ко дну,
И, хоть мы выиграли у них свою войну,
У нас несделанное дело оставалось.

Двадцатая глава

Да-да, я тут для общего обзора
Насчёт курьера вам хочу сказать.
Мы были с ним в режиме договора,
Который надо было выполнять.

За много лет ни разу, мне сдаётся,
От смеха я со стула не упал.
Есть поговорка: в цирке не смеётся
Тот, кто хоть раз в ментовке побывал.

Ну, или как-то что-то в этом роде, –
Про армию, про флот, про всё подряд,
Да много так про что ещё в народе
У нас порою люди говорят.

Смешно, конечно, было в нашем «цирке»,
Там та ещё творилась чехарда,
А вот курьер, что чалился в Бутырке,
Был грустен в ожидании суда.

Мы слово ему искреннее дали
Насчёт в суде уменьшить срок его,
При том, что ни на миг не забывали,
Какие наши планы на него.

Читатель, ты запомнил прокуроршу,
Которую Толян наш полюбил,
Как женщину, как друга, даже больше –
Как человека?! Если ты забыл,

То я напомним: там, в глухой Сибири,
Их страсть была, как горная река.
Она хотела сделать харакири,
Когда Толян подальше от греха

Убёг в Москву, по сути дела, бросил
Её одну на линии огня,
Ну, хоть бы напоследок прогундосил:
«Счастливо, дорогая, жди меня!»

У аппаратных местных группировок
К сияющим вершинам путь кривой,
Её по ходу сложных рокировок
Из прокурорши сделали судьёй.

Когда она, прожжённая каналья,
Была в Москву к нам переведена
Из своего степного Забайкалья,
Толян сперва не понял ни хрена.

Он даже подходил ко мне с вопросом:
«Вот ренессанс – он в чью придуман честь?
Вот если ты сумел оставить с носом
Свою судьбу, то это он и есть?»

Я дал ответ: «Уж если так по-русски
Сказать про всё нормальным языком,
То ренессанс сродни перезагрузке –
Чтоб баба помирилась с мужиком!

Чтоб намертво к груди его прижалась,
А ну-ка кто попробуй оторви! –
Чтоб между ними вечно продолжалась
Эпоха возрождения любви!

Сердечко нарисуй ей на бумаге,
Да и свисти себе, как соловей...»
...Курьер, однако, маялся в тюрьге
И дожидался участи своей.

Чтоб парня обещаньями пустыми
Зазря не тешить, слово-то дано,
Мы к той судье Толяна запустили:
«Давай, голубчик, самое оно!

Так вышло. Ей досталось это дело.
Всё как всегда. Опять ей и опять,
Хоть и уже порядком надоело,
Преступников на нары отправлять.

Войди туда, и, весь такой любезный,
«Привет тебе, – скажи ей, – Ваша честь!
Тут человечек есть один полезный,
Не десять надо дать ему, а шесть!

Он наш агент, источник, информатор,
Не просто примитивное ворьё.
Когда у нас такие есть ребята,
Мы лучше дело делаем своё!»

Толян сперва артачился со страху,
Она меня, мол, может и отшить
За то, что я любовь свою на плаху
Не преминул когда-то положить,

Что отскочил, аж пятки засверкали!
Она меня прогонит, дурака,
За то, что я, не ведая печали,
Из своего родного городка

Удрал, как только жареным запахло,
Чтоб не позорить славный коллектив,
И чтоб в меня полковник не бабахнул,
Курок по недоумию спустив,

Ну, тот вояка, муж её законный,
Сто лет ему не кашлять, не болеть,
Который генеральские погоны
Хотел взамен полковничьих надеть!

Нас это всё никак не зацепило,
Мы тяжкий груз с него решили снять:
«Кончай, Толян, давно всё это было,
Нам уговор свой надо выполнять!»

И, вместо лимончеллы выпив морса,
Витюха ему белый свой костюм
И галстук дал: «Смотри, не опозорься,
Не стой там, как тюфяк и тугодум,

А приступай к решению задачи.
Насчёт любви особо не дури, –
Ни так, ни этак чтоб не накосячить,
Цветок ей сразу Колькин подари!

На случай неожиданных претензий,
Что кто-то, мол, бесчувственный, как пень,
Пустяк изящный уровня гортензий
Покруче даже будет, чем сирень!

При этом лишних слов не говори там,
А просто улыбайся, глядя в пол,
Мол, прошлое нисколько не забыто,
Хотя я и по делу к вам пришёл!»

И вот он, как красивый белый катер,
Подчалил к ней. Ах, как она грустна!
Её душа была, как лунный кратер,
Мертва, и глубока, и холодна.

Она сама, прямая, словно шпала,
В косынке тонкой цвета кабачка,
Как за стеной стеклянной восседала
И на него смотрела свысока:

«Ну и чего пришёл, кобель проклятый?»
При этом всё прекрасно было в ней –
И губы, что презрительно поджаты,
И взгляд, и трепетание ноздрей!

«А, может быть, я зря, – Толян подумал, –
Прервал тогда без спросу нашу связь?»
Она вздохнула тяжело и угрюмо
И как с цепи железной сорвалась!

Мол, ты меня покинул вероломно,
Профукал весь моральный капитал!
Моя любовь была к тебе огромна,
А ты её, подлюга, растоптал!

А ведь она во мне не умирала,
Она жила. Супруга моего,
Как только получил он генерала,
В тюрягу упекли за воровство.

Он двигатели танковые тырил,
Я за него хочу поднять бокал,
Он не был главный вор по всей Сибири,
Всего лишь тройку лучших замыкал!

Ну, в общем, ты бы мог тогда остаться,
Немного надо было потерпеть,
И избегать подстав и провокаций,
И в тряпочку тихонечко сопеть.

И, вместе передачи собирая
Сидельцу, горемыке моему,
Любить друг друга. Да, она такая,
Любовь моя к тебе. Да и к нему.

Но я насчёт тебя вопрос закрыла,
Мне надоела эта канитель.
Лети-ка ты, мой голубь сизокрылый,
Куда-нибудь за тридевять земель!

Толян сказал: «Да я к тебе по делу,
Ведь ты такой понятливой всегда,
Душевною и доброй быть умела,
А я дурак, конечно, и балда,

Что соскочил. Он в этом одинаков,
Наш брат мужчина. Ты меня прости.
Гортензию, что дал мне Коля Шмаков,
Позволь тебе уже преподнести!

Без всяких волокит и бюрократий
Я расскажу, зачем я в это влез,
Тут, кроме наших собственных понятий,
Присутствует служебный интерес.

Заблудший наш баран – не фигли-мигли,
Не брошенная рыба на мели,
И мы не шерсти клок с него состригли,
А всё, что есть, со шкуры соскребли.

Ну, то есть, информации нарыли
Вагон с тележкой, можно так сказать,
И кражи все с разбоями раскрыли,
И так и будем впредь их раскрывать.

Мы глубоко нырнули, а не мелко
Благодаря способностям его,
А, не вступи он с нами в эту сделку,
То вряд ли мы раскрыли бы чего.

А в чём предназначение Фемиды,
Я десять, двадцать раз скажу и сто –
Не просто так чморить любую гниду,
А сквозь повязку видеть, кто есть кто!

Я знаю, мы добьёмся результата,
Покрепче с ним контора завяжись,
Он будет наш надёжный информатор
На всю потом оставшуюся жизнь!

Мы всем отделом помараковали:
Курьер, ведомый собственной судьбой,
На зоне, как охотник на привале,
Немного отдохнёт, и снова в бой!

Однажды он, я это знаю точно,
На всю Россию будет знаменит,
От западной границы до восточной,
Он самого Ушастого затмит!

Мы лишний раз носы свои не будем
В их логово поганое совать,
Все графики их праздников и буден
Он будет нам заранее сливать!»

Народная судья, вообще-то Зина
Была и есть по имени она,
Всё это услышав и рот разинув,
Взволнована была, восхищена.

И никакой стены уже стеклянной!
Сияя, как кремлёвская звезда,
Она в упор глядела на Толяна:
«Ну и размах у вас! Вот это да!

Чтоб сам пахан работал на контору! –
Он будет им, я это поняла!
Ну что же, флаг вам всем, идущим в гору,
Чтоб вас в пути метель не замела!

Ввиду тобой описанных событий
Ты мне наделал пороха в мозгу.
Вообще-то вы не даром хлеб едите.
Ну ладно, хрен с тобою, помогу!»

Вот так, мои друзья, судья и опер
На почве общих целей задач
Опять сошлись. Они в одном окопе.
Ну что, бандит и вор, скули и плачь!

И, в общем-то, пора уже решать ей,
Какой приоритетный выбрать путь,
Не то к Толяну броситься в объятья,
Не то в него гортензию швырнуть!

Что ж, по рукам! Толян от счастья замер.
Его простили, судя по всему.
И ренессанс уже не за горами,
Не зря мой друг готовился к нему.

Витюха, что костюм ему спроворил,
Не зря ломал над галстуком башку,
Ему потом Толян за это вскоре
Презентовал поллитру коньяку.

Рискуя, в общем, собственной карьерой,
Она тогда себя превозмогла
И срок злодею нашему, курьеру,
Шесть лет, почти что минимум, дала,

При этом чуть его не отлупила,
Когда он попросил, чтоб дали три:
«Будь моя воля, я б тебе влепила
Пожизненное, чёрт тебя дер!»

И, по исходной действуя программе,
Ей не создали видимых проблем
Кивалы, что кивают головами,
Народных заседателей тандем.

Мне даже сон приснился чуть попозже,
Что новые настали времена,
И нам моторчик вставили под кожу,
И все вокруг кивают, вся страна –

Без передышки, глядя друг на друга –
Какой-то коллективный «Паркинсон»!
И нет огней в ночи, и воеет вьюга,
И головы трясутся в унисон!

Из нас бойцов веками жизнь ковала,
А не трусливых скрюченных калек,
И вот он – по земле идёт кивала!
Хозяин бала! Новый человек!

Меня холодный пот прошиб спросонья,
И свет моё жильё не освещал,
Я сам себя расстроенной гармонью,
Гитарой дребезжащей ощущал!

Мозги и сердце, душу мне навyleт
Как будто прострелили из ружья,
Меня кивалы эти впечатлили,
Что это тоже родина моя!

И я желаю ей совсем немного –
Чтоб ей счастливый вытянуть билет
И, наконец, найти свою дорогу
И «Паркинсоном» больше не болеть!

Менты ещё, я помню, побывали
Вот в этом сне моём, и головой
Они, как куклы, точно не кивали,
А, как обычно, воз тащили свой.

Вот так вот люди ходят и не знают,
Куда они идут за пядью пядь,
Ну и вообще – про что они кивают.
Им никогда про это не узнать.

...Недаром, братцы, с вами тут со всеми
Я про ментов затеял разговор.
Какая жизнь была у них в то время,
Никто не знает толком до сих пор.

И всё, что было со страной моей родной,
Какой-то чёрною покрыто пеленой,
Кромсать и рвать её – занятие пустое,
Так в телевизоре нам часто говорят,
Но, если мы не будем помнить тех ребят,
То так и будет всё покрыто чернотой.

Двадцать первая глава

Не будет. Со мной нету сладу,
Когда я молчать не готов.
Ну вот я и сделал, что надо,
Роман сочинил про ментов.

И я за друзей своих стоя
Бокал поднимаю стократ.
Читатель, давай мы с тобою
Вернёмся в ту ночь на Арбат,

Где друга я встретил, Витюху,
Где добрые люди на час
Без лишних вопросов пивнуху
Специально открыли для нас.

Я знал: нам ещё и добавки
Дадут в близлежащем дому
В подвале у скульптора Славки,
Я шёл изначально к нему.

И вновь я вернул в наше время
Витюху вопросом своим:
«А с нашими что там со всеми?
А то я скучаю по ним.

Ревущей безумной турбиной
Тоска колобродит в душе.
Одиннадцать лет с половиной,
Как я на гражданке уже.

Как будто завесою дымной
Нас век разделил насовсем
С ребятами. Витька, скажи мне,
Чего там случилось и с кем?»

«Толян укатил в Аргентину,
Замкнуло чего-то в мозгу,
Я даже такую картину
Представить себе не могу!

Он там уже год, как не больше,
И с кем бы ты думал, Серёг?
Да с Зинкою той, с прокуроршей
Рванули вдвоём наутёк

Из нашей с тобою России.
Был с нами, и нету его!
Он даже испанский осилил.
Чего тут сказать? Ничего.

Конечно же, парень с приветом,
Как все мы, и есть он, и был,
Но главное всё же при этом,
Чтоб русский Толян не забыл.

Толян ничего, а вот Клещ-то
По правде сказать, чуть не сел.
Ну, это вообще было нечто,
Там меч над башкою висел.

Курьер-то тот самый, Василий,
Что в Питер возил барахло,
Сработал без шума и пыли,
Когда его время пришло.

Его-таки сделали мэром.
Ушастый, мотая свой срок,
Каким-то особым манером
Ему в этом деле помог.

На зоне судили-рядили,
А после, да им не впервой,
На царство, на трон посадили
В один городок под Москвой!»

«Как? Вора квартирного? Ваську?
А если нагрянуть к нему
С ОМОНОм⁹, сказать: «Ну-ка, слазь-ка,
Не нужен ты здесь никому!»

«Серёга, кончай, ради Бога,
Давай уж, людей не смещи!
А, кстати, всей банде помногу
Влепили тогда, от души.

Там суд оттянулся дай боже –
Как будто под рёбра с носка,
И десять им дали, и больше
Хорошие были срока!

Курьер же, ты помнишь, на сделку
Тогда согласился пойти,
Он прыгал от счастья, как белка!
Три года потом из шести

⁹ ОМОН – отряд милиции особого назначения.

Он зону топтал, если точно
По пальцам года посчитать,
И вышел условно досрочно,
Чтоб мэром впоследствии стать.

Две трети, бывает, всего лишь
Сидишь, и за честный твой труд
Заранее вольную волю
Тебе вертухаи дают.

Серёга, ты мне не поверишь,
Их время пришло, всё течёт.
Они там на зоне не звери,
Там творческий к делу подход.

Вот так они дроби считают:
Две трети умножить на шесть –
И три там, и меньше бывает,
Когда стимуляция есть.

Сквозь тернии к звёздам пробиться
Безудержной страстью горя,
Курьер этот, Васька, в столицу
Явился потом втихаря.

Как будто из пепла воскресла
Душа у него – не в пример
Всем нашим. В высокое кресло
Залез он. Вот мэр так уж мэр!

И он не забыл про Клеща-то,
Зазвал в ресторан, в кабинет,
Работы, мол, край непочатый.
«Ну что, подполковник, привет!

Любой, кто с глазами, в два счёта
Смекнёт, посмотрев на меня:
Я вроде машины «Тойота»,
А это тебе не ...ня!

Пятьсот лошадей, полный привод!
Учите, ребята, матчасть!
Я власть городская, а ты вот
Уже никакая не власть!

Но наши тебя уважают.
Я помню, от страха дрожал,
Что суд мне «червонец» впаяет,
Но ты своё слово сдержал!

Видать, нам с тобой свои тёрки
Тереть до скончания дней.
В партнёры зову, не в шестёрки,
Начать бы уже поскорей!»

«Чего?» «А того! Ты послушай:
Имеется тема одна,
Уж больно мне в сердце и в душу
Запала её новизна!

Звоночек тут был, чтоб не слишком
Открыто и громко трубя,
Какая ты важная шишка,
Смотрящим поставить тебя,

Чтоб в качестве бизнес-объекта
Элитный подпольный бордель
Выдерживал заданный вектор,
Чтоб жизнь веселей и бодрей

Была с каждым днём там, и прибыль
Не падала чтоб, а росла, –
Мы вместе с тобою могли бы
Крутить неплохие дела!

Да, там персонал специфичен
Насчёт чтоб порядок любить.
Чтоб главную мантру постичь им,
Ты должен её им вдолбить! –

Что там не сплошная малина,
Что, как и везде по стране,
Там тоже нужна дисциплина.
Ты справишься с этим вполне.

Ты менеджер высшего сорта!»
Вот тут-то наш Клещ психанул
И этого мутного чёрта
Хлебалом в салат окунул!

«Подумаешь, – раньше сказали б, –
Немного слегка потрепал!»
Но Васька хлебало оскалил
И в обморок сразу упал!

А после в больничной палате
Наутро он встретил зарю.
Ему в этом самом салате
Укроп закупорил ноздрю.

Там лопнул сосуд, и к тому же
Какую-то там колбасу
Хирург у него обнаружил,
Пинцетом шуруя в носу.

Клеца-то вот в следственной части
За это и взяли под пресс,
Что он представителя власти
Мурлом окунул в майонез!

Потап за него заступился,
Все старые связи поднял,
Сперва с прокурором напился,
А после и вовсе сигнал

В высокое мягкое кресло
Какому-то хрену послал,
Чтоб дело, как спутник, исчезло,
Который с орбиты пропал –

Подарок всего лишь, не взятка,
И всё, никаких больше дел!
Мол, спутник, идя на посадку,
При спуске внезапно сгорел!

Ну, в общем, спасибо Потапу,
Отмазал. Иначе беда.
Пошёл бы наш Клец по этапу
И сгинул бы там навсегда!

Реалии новой России
Не каждый сегодня поймёт.
Свои же Клеца попросили
С далёких незримых высот

Вести себя как-то потише.
Он эти подсказки учёл.
В отставку на пенсию вышел,
Разводит на пасеке пчёл».

«А сам-то Потап, что он, где он,
Любимый наш вождь и вожак?»
«Да виделись мы между делом,
Он скрёб, как по роже наждак,

Меня словесами своими,
Как гирей, давил на мозги,
Пока ты, мол, весь тут не вымер,
Подальше отсюда беги! –

От вечной гулянки. Ну, что ты,
На струнах побренькал и рад?
Серёг, он меня на работу
Позвал две недели назад.

Он, офис по случаю как-то
Напротив Кремля отхватив,
Без усталости пашет, как трактор,
Он частный теперь детектив.

Сейчас две недели – как вечность,
Другая житуха пошла,
Она не прощает беспечность.
Такие вот нынче дела.

И кризис ему, как горилла,
Гримасу соорил свою,
Аренда его разорила.
Я нос свой туда не сую,

Чего там и как у Потапа,
Но знаю, что он задолжал
Тому, кто потом и захапал,
Кто бизнес его и отжал.

Вот так вот, – сказал мне Витюха, –
Всё быстро теперь, знаешь сам,
Пошло с этой новой житухой,
Привыкнешь к любим чудесам!»

Мы все, как на крыльях, летали.
И вот в девяносто восьмом
Случилось, чего мы не ждали –
Всеобщий и полный облом!

Так вышло. Держава в дефолте
Утопла, как Жучка в пруду,
И кризис за фортелем фортель
У всех вытворял на виду.

Он топают бодро и ровно,
Не видя вокруг никого,
И все мы вокруг поголовно
Лишь пыль на подошвах его.

«А как остальные ребята –
Володька, Сергуня, стажёр,
Удав, наконец?» «Хреновато.
Там сложный пошёл разговор

С начальством у них, да не с нашим,
А с тем, что на смену пришло,
С которым варить нашу кашу
Нам было уже запаadlo.

И Клещ, и Потап в девяностом
На вольные вышли хлеба.
Без них уже стало не просто,
Там сразу слетела резьба

В башке, кто уже по-другому,
По-чёрному нас припахал,
Как будто им кто-то солону
Заместо мозгов напихал.

Они в своём фирменном стиле
На нас, ох, скорей бы забыть,
Одну мелочёвку валили,
Чтоб «палок» побольше срубить.

И хоть она, эта рутина,
Была для нас хуже петли,
Двенадцать кило героина
Изъять мы однажды смогли.

Сынки там какие-то чьи-то
Активный наладили сбыт,
И вот он уже с этим сбытом
Вопрос кардинально закрыт.

Начальники нас похвалили,
Развеяли нашу тоску,
И всех, кто был взят, отпустили
По первому сверху звонку.

Чего уж? Немногие рады
По встречной пылить полосу.
Нам сказано было: «Так надо».
Ну, мы и уволились все.

Меня ещё раньше, точнее,
За длинный турнули язык,
За то, что пахать на «земле» я
Спустия рукава не привык.

Начальство живёт и не тужит.
Вован изучает иврит,
Стажёр инкассатором служит,
Удав казино сторожит».

«Постой, а иврит-то причём тут?
Он что, значит, тоже...того?»
«Да нет, просто доктор почётный
Супруг у сеструхи его.

С какими-то вроде корнями,
Что можно ему в Тель-Авив
По хитрой заехать программе,
Родню заодно прихватив.

Сергуня же вновь, что есть мочи,
Поймав настоящий кураж,
Сидит в кабинете и точит
Точилкой большой карандаш.

Зачем? Чтоб в проекте доклада
Начальник любимый его
Подчёркивал всё, чего надо,
И больше не знал ничего.

Его расстрелять как-то даже
Однажды хотел генерал,
Что он, вопреки инструктажу,
Точилку свою потерял!»

«Витюх, а со Шмаковым Колей
Какой там в итоге расклад?»
«Да здесь он, в Москве, в средней школе
Ботанике учит ребят.

Он старый диплом педагога
В комодке искал десять дней,
Он новую в жизни дорогу
Нашёл и потопал по ней.

Красивая рыба речная,
Какой-нибудь хариус, хек, –
Он в них хорошо понимает,
Учёный такой человек!

Вот так и храним в голове мы
Его бесконечный рассказ,
Где главная Колькина тема –
Что рыбы умнее всех нас!»

Ну ладно. Здесь речь не об этом.
Она здесь, скорее, о том,
Как мы с милицейским приветом
К товарищу, к Славке идём.

Уже мы допили добавку,
Уже и забрезжил рассвет.
Ну вот и подвал. Вот и Славка:
«Здорово, бродяги, привет!

Серёга, а кто там с тобою
Понурый и мрачный пришёл,
Чего с ним случилось такое?
Тащи его сразу за стол!»

«За стол? Это можно. Давненько
Я здесь у тебя не бывал,
Не пел, на гитаре не бренькал,
С ребятами не выпивал.

А где они, кстати? Ведь я же
Махнуть с ними рюмку мастак!»
«Да вон они, лыка не вяжут,
Четыре утра, как-никак!»

«Да, видно оно! Погуляли!
Чего отмечали-то, Слав?»
«Да я вроде помнил вначале,
А после, слегка подустав,

Забыл, если честно признаться,
Какой такой праздник у нас.
И ладно. Как сами-то, братцы?»
И мы повели свой рассказ,

Эпитетов лишних не тратя,
А в темпе, чтоб Славка не спал,
Про всё, что тебе, мой читатель,
Я здесь только что описал.

Мы ели какие-то груши
Под смешанный аперитив,
И Славка внимательно слушал,
Усталость свою позабыв.

Он после добавочной дозы
Мольберт подпирая плечом,
Услышав про наши берёзы,
Особенно был впечатлён –

Что рвутся сквозь пепел и камни,
Где мрак на пути, чернота.
«Не знай я тебя, – он сказал мне, –
Не понял бы я ни черта.

Побольше в родной стороне бы
Вас было таких, чтоб не счесть, –
Берёзы, что тянутся к небу,
Вот это вот все вы и есть».

Вокруг озираясь печально,
Он крепко держался за стул,
Чтоб на пол не рухнуть случайно,
И кистью водил по холсту.

Два цвета – зелёный и чёрный
Смешал он на этом холсте.
Ни глади там синей озёрной,
Ни моря, ни звёзд в высоте,

Ни красной какой-нибудь розы,
Ни солнца, ни пальмовых роц,
А только берёзы, берёзы,
И чёрная, чёрная ночь.

Паук на мигающей люстре
Задумчиво лапкой шуршал,
А Витька хотел об искусстве
Вести разговор по душам.

Идейный аспект для затравки
Он сразу же взял на прицел,
Вопрос у Витюхи для Славки,
Как овощ на грядке, созрел:

«Вот ты на троих разливаешь.
Прекрасно. А ты вот, мой друг,
Венеру Милосскую знаешь,
Ну, статую эту без рук?

Об авторском этом капризе
Немало гуляет легенд.
Ну разве не ясно, что кризис
Их тоже в какой-то момент

Окутал тогда, этих греков,
И нету просвета вдали,
И как тут лепить человека,
Чтоб руки нормально росли?

Никак, если денег на глину,
И тех у тебя даже нет,
И спонсор твой сдулся и сгинул
С концами, простыл даже след!»

«Ну да, – поддержал его Славка, –
Всё было, и вот тебе шиш!
И ты не творец, а козявка,
Всё правильно ты говоришь!

Художнику в кризис хреново.
Вон, глянь-ка туда в уголок,
Там маршал стоит безголовый,
И конь его рядом без ног.

Такому объекту культуры
Как правило, зритель не рад,
Когда лишь куски арматуры
Из конского брюха торчат.

А как же так вышло? А так вот –
Заказчики много хотят,
Но жизнь-то, она вроде шахмат,
Зевнул – и уже тебе мат!

А как я зевнул? Преоплату
Не взял целиком, и привет!
Заказчик – банкрот. Вот и вся и тут
История славных побед,

Успехов моих, озарений,
Счастливых бессонных ночей.
«Подумаешь, тоже мне, гений! –
Беснуется хор сволочей,

Заклятых моих конкурентов,
Что лепят героев труда.
Таких девяносто процентов,
С кем знаться – позор и беда.

Когда ты хромая собака,
Хоть ты и умом будешь крут,
Тебя, как того Пастернака,
За миску похлёбки сожрут!

Да, вы мне изрядно помяли
Мозги. Я такое люблю.
И, если вы банду поймали,
То я и коня долеплю,

И маршал мой будет в металле
Почётный топтать пьедестал!»
Ну, в общем, пока мы болтали,
Картину-то он дописал.

Богема уже оживала,
Народ шебуршил по углам –
Почётные гости подвала –
Пьяны были все, но не в хлам.

Башка набекрень у богемы,
Как будто от качки морской, –
Стоят, озираются: «Где мы?
А, вспомнили, мы в мастерской!»

Прозаик, довольно маститый,
Башкою тряхнул: «Ну, дела!»,
К столу подошёл, и поди ты,
Не стал выпивать из горла, –

Стакан опрокинув привычно,
Сказал в пустоту, набум:
«Вести себя надо прилично!
Мы всё же властители дум!»

Спросонья глаза мутноваты
У двух молодых поэтесс,
Они неплохие девчата,
У них в голове интерес,

Мол, надо ж такому случиться,
Советские наши менты,
Заместо, чтоб в строй становиться,
С искусством наводят мосты!

Чтоб время не тратить впустую,
Уже даже целый этюд
Наш Славик любимый рисует
Про их героический труд! –

Совсем не мазня на мольберте,
Там даже название есть,
Два слова всего: «Нету смерти!»
И белых берёз там не счесть!

Сказать свои мысли стихами
С устатку они не могли,
И ручками нам помахали,
И ближе к холсту подошли.

Стоят, вон, и блеют, как козы:
«Да тут и сомнений-то нет,
Что это не просто берёзы,
А ваш коллективный портрет!

Мы тоже во всём разберёмся
И к звёздам, что светят едва,
Сквозь стужу и сумрак прорвёмся,
Вот только проспимся сперва!»

И рокер, кумир молодёжи,
(Он тоже проснулся уже)
Пошёл из угла к нам, но всё же
Замешкался на вираже.

Он машет руками, и бренди
Течёт у него по губе:
«Эй, Славка, дружище! Ты в тренде!
Менты даже ходят к тебе!»

Редактор журнала, по рюмкам
Разлив из бутылки коньяк,
Печенье какое-то схрумкал
И выдал вердикт: «Всё не так!»

Не тренд он, а бренд! Это круче,
Уж ты мне поверь, старина!
Ему даже чёрная туча
И молния в лоб не страшна!

Ван Гог! Микеланджело! Гойя!
Малевич ты наш Казимир!»
«Шабаш, мужики! Тут другое! –
Витюха их всех вразумил, –

Я вижу, что вы в вашем споре
Один упустили момент,
А я вам скажу: зрите в корень!
Не тренд, и не бренд он, а мент!»

Да как это? – все обалдели,
Он скульптором был много лет,
Да, с виду гусар, а на деле
Свистка у него даже нет!

«А где его китель парадный?
А где амуниция вся? –
Взволнованный комик эстрадный
Сказал, бороною трясся, –

А как же фуражка, кокарда,
Штаны, наконец, галифе?
И где он в учёте по кадрам,
В какой обозначен графе?»

И Витька ответил: «Резонно!
Но надо понять, наконец,
Что он без петлиц и погонов
Гвардеец, орёл, удалец!

Подумаешь кителя нету,
Пошёл в ателье, и пошил!
Чтоб всё игнорировать это,
Достаточно Славка пожил.

Он тот, кто умеет нас слушать,
Он понял нас, как ни крути,
Он видит насквозь нашу душу,
Он может до сути дойти.

Да он и дошёл. На картине
Всё то, что должно на ней быть.
Мне хочется Славку отныне
Почётным ментом объявить!

Любого гони супостата!
Живым оставайся в бою!»
И Славка сказал нам: «Ребята,
Берите картину мою!»

Он, кстати, слегка засмутился:
«Спасибо, что ты меня, Вить,
Один тут из всех догадался
Почётным ментом объявить!»

Я тронул гитарные струны,
А Славка скрутил этот холст
И в кожаный тубус засунул.
Он, Славка-то, парень не прост:

«Я точно его потеряю,
В отличие, братцы, от вас.
Такому, как я, раздолбаю
Вообще оно лучше подчас, –

Сказал он, – подальше держаться
От статуй своих и картин,
А то и вообще, может статья,
Устроить для них карантин.

В каморке, в пустой комнатёнке
Стоять бы шедеврам моим,
Где лишь тишина да потёмки,
А лет через сто поглядим,

Кому это всё будет нужно,
Чего я успел наваять,
А вдруг мне народ скажет дружно:
«Пошёл-ка ты, ... !»

Но эта картина, ребята,
Написана лично про вас.
Поверьте мне, парни, уж я-то
Услышал его, ваш рассказ».

Богема опять загалдела –
Не вся, но заметный процент:
«А что, и хорошее дело,
Что Славка теперь тоже мент!

Выходит, что он многогранен!
Не зря он в своей мастерской
Работает, как каторжанин,
В манере своей ментовской!

Да ты поищи таких нынче,
Да вряд ли найдёшь ты кого,
Вот был Леонардо да Винчи,
И то уже нету его!»

Однако пора собираться,
Нам в разные с Витькой концы.
С богемою надо прощаться.
Пока, дорогие творцы!

Про нашу родную сторонку,
Восполнив душевный пробел,
Прозаик задорно и звонко
Нам песню вдогонку пропел:

*«Во поле берёза стояла,
Во поле кудрявая стояла.*

*Некому берёзу заломати,
Некому кудряву заломати.*

*Я пойду берёзу заламаю,
Я пойду кудряву заламаю».*

«Чего с ним? – спросили мы Славку, –
Зачем ему всё это петь?»
«Затем, что он вышел в отставку,
Как старый заблудший медведь

Выходит порою из леса
И смотрит вокруг: «Ну и ну!
И надо ж мне было, балбесу,
В чужую прийти сторону!»

Он верным бойцом, забиякой
В Союзе писателей был,
Он Галича и Пастернака
И всех, кого скажут, громил.

Что делать? Работа такая.
И, словно в загривок гарпун,
Он всаживал жертве, толкая
Речуги с высоких трибун.

И яркой от выпивки краской
Горит его рож, хоть плачь,
Как будто бы красную маску
Надел перед казнью палач.

Так было. Но мир изменился.
Конечно же, всем тяжело.
И в штопор Совок забурился.
Семь лет, слава Богу, прошло.

Вот он и привыкнуть не может,
Что некого больше громить,
И зубы сжимает до дрожи,
Семью-то ведь надо кормить.

В глухой пребывая печали,
Вот он иногда и поёт.
Семь лет, как ему уже дали
Везде от ворот поворот,

Мол, ну тебя на хрен, погромщик,
Такая уж, братец, судьба,
На пристани старый паромщик,
Тот самый, заждался тебя,

Кто всех нас в итоге увозит
Куда-то к чужим берегам.
В каком-то теперь в леспромхозе
Прозаик теперь главный зам.

Он счастлив за этой работой
Умом и душой понимать,
Что в мире осталось хоть что-то,
Что можно ещё заломать.

Он держит вопрос на контроле,
И нет, чтоб из лейки полить
Берёзу, стоящую в поле,
Он хочет её завалить!

Такой у него рефлекторный
К простой этой песне подход,
Как только поддаст выше нормы,
Так сразу её и поёт!»

Да, силища, видно, взрывная
Отложена в нём про запас, –
Стоит и мычит: «Заломаю!»,
И страшен сощуренный глаз!

Девчата жужжат, как стрекозы:
«Ну, ты задолбал на корню!
Зачем ты про нашу берёзу
Разводишь свою трепотню?

Мы знаем: всё это слова лишь!
Ты старый, а мы молодёжь!
Ты сроду её не ломаешь,
Лишь руки свои обдерёшь!»

Он с полным бокалом напротив
Стоит, словно дуб: «Ну, народ!
Посмотрим, как вы запоёте,
Когда моё время придёт!

Вот так вас поднять среди ночи –
И к стенке, и сразу в расход!»
И две поэтессы хохочут:
«Авось, как-нибудь пронесёт!»

Пустые бутылки под лавку
Забросив под хохот и хрип,
«Послушай, – спросили мы Славку, –
А кто он тебе, это тип?

Он с виду мужик-то приличный,
Но будто слепой, как сова,
Уж больно оно непривычно
Подобные слышать слова!»

«Да сердце его от натуги,
Как поезд по рельсам, гремит,
Он жертвы свои с похмелюги
В мечтах продолжает громить.

Не может никак ни в какую
Забуть он всё это, а я
Подвал у него арендую,
Такая вот доля моя.

Он ищет, как все, где теплее,
Погреться приходит зимой,
Не гнать же его, дуралея,
При том, что он родственник мой.

Да Бог с ним уже, каждый раз мы
Опять этот слышим мотив.
А много сейчас не в маразме
Из тех, кто пока ещё жив?»

Веселье отнюдь не угасло.
Прозаик за круглым столом
Отсвечивал рожею красной,
Как будто крутил фонарём.

Ему, хоть и правда он старый,
Задал-таки правильный крен
Высокий красавец с гитарой,
Артист из театра «Ромэн».

Он так на ней музыку сбавал,
Что, глядя на мир свысока,
Прозаик не смог удержаться
И лично сплясал гопака!

Да, как бы нам ни было грустно,
Пляши, и вся дурь улетит!
Волшебная сила искусства
Вот в этом как раз состоит.

Я тоже в подвале у Славки
С Витюхой сплясал, как тогда,
На стройке, точнее, на свалке.
Большая пошла чехарда –

Мы тоже себя показали –
И друг мой Витюха, и я,
Воистину в этом подвале
Душа развернулась моя!

Нам зрители хлопали стоя,
Эмоций у них целый шквал,
«Цыганочка» – это святое!
Артист её тоже сыграл.

Мелодию эту, все знают,
Я в сердце с рожденья ношу.
Как только её заиграют,
Так сразу же я и пляшу.

Ну ладно, пора уж, ей-Богу,
Нам Славка с собой сухарей
В кулёк положил на дорогу,
Чтоб шли мы уже поскорей –

«Не в смысле вас на хрен спровадить,
А чтоб вы с богемой опять
Искусства любимого ради
Не начали пить да гулять!

Уютная эта берлога
И схожие с нею места
Легко снивелировать могут
Глубинную сущность мента!»

И в воздухе полным бокалом
Вираз исполняя лихой,
«Гудёж этот вечен, – сказал он, –
С него соскочить нелегко!

Вот так и погрязнешь в два счёта
И даже уснёшь на столе,
Но должен же кто-то работать,
Чтоб жил человек на Земле!»

Богема галдит громогласно:
«Мы сами себе короли!»
Нам Славка сказал: «Это классно,
Что вы ко мне в гости пришли!

К чему этот дым коромыслом,
Тут даже понятно ежу!
Из спячки душа моя вышла –
Я так вам, ребята, скажу.

Покамест она не на взлёте,
Но как-то уже на ходу,
А если вы вдруг соберётесь
Ещё раз ко мне, я вас жду!

С какой стороны ни зайди ты,
Нельзя по-другому никак,
Когда все надежды разбиты,
И всё у тебя враскосяк,

И ты уже загнанный в угол,
И пол под ногами горит,
Нам надо почаще друг с другом
О жизни своей говорить.

Вот это нас только и лечит,
А всё остальное – мура!
Счастливо, ребята, до встречи,
Ни пуха вам всем ни пера!»

Чтоб в горле не так было сухо,
Махнуть посошок пополам
Мы вместе решили с Витюхой.
Махнули. Пора по домам.

Ещё в тумане тлела поздняя звезда,
И строй унылый зарывался в никуда
Столбов фонарных – этих старых солдафонов.
Ну что, Витюха, друг сердечный, будь здоров!
Мы на прощанье спели песню про ментов
И обменялись номерами телефонов.

Эпилог

В своей слегка расслабленной манере
Он уходил, и вдаль через плечо
Я на него глядел и твёрдо верил:
Когда-нибудь мы встретимся ещё.

Всё так и будет, только много позже,
И смерть саму, как чёрную дыру,
Ещё я шмякну факелом по роже,
Я всю команду нашу собираю.

Они меня с полслова понимали,
Не бык я, слава Богу, не баран.
Как мы завод из пепла поднимали,
Я напишу когда-нибудь роман!

Но это после жизнь уже покатит,
Чего ей ещё делать-то? А тут
Мы попрощались с Витькой на Арбате,
Пора, как ни крути, дела не ждут!

...С друзьями выпивая понемногу,
Я как-то раз подумал и изрёк:
«Какой роман в стихах без эпилога?»
Да никакой. И вот он, эпилог.

Читатель мой, я думаю, ты понял,
О чём я тут веду с тобою речь
И от чего без лишних церемоний
По-дружески хочу предостеречь.

Ты молодец, что ты меня читаешь
Заместо танцев-шманцев, дискотек,
Но, если ты ментов не уважаешь,
То ты довольно странный человек.

Всё это время знаешь, для чего я
Тебя высоким слогом ублажал?
Чтоб ты дружил немного с головою,
Чтоб ты ментов любил и уважал.

И, если ты на них немного злишься,
То ты умерь гордыню-то свою,
И ты с Россией вместе возродишься.
Менты тебе помогут. Зуб даю!

Я предоставлю маленькую справку,
Мне никогда твердить не надоест,
Что, если все менты уйдут в отставку,
То на Вселенной можно ставить крест.

И это далеко не смефуёчки,
Чего нас ожидает впереди, –
Планета разлетится на кусочки,
Тут даже и к гадалке не ходи.

Легко такое может приключиться,
Но, если мент на страже, на посту,
То никуда она не разлетится,
Я говорю, как есть, начистоту.

Вот так, друзья, не будь мента в дозоре,
То, в челюстях почуяв острый зуд,
Друг друга оппоненты в жарком споре
Без предисловий сразу загрызут.

А что потом? Да что, стрельба и пламя,
И кости почерневшие в золе.
Менты всегда должны быть рядом с нами,
Иначе люди вымрут на земле.

Какая здесь мораль? Да никакая!
Тут, сколько в мой роман глаза ни пяль,
Отчётливо и ясно проступает
Скорее аксиома, чем мораль –

Хоть этот мир – придурок бестолковый,
Но всё же он не мальчик для битья,
Мы для него – опора и основа.
Без нас вообще не будет ни ...

Чего к чему, я думаю, понятно:
Мы – это мы, советские менты,
Которые не ходят на попятный,
Спасая мир, когда ему кранты.

Со мной не согласятся ни в какую,
Кому моя религия претит.
Когда я свой роман опубликую,
В него камней немало полетит.

В нём лишний пафос критики отметят,
Про нынешний напомнят кавардак:
«Таких ментов давно уж нет на свете!
И сам ты – романтический мудак!»

Но им признать, однако же, придётся,
Что этот мир посредством красоты,
Как классик обещал нам, не спасётся.
Кишка тонка. Его спасут менты.

Ну что, мои друзья, пора прощаться.
Хочу вам напоследок пожелать,
Всего-то ничего: любви и счастья,
Чтоб всем спокойно жить и поживать,

Чтоб нас не замела в дороге вьюга,
И чтоб вдали огонь горел во мгле,
Чтоб все мы с вами помнили друг друга,
И человек не вымер на земле...

Июнь, 2019 – июнь, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Пояснения к тексту	5
Пролог	9
Первая глава	13
Вторая глава	19
Третья глава	25
Четвёртая глава	30
Пятая глава	40
Шестая глава	48
Седьмая глава	59
Восьмая глава	81
Девятая глава	95
Десятая глава	103
Одиннадцатая глава	130
Двенадцатая глава	140
Тринадцатая глава	155
Четырнадцатая глава	171
Пятнадцатая глава	187
Шестнадцатая глава	198
Семнадцатая глава	242
Восемнадцатая глава	249
Девятнадцатая глава	267
Двадцатая глава	303
Двадцать первая глава	314
Эпилог	342

Сергей Киреев

Чтоб человек не вымер на земле...

Роман в стихах

Издаётся в авторской редакции

Иллюстрации: *Оксана Кагальникова*
Фотографии: *Леонид Кикоть*

Вёрстка: *Мельников К. Л.*
Корректор: *Заварзина О. Г.*

Подписано в печать 30.11.2020.
Формат 60×84 1/16 Усл. печ. л. 20,3.
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Заказ № 411.

Отпечатано в издательстве «Академиздат»
(ООО «Агентство маркетинга инноваций»)
630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, д. 137, оф. 6
Тел.: +7 (383) 263-24-88, +7 913 909 90 85
E-mail: knigi@academizdat.ru
Сайт: www.academizdat.ru